

В.Б. БЕЗГИН

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА**

**ТАМБОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОУ ВПО ТГТУ
2011**

УДК 94(47) (075.8)
ББК ТЗ(2)4 – 282.2я73
Б392

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор ГОУ ВПО «Пензенский
государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского»
В.В. Кондрашин

Доктор исторических наук, профессор ГОУ ВПО «Тамбовский
государственный университет им. Г.Р. Державина»
П.П. Щербинин

Безгин, В.Б.

Б392 История российского крестьянства : учебное пособие / В.Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ. – 2011. – 108 с. – 100 экз. – ISBN 978-5-8265-0963-0.

На основе современной научной литературы дан ретроспективный анализ основных этапов развития российского крестьянства с X по XX века.

Предназначено для самостоятельной работы студентов всех направлений бакалавриата по базовому курсу «История». Может использоваться для изучения элективного курса «История российского крестьянства», а также в инновационных средних учебных заведениях, при подготовке абитуриентов к поступлению на исторические, юридические и другие гуманитарные специальности вузов.

УДК 94(47) (075.8)
ББК ТЗ(2)4 – 282.2я73

ISBN 978-5-8265-0963-0

© Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Тамбовский государственный
технический университет»
(ГОУ ВПО ТГТУ), 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

В.Б. БЕЗГИН

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Рекомендовано Учёным советом университета
в качестве учебного пособия
для студентов всех направлений бакалавриата
по базовому курсу «История»

Тамбов
Издательство ГОУ ВПО ТГТУ
2011

Учебное издание

БЕЗГИН Владимир Борисович

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Учебное пособие

Редактор Е.С. Кузнецова

Инженер по компьютерному макетированию М.А. Филатова

Подписано в печать 02.12.2010

Формат 60 × 84/16.6,28 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 608

Издательско-полиграфический центр ГОУ ВПО ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Положение дел в сельском хозяйстве России продолжает катастрофически ухудшаться. Решительных мер по спасению важнейшей отрасли государством не предпринимается. Центральное место в этой коренной проблеме занимает крестьянство. От его состояния, от государственной заботы о нём в решающей степени зависит восстановление отрасли, судьба страны и её народов, национальная безопасность.

Крестьянство как социальный класс России и специфический слой русского народа исторически сформировалось в форме аграрного сообщества земледельцев. И призвано выполнять важнейшие задачи – производить на земле сельскохозяйственную продукцию, снабжать ею население страны и обеспечивать продовольственную безопасность государства.

Крестьянин всегда отличался большим трудолюбием, корни которого уходят вглубь истории. Представитель этого сословия характеризуется духовно-нравственной стойкостью, добротой, честностью, прочными узами общинной взаимопомощи и взаимной поддержки, привязанностью к земле и определённой долей крестьянского консерватизма.

Успешное выполнение крестьянами своей основной функции в решающей степени зависит от ответственности руководителей государства за их судьбу. Задача государства – создание необходимых условий, отвечающих жизненным нуждам и интересам жителей села.

Политика государства по отношению к крестьянству определяет характер его поведения, отношение к власти, ко всем видам реформ и перестроек в сельском хозяйстве и обществе в целом. Вся история крестьянства есть отражение их борьбы за землю, за право владения ею.

Настоящее издание, основанное на современных научных подходах в области крестьяноведения, призвано дать читателю целостное восприятие истории крестьянства России. Посредством ретроспективного анализа воспроизведена характеристика основных исторических этапов развития сельского социума нашей страны. Особое внимание в содержании учебного пособия обращено на динамику развития аграрного сектора, традиционной основы отечественной экономики. Концептуальным стержнем издания является проблема взаимоотношения крестьянства и власти на разных этапах исторического развития страны. Автор не только раскрывает содержание аграрных преобразований, осуществлённых властью, но и даёт оценку их эффективности.

1. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

К середине первого тысячелетия н.э. основными занятиями древних славян были земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, а также другие промыслы и деревенские ремёсла. Основой экономики Руси издревле было сельское хозяйство. Свидетельством этого являются как данные письменных источников, так и найденные остатки земледельческих орудий и зерна хлебных злаков. В южных районах, в степной и лесостепной полосах, в рассматриваемый период было развито пашенное земледелие. Наряду с перелогом существовала двух- и трёхпольная система с паровым клином. В лесной зоне долгое время господствовала подсечная система, которая во второй половине первого тысячелетия стала вытесняться пашенной. Для X–XI веков процесс этот вырисовывается уже достаточно заметно.

Из сельскохозяйственных орудий употреблялись рало, плуг, соха. В письменных источниках первые два упоминаются с X века, соха – с XIII; археологически она зафиксирована с IX века. Найденные археологами железные части землеобрабатывающих орудий (наральники, сошники, плужные лемехи и чересла) датируются начиная с VII–VIII веков. Тягловой силой при пахоте служили лошади, а на юге, возможно, и волы. Из дошедшего до нас древнерусского сельскохозяйственного инвентаря следует назвать ещё бороны, железные мотыги, лопаты, топоры. Хлеб жали серпами (косы использовали для сенокосения). Снопки после просушки в копнах свозили на гумно или складывали в скирды в поле. Молотьба производилась на току цепями. Провеянное зерно хранилось в предназначенных для этого ямах. Его перемол в муку производился при помощи ручных жерновов, их образцы найдены археологами.

Из зерновых культур в Древней Руси были известны рожь, пшеница, овес, ячмень, просо; из масличных – лен, конопля; из бобо-вых – горох, бобы, чечевица; из овощей – репа, капуста, лук, огурцы, тыква и пр. Наряду с земледелием и огородничеством большое значение в экономике Руси имело скотоводство. Судя по находкам костей домашних животных, разводились лошади, коровы, овцы, козы, свиньи; из домашних птиц в крестьянском хозяйстве были куры, утки, гуси и пр. О стойловом содержании скота зимой можно судить по упоминанию хлева в Русской Правде и по остаткам хлевов и скотных дворов, обнаруженных во время раскопок. Для заготовки сена употреблялись косы-горбуши, грабли; копны металась при помощи деревянных вил. Помимо сена, на корм скоту шли солома и полова. В летописях и Русской Правде имеются сведения о выпасе скота.

Если земледелие и связанное с ним скотоводство занимали первое место в крестьянском хозяйстве, то немалая роль в экономике деревни принадлежала и промыслам: охоте, рыболовству, бортничеству. В соответствующих географических условиях (лесной зоны) эта роль была особенно значительна. Охотой добывалась пушнина и мясо. В большом количестве пушнина поступала на внешний рынок. Ценились бобровые шкурки, в силу чего охота на бобров была широко распространена.

Материалы раскопок в сочетании с письменными источниками дают представление об орудиях охоты. Это луки и стрелы (с железными, костяными, деревянными наконечниками), копыя, топоры, дротики, рогатины, которыми поражали добычу. Для поимки зверей и диких птиц применялись также всевозможные ловушки, тенета, западни и т.д.

Важным занятием населения было рыболовство, что обуславливалось наличием на Руси многих рек и озёр. «Ловища» (рыбные угодья) постоянно упоминаются в источниках. Рыба являлась составной частью крестьянского оброка. Археологи извлекли на свет многочисленные крючки, блесны, грузила, поплавки и другие орудия лова.

В лесных угодьях одним из крестьянских промыслов было бортничество (добыча мёда диких пчёл), особенно распространённое в междуречье Оки и Волги, в Муромо-Рязанской земле, а также в некоторых районах земель Новгородской и Смоленской. Мёд и воск включались в состав дани, оброка, они вывозились во внешний рынок. Бортные

«ухожаи» – участки леса – представляли большую ценность. На «бортях» – деревьях с дуплами, где водились пчёлы, – крестьяне ставили свои «знамёна» (владельческие знаки) и начинали их эксплуатировать. С течением времени стали делаться и искусственные дупла.

В настоящее время собран и уже обработан значительный материал, характеризующий домашнюю крестьянскую промышленность. Её распространёнными видами были прядение и ткачество, вызванные к жизни потребностями в изготовлении одежды и других предметов первой необходимости. Раскопки предоставили в распоряжение археологов веретёна и большое количество пряслиц. Материалом для тканей служила пряжа из овечьей шерсти и растительного волокна, материал для окраски ткани давали растительные красители. Скотоводство доставляло сырьё для кожевенного производства, в частности для сапожного дела, которое в деревне находилось на уровне домашнего ремесла. Найдены образцы плетёных подошв от лаптей и другие остатки кожаной обуви. Сельское население изготовляло различные сорта кожи. Немалое распространение в деревне получило скорняжное дело – пошивка шуб из овчины и звериных шкур. Если в городе косторезное искусство достигло значительного уровня, то в деревне техника выделки костяных изделий имела примитивный характер (рабочим орудием служил простой рабочий нож).

В значительной мере на стадии домашних ремесленных занятий оставалась обработка древесины. Дерево использовалось в качестве материала для постройки жилищ. Из него выделялись мебель, посуда, сельскохозяйственный инвентарь, лоды и лодки, телеги, лыжи, орудия охоты и рыбной ловли, различные инструменты и т.д. Луб (лыко) и береста шли на заготовку лаптей, верёвок, туесов (разновидность посуды), рыболовных снастей и пр. Береста служила также для письма. Таким образом, значительная часть домашних промыслов ещё не отделилась от сельского хозяйства.

Из отраслей деревенской промышленности, приобретавших характер ремесла, надо прежде всего назвать металлургическое (железоплавильное и железообрабатывающее) производство. Сельские металлурги были знакомы с техникой сыродутного процесса. Что касается деревенских ремесленников – кузнецов, то они были рассредоточены по ряду деревень. О работе кузнецов можно судить по находкам как средств и орудий производства (горнов, шлаков, молотков, клещей, зубил и пр.), так и произведённой ими продукции. Сельские ремесленники – кузнецы, ювелиры, гончары, по-видимому, в основном работали на заказ, хотя не исключено, что в какой-то мере велось и производство изделий на продажу. Район сбыта отдельных деревенских изделий был невелик.

Среди деревенских ремесленников были также ювелиры, занимавшиеся обработкой цветных металлов (серебра, меди, свинца и т.п.). Наличие в деревне отдельных отраслей ремесла не меняет общего вывода о том, что она жила натуральным хозяйством. Рост общественного разделения труда приводил к развитию городов как ремесленно-торговых центров, их роль усиливалась во второй половине XI и в XII веке, но связь города с деревней оставалась слабой. Продукты сельского хозяйства попадали на рынок или как прибавочный продукт крестьянского труда, присвоенный представителями господствующего класса в качестве дани либо оброка, или же как излишки. Товарное производство в деревне было развито очень незначительно, хотя на городские торги и попадала продукция земледелия, скотоводства, промыслов. Как уже говорилось, отдельные статьи крестьянской дани и оброка (воск, пушнина и т.д.) экспортировались в качестве товара за границу.

В лесостепной полосе поселения располагались «гнездами», по три-четыре на расстоянии до пяти километров одно от другого. Расстояние между «гнездами» достигало в среднем 30 – 40 км, но иногда доходило до 100 км и больше. Жилища были небольшими, площадью в 10 – 20 м², и в них проживало 4–5 человек. Это – жилище малых семей. Они представляли собой полуземлянки. По данным В.В. Седова, поселения VIII – X веков были крупнее последующих. Уменьшение поселений автор связывает с переходом от подсечного земледелия, требовавшего применения сил больших коллективов, к пахотному.

Термин «деревня» в письменных источниках до XIV века отсутствует. Сельские поселения носили названия «веси» и «сёла». Ко времени образования Древнерусского государства господствующей формой общественной организации у славян (по крайней мере в районах, наиболее развитых в социально-экономическом плане) была соседская, а не патриархальная община. На севере она именовалась «погостом», или «миром», на юге – «вервью». Письменные источники рисуют погосты на том этапе, когда они уже были включены в сферу воздействия государственной администрации, стали центрами сбора дани и княжеского суда. Отсюда иногда делается вывод, что погост – территориальная единица, образованная князьями для фискальных и административных целей.

Община в Русской Правде называется вервью. Основанная первоначально на кровно-родственных связях, она постепенно превращалась в соседскую территориальную общину. Пастбища, сенокосы, рыболовные, охотничьи и лесные угодья находились в общем пользовании, при наследственном владении дворовыми, приусадебными и пахотными участками. Русская Правда рассматривает вервь под определенным углом зрения, отражающим интересы раннефеодального государства. Речь идёт об ответственности общины за преступления, совершённые её сочленами (которых Правда называет «люди»). Княжеская власть возлагает на вервь некоторые судебные-розыскные функции (поиски убийцы, вора). Внутренние взаимоотношения между общинниками Правда не раскрывает. Мы знаем лишь, что общинники связаны между собой круговой порукой и участвуют в уплате «дикой виры» (штрафа за убийство, который вносится коллективно) в соответствии с мирской развёрсткой.

Появляются крестьяне-мелкие собственники (владельцы дворовых и пахотных участков). Село – это земельный участок смерда, у которого семья, имущество, лошадь. Следы права на отчуждение крестьянами-общинниками своей земли (уже сильно видоизменённого) отразились в дошедших до нашего времени более поздних источниках XIV–XV веков. За общиной сохранялось право распоряжения выморочными, брошенными, участками, пустошами, лугами, лесами: об этом тоже говорят более поздние документы.

Известны три линии, по которым шло развитие форм феодальной собственности и обращение сельского населения в зависимое от господствующего класса. Во-первых, происходило «окняжение» земли и обложение свободных общинников данью, перераставшей в феодальную ренту. Так складывалась государственная собственность, получившая впоследствии название «чёрной». Во-вторых, наблюдалось расслоение соседской общины, из которой выделялись крестьяне-алладисты, превращавшиеся затем в феодалов, безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами. Наконец, в-третьих, собственники-феодалы сажали на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами.

Для времени до середины XI–XII веков господствующей формой феодальной собственности была государственная, господствующим видом эксплуатации – взимание дани. К XII веку складывается землевладение княжеское «доминиальное»,

боярское, церковное, основанное на присвоении прибавочного продукта, произведённого трудом зависимого крестьянства и посаженных на землю холопов.

Наиболее ранней формой эксплуатации крестьян киевскими князьями являлась дань, которой они облагали сельское население восточнославянских земель. Первоначально взыскание дани производилось посредством «полюдья», т.е. поездок княжеских дружинников в подвластные земли, где они кормились за счёт населения до тех пор, пока не собирали всего, что полагалось. Общинники постепенно утрачивали возможность свободно пользоваться доходами со своих земель, становившихся верховной собственностью государства, право самим распоряжаться продуктами своего труда, часть которых присваивалась господствующим классом в форме дани.

Постепенно часть земель, население которых эксплуатировалось посредством взимания дани, переходила к князьям, как к феодалам-собственникам, и они начинали эксплуатировать живших на этих захваченных землях крестьян, взимая с них оброк или заставляя их работать на барщине.

В наиболее ранних источниках основная масса городского и сельского населения Киевской Руси носит название «люди». Когда феодальный способ производства стал господствующим, а собственность феодалов на землю сделалась основой эксплуатации ими непосредственных производителей материальных благ, слово «люди» стало употребляться для обозначения зависимых от феодалов крестьян.

Одним из каналов формирования класса зависимого крестьянства, как сказано выше, было рабство. Большое распространение получил термин «челядин». По договорам начала X века киевских князей с Византией челядин считается собственностью своего владельца. В так называемой Древнейшей Правде начала XI века содержится постановление, регулировавшее куплю-продажу челяди и утверждавшее право господина требовать возврата беглого челядина. В Пространной Правде упоминается также «плод» от челяди, который, подобно «плоду» от скота, составляет собственность господина, передаваемую по наследству.

Ранние сведения об использовании труда челядинов на пашне относятся к XI веку. Вероятно, однако, что применение рабской силы в сельском хозяйстве началось со времени вотчинного землевладения, т.е. ещё в X веке. С течением времени рабы в качестве производительной силы всё более вытеснялись в феодальном хозяйстве зависимыми крестьянами. В связи с этим термин «челядь» сливается с названием «люди» и обозначает уже всё зависимое от феодалов население.

С процессом образования государственной собственности на землю связано, по-видимому, возникновение термина «смерды», появляющегося в памятниках письменности с XI века. В литературе выдвигались разные точки зрения на смердов. Под ними понимают или всё древнерусское крестьянство, или особую группу зависимых людей, близких к западным литам, или альдионам, или рабов, посаженных на землю. В ряде новгородских актов смердами называются крестьяне, живущие на казённой земле и уплачивающие дань государству. Смерды и государственные крестьяне выполняли по развёрстке повинности князю и Новгороду. С переходом государственных земель в монастырь сидевшие на них смерды должны были нести повинности монастырским властям и освобождались от обязанности участвовать в раскладке их вместе со смердами, оставшимися в зависимости от князя и Новгорода. Однако в XI веке слово «смерды» означало не только государственных крестьян. Среди крестьян-данников, сидевших на «окняженной» земле, в связи с развитием феодальных отношений выделилась особая группа (типа последующих дворцовых крестьян), находившаяся в более тесной и непосредственной зависимости от князей-вотчинников.

Итак, смерды, зависимые от князя-вотчинника, имели земельные наделы, переходившие по наследству к их сыновьям, а в случае отсутствия детей мужского пола – отходившие в состав княжеских владений. Эти смерды вели собственное единоличное хозяйство, у них был свой рабочий скот. В развитии хозяйства смердов был заинтересован и князь, пользовавшийся частью их прибавочного труда, как вотчинник. О зависимом положении такого смерда свидетельствует то обстоятельство, что за его убийство уплачивался штраф, равный штрафу за убийство холопа. Феодальная зависимость этой группы смердов находила правовое выражение в их непосредственной подсудности князю. Нет точных данных о том, в какой форме осуществлялась эксплуатация смердов на собственных землях князя: в форме барщины (как думал Б.Д. Греков) или натурального оброка. За предположение о преобладании в это время отработочной ренты говорит упоминание в Краткой редакции Русской Правды ратайного старосты (возможно, надзиравшего за барщинными работами).

К началу XII века на Руси образовался новый разряд феодально-зависимого населения – закупы. Об их положении довольно подробно говорит Пространная редакция Русской Правды. Закуп – это человек, попавший в долговую кабалу и обязанный своей работой в хозяйстве землевладельца вернуть полученную от него ссуду (кupu). Ссуда под проценты называлась «наймом». Отсюда наименование закупа – «наймит». Феодал предоставлял закупу надел земли, сельскохозяйственные орудия (плуг, борону), рабочий скот. Закуп вёл своё собственное хозяйство, у него мог быть свой конь. Однако закуп обязан был работать на господина. Закупа, который исполнял сельскохозяйственные работы, называли «ролейным» (от слова «роля» – пашня). Стараясь закрепить за собой закупов, землевладельцы требовали от них возврата «купы» в увеличенном размере, стремились присвоить себе побольше продуктов их труда (урожаем, скотом).

Закуп был сильно ограничен в своих правах, прежде всего было стеснено право его ухода от господина. За побег он превращался в полного «обельного» холопа. За кражу, совершённую закупом, отвечал его господин, но закуп при этом, как и в случае побега, становился полным холопом. Землевладелец имел право подвергать закупа телесному наказанию. Тем не менее закон отличал закупа от полного холопа (раба). Если господин продавал закупа в холопы, то за этот незаконный акт он должен был заплатить штраф, а закуп получал свободу. По незначительным делам в случае нужды закупу разрешалось выступать на суде в качестве свидетеля. Закуп мог обращаться в суд с жалобой на своего господина.

Термин «холоп» появляется в источниках с X века. В Краткой, а особенно развёрнуто в Пространной, Правде холопы противопоставлены свободным «мужам». Холопы, как люди несвободные, не могли приносить присяги и выступать свидетелями (послухами) в суде. Холоп, ударивший свободного человека, нёс кару. Будучи несвободными, холопы не уплачивали штраф за преступление. За холопа, совершившего кражу, отвечал его господин, свободные же люди, которые участвовали вместе с холопами в воровстве или укрывательстве краденного, платили штраф. За убийство холопа взыскивался не государственный штраф (вира), а только частное вознаграждение (урок) его господину. Последний отвечал за имущественные сделки, заключённые его холопами. Ряд статей Пространной редакции Русской Правды устанавливает ответственность свободных людей за помощь, оказанную беглым холопам, и требует от княжеской администрации и частных лиц, чтобы они содействовали владельцам в поимке их холопов.

Законодательство определяет источники холопства. Это самопродажа в рабство, женитьба на рабыне без договора (ряда) с её владельцем, вступление без «ряда» в должность тиуна или ключника, растрата чужого имущества, взятого в долг или для ведения торговли. Законодательное определение правового положения холопства было в значительной мере связано с усиливающейся ролью городов, притягивавших беглое, зависимое от феодалов, население, в том числе и холопов. Судя по Пространной Правде, холоп не только скрывался в городе во время побега, но и участвовал в торговле, заключал сделки, «добывал» товар, укрываясь от своего владельца, и т.д.

Суммируя всё здесь изложенное, можно сказать, что в складывании различных категорий феодально-зависимого населения намечаются те же два этапа, что и в процессе формирования феодальной собственности на землю. Гранью между ними является примерно середина XI – середина XII веков. На первом этапе ещё значительное место в общественной жизни занимало лично свободное население соседних общин – «люди», смерды-данники, в составе несвободных преобладала челядь. На втором этапе всё большая часть непосредственных производителей переходит в число смердов, закупов, холопов.

2. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ XIII – НАЧАЛА XVI ВЕКОВ

Преобладающим этносом в XII–XIII веках являлась древнерусская народность, в основе которой с XIV века началось формирование трёх братских народностей – великорусской, украинской и белорусской. Великорусская народность была ведущим этническим элементом в Русском централизованном государстве. В состав различных русских земель и княжеств уже в XII – середине XIII веков входили территории, населённые балтийскими, финно-угорскими, тюркскими племенами, а также малыми племенными группами северных народов. Вполне закономерно, что уже при складывании Русского централизованного государства отчётливо видна его полиэтническая структура. Подчёркнём три момента.

1. Вольная колонизация земледельцев (а она чаще всего предшествовала феодально-государственному освоению новых территорий) носила обычно мирный характер.

2. Умножение межэтнических контактов приводило к взаимному обогащению опытом сфер сельскохозяйственного производства и промыслов. Русский крестьянин приносил на осваиваемые земли более высокий уровень земледелия и был наиболее активной фигурой в процессах колонизации.

3. Широкое расселение русского крестьянства вело в одних случаях к ассимиляции сравнительно небольших этносов, а в других – к ускорению социально-экономического развития местных племён и народностей.

Нашествие монголо-татарских феодалов, последующие их походы на Русь, возникновение Золотой Орды резко повлияли на характер, направление и динамику колонизации. Показательно изменение потоков миграции – население уходит в менее благоприятные по природным условиям, но зато более безопасные районы (Верхнее Поволжье, лесное Заволжье, западное и центральное междуречье Оки и Волги, бассейн Сухоны и Двины, Пермская и Вятские земли). В связи с этим более интенсивно осваиваются территории водоразделов. Характерно также периодическое возобновление культуры земледелия в ополях (Владимири-Суздальском, Юрьевском, Переяславском, Ростовском) и в областях с наиболее плодородными почвами (Рязань, Нижний Новгород). Указанные процессы нарастали в годы военно-политической стабильности (вторая треть и конец XIV века), но особый размах приобрели по мере укрепления Русского централизованного государства с середины XV века. К началу XVI века стабилизировался ареал пахотных земель во многих уездах; уровень распашек был равен или близок к максимально возможному при имевшихся тогда орудиях труда и системах земледелия.

Появление слова «деревня» (от «драть») связано с раскорчёвкой нови крестьянам. Соответственно изменилась и сеть расселения. Почти полностью преобладала починковая колонизация, для которой характерны малодворные новые поселения (1 – 3 двора). Преобладание подобной формы обуславливалось сочетанием как социальных (прежде всего ведущей ролью натурального оброка в системе эксплуатации крестьян, а также главными тенденциями в развитии феодального землевладения), так и хозяйственных и природных факторов (обширные, удобные для пашенного земледелия пространства были редки, в малодворных поселениях наделы крестьян были обычно больше, наиболее распространённой в крестьянской среде была малая семья и т.п.). Починковая колонизация была распространена и в районах с более благоприятными природными условиями. В них, однако, расширение ареала окультуренных земель шло частью за счёт увеличения дворов в сравнительно крупных поселениях.

К рубежу XV–XVI веков плотность сельских поселений в центральных и северо-западных областях Русского государства стала достаточно высокой (своего максимума она достигла к середине XVI века). Источники рубежа XV–XVI веков свидетельствуют о тесном соседстве вотчин, поместий, дворцовых владений и черносошных земель. О том же говорит и резко возросшее количество поземельных конфликтов. Типичным элементом сети расселения было село (крупное поселение с числом дворов от 10 – 15 и более) с комплексом тянувшихся к нему деревень, починков и пустошей. К концу XV века вполне различимы региональные различия в типах поселений и средней численности дворов. Наименьшим количеством дворов было в поселениях севера, несколько большим – на северо-западе, в Верхнем Поволжье, лесном Заволжье. В центральных же уездах, на юге и юго-востоке оно повышалось в несколько раз, прежде всего за счёт большого удельного веса многодворных сёл (они были здесь крупнее) и большего числа дворов в деревнях.

Характер и темпы колонизации свидетельствуют в первую очередь об экстенсивном развитии сельского хозяйства, что подтверждается и данными об орудиях труда и системах земледелия. Эволюция пахотных орудий была длительной. В XII–XIII веках существовали разные виды архаичных сох, конструктивные особенности которых обуславливались их функциями: одни предназначались для земель, вводимых в культуру, другие – для старопахотных.

Набор орудий русского крестьянина был широк. Известны заступы, лопаты (с металлическими оковками рабочей части), мотыги, деревянные бороны (смыковые и плетуши), топоры, серпы, вилы, косы, деревянные грабли и цепи, ручные жернова и т.п.

Набор культур – зерновых, бобовых, технических, огородно-садовых – был в принципе одинаков и в XII–первой половине XIII веков, и в XIV–XV веках. Однако в их соотношении происходили важные изменения. В зерновых пшеница и ячмень уступают ведущие позиции озимой ржи (по существу единственной озимой культуре) и овсу, который выходит на

первый план среди яровых. По массовым материалам Новгорода, на долю ржи и овса приходилось 75 ... 100% зерновых, пшеницы (по роду пшениц) – 5 ... 8%, ячменя – от 35 ... 53 до 11 ... 175%. Удельный вес остальных зерновых (яровой ржи, гречихи и т.п.) был значительно ниже. Тенденция к выдвиганию ржи на первый план определилась, скорее всего, ещё в XII–XIII веках. По новгородским данным конца XV века, она занимала от 41 до 46 ... 52% в натуральных оброках. В целом сочетание ржи и овса при их ведущей роли характерно для развития трёхполья. В XIV–XV веках исчезают (или почти исчезают) такие культуры, как полба, просо. Ещё в XII веке появляется гречиха – ценнейшая пищевая культура, дававшая неплохие урожаи на кислых почвах. Из бобовых известны горох, бобы, мак. В яровом клину выделялись особые площади для репы. Капуста хорошо произрастала на иловатых почвах нижних террас приречных и приозёрных долин. Из других огородных растений известны редька, морковь, огурцы, лук (в том числе озимый), свёкла, чеснок, культурная мята и т.п.

Определённое распространение имели сады – главным образом в сёлах-резиденциях феодалов, где росли яблони, вишни, сливы, редко груши (в более южных районах), смородина, малина, крыжовник. Важной культурой был хмель, хотя он и не имел всеобщего распространения. Ведущими техническими культурами были конопля и лён. Первая весьма требовательна к почвенным условиям, агротехнике возделывания: её выращивали почти без исключения на хорошо унавоженных конопляниках.

Главную роль сыграло крестьянство в эволюции систем земледелия. Принудительный севооборот с принудительным чередованием культур достаточно жёстко связан с пашенной системой земледелия. Последняя известна на Руси в виде двуполья и трёхполья, а также смешанных вариантов с более длительным ротационным циклом (четырёх- и шестилетним). Исторически предшествовали ей и длительно сопровождали подсечная (или подсечно-огневая) система, а также перелог (лесной и луговой). Соотношение этих систем (как временное, так и территориальное), набор признаков, указывающий на их бытование, а соответственно и их характер, возникновение и темпы распространения трёхполья – эти вопросы остро дебатировались в литературе в течение многих лет. Определены ответы на некоторые из них. Во-первых, общепризнано, что трёхпольный севооборот занял ведущие позиции не позднее второй половины XV века. Во-вторых, большинство исследователей склоняется к тому, что его зарождение и постепенное развитие относится к XII – первой половине XIII века, а может быть и к XI веку. В-третьих, исследователи отказались от упрощённых и чрезмерно схематических построений; выявилась сложность в эволюции систем земледелия, их взаимосвязь, характер которой определялся комплексом природных, социально-экономических и политических факторов.

Обобщённым показателем уровня развития сельского хозяйства является урожайность. Имеющиеся источники не содержат прямых данных. Урожайность, конечно, была весьма пёстрой, как и вообще при феодализме. Она существенно менялась от общины к общине, от владения к владению, от области к области. Так, иностранные путешественники и в XII, и в начале XVI века дружно удивлялись изобилию, густоте и высоте хлебов на Рязанщине. Циклически менялась урожайность и на протяжении ряда лет (обычно за промежутков в 5 – 7 лет сменялись мало-, средне- и высокоурожайные годы). Уровень урожайности зависел от множества факторов. В целом, видимо, преобладала тенденция медленного, постепенного повышения урожайности, что проявлялось в несомненном и значительном росте суммарного прибавочного продукта, создаваемого трудом крестьян.

Мало данных и для оценки развития скотоводства. В XII–XIII веках вполне определилась ведущая роль лошади как тягловой силы в лесной зоне. Повсеместно был распространён крупный и мелкий рогатый скот. Свиной больше держали в городе, а в деревне же их было, по-видимому, меньше, чем мелкого рогатого скота. На юге разведение свиней практиковалось шире. Разведение скота было более развитым в хозяйстве феодалов, особенно в княжеском. Та же картина и в XIV–XV веках. В феодальных вотчинах конские стада разделялись по назначению: воинские, выездные кони, рабочие лошади. Особо содержались породистые жеребцы и кобылы. Многочисленны были стада рогатого скота (крупного и мелкого), как продуктивного, так и тяглого.

Состав скота в крестьянском дворе прямо не известен. Однако по роду показаний можно считать, что обычно в нормально функционирующем хозяйстве держали 2–3 головы крупного рогатого скота (включая телят, но без учёта волов как тягловой силы в ряде местностей), несколько овец, какое-то количество птицы. В таком среднем хозяйстве было, по-видимому, не менее двух взрослых лошадей и до трёх жеребят разного возраста. Природные условия жёстко обуславливали характер содержания скота: он был стойлово-пастбищным. В целом скотоводство, как и земледелие, переживало несомненный подъём. Это видно, в частности, из усложнения номенклатуры продуктов животноводства во владельческих оброках и поборах разных кормленщиков. Уровень товарности скотоводства был, возможно, несколько выше, чем зерновых культур.

Широко распространены уже в XII–XIII веках были бортничество, охота и рыболовство. Промысловые занятия в древнерусской деревне в сумме всех сфер хозяйственной деятельности вообще имели больший удельный вес, чем в большинстве стран Западной Европы. Этому благоприятствовали прежде всего природные условия: бесчисленные озёра, реки и болота, бескрайние леса с богатой флорой, обильная и весьма разнообразная фауна. Промыслы играли заметную роль в ходе колонизации, особенно на первых её этапах. Хотя главным результатом колонизации было распространение пашенного земледелия, в ряде областей (на севере и северо-востоке) именно добыча пушнины и ценных пород рыбы занимала порой первое место. Показательно, что в процессе освоения русскими крестьянами новых территорий возникали тесные контакты в области материальной культуры с местными этносами, у которых охота и рыболовство были нередко ведущими занятиями.

Развитие промыслов стимулировалось также социальными и экономическими факторами. Так, внешний и внутренний рынок предлагали устойчивый, постоянно растущий спрос на воск, меха, дорогую рыбу, мёд. Одним из главных потребителей воска была церковь. Дорогостоящие меха, свежая дичь, осётр, стерлядь, лососи служили для удовлетворения потребностей верхушки господствующего класса. Внешний спрос на эти продукты постоянно увеличивался вне зависимости от переориентации международной торговли, так что промыслы были неплохим подспорьем земледелию, особенно в годы неблагоприятной политической конъюнктуры или же в периоды массовых неурожаев.

Бортничество (в сочетании с охотой и земледелием) шире всего было развито в районах лиственных и смешанных лесов, в лесных местах, соседствующих с заливными лугами (Нижний Новгород, лесное Заволжье, верховье Оки и т.д.). Не позднее второй половины XV века фиксируется распространение пасечного пчеловодства. Охота на ценного пушного зверя и ловчих птиц к концу XV века концентрируется на севере, северо-востоке и востоке, где она совмещается с рыболовством, а на морском побережье – с добычей морского зверя. Типичным для северных районов был высокий удельный вес скотоводства и рыболовства. Соединение двух последних занятий (при наличии пашенного земледелия и огородничества)

показательно для промысловых поселений на побережье крупных озёр и в приречных равнинах ряда рек. В центральных и северо-западных областях рыболовство и охота имели в крестьянском хозяйстве подсобный характер. Лишь в ряде мест здесь до конца XV века сохранялся промысел бобров, а также ловчих птиц.

С лесом были связаны и другие промыслы – из дерева возводились жилища и хозяйственные постройки, изготавливались орудия труда, бытовые предметы, утварь, посуда, средства передвижения и т.п. Многое из названного производилось непосредственно в крестьянском хозяйстве. В сельской округе крупных городов (например, Новгорода) подобные занятия в XIII – XV веках постепенно приобретали товарную направленность – на городской рынок поставляли разного рода полуфабрикаты (включая строительные материалы из дерева), а порой и готовые изделия. Достаточно широко были распространены смолокурение, выработка дёгтя, выжигание углей.

В ряде областей в сельской местности были развиты солеварение, добыча руды, выплавка железа и его первичная обработка. Несомненно рост объёма этих производств, ориентированных и на местные, и на дальние рынки (в соответствии с естественно-географическим разделением труда). В богатых усадьбах в XIV–XV веках происходит процесс перерастания промысловых поселений в промыслово-торговые посады и города. Показательно вместе с тем, что эти промыслы сочетались с нормальным занятием земледелием и скотоводством. Так, в Водской пятине Новгорода все домники и почти все кузнецы обладали нормальным для этого района наделом, доход от занятий железодельным промыслом составлял 20 ... 30% чистого дохода крестьянского двора. Ведущей формой использования трудовых ресурсов была складническая и семейная кооперация. Общераспространёнными в крестьянском хозяйстве были домашнее прядение и ткачество из льна и конопли.

Первым значительным юридическим шагом в закреплении крестьян был именно Судебник 1497 года. Статья 57 Судебника (О христианском отказе) гласит: «А христианоу отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесах полтина. А который христианин проживет за ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года проживет да и поидеть прочь, и он полдвора платит; а три года живет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года проживет, и он весь двор платит». Таким образом, Судебник 1497 года, фиксируя время перехода недель до и недель после Юрьева дня (26 ноября), не вводил никаких новшеств. Относительной новизной была лишь уплата пожилого для всех разрядов крестьян — раньше подобная пошлина взималась лишь с некоторых групп с повышенной личной зависимостью.

В XV веке существовали две основные категории крестьян: старожилы и новоприходцы. Первые вели своё хозяйство и в полном объёме несли свои повинности, составляя основу феодального хозяйства. Феодал стремился закрепить их за собой, предотвратить их переход к другому хозяину, поэтому старался не обременять слишком сильным тяглом. В то время сравнительно мягкая политика феодалов была для них жизненно необходима, так как крестьяне без труда перешли бы к другому, менее суровому феодалу. Вторые же, новоприходцы, как вновь прибывшие, не могли полностью нести бремя повинностей и пользовались определёнными льготами, получали займы и кредиты. Их зависимость от хозяина была долговой, кабальной. По форме зависимости крестьянин мог быть половником (т.е. работать на земле феодала за половину своего урожая) и серебряником (работать за проценты).

Внеэкономическая зависимость в чистом виде проявилась в институте холопства, которое значительно изменилось со времён Русской Правды, одного из первых и важнейших источников русского права. В частности, были ограничены источники холопства (например, было запрещено холопить детей бояр), участились случаи отпуска холопов на волю. Было разделение на два основных вида холопства: кабальное и полное. Кабальный холоп выгодно отличался от полного тем, что не мог быть передан по наследству и его дети не становились холопами. В остальном же они обладали одинаковыми правами. Развитие и все большее укрепление кабального холопства привело в конечном счёте к уравниванию с крепостными крестьянами.

3. РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В XVI–XVII ВЕКАХ

Второй этап развитого феодализма в России охватывает период начала XVI – середины XVII веков. То было время сложных и противоречивых процессов в развитии феодальной собственности, в эволюции ренты, в росте промышленности и торговли, наконец, в изменении экономического положения и правового статуса крестьянства. Противоречивость социальной эволюции наглядно видна из простого указания на крайние полюсы: с одной стороны, Соборное уложение 1649 года во многом подвело итог юридическому оформлению закрепощения крестьянства; с другой – в середине XVII столетия появляются первые ростки капиталистических отношений в промышленности, а на XVII век в целом приходится начальный этап в складывании общероссийского рынка.

На протяжении XVI – середины XVII веков климат несколько изменился. Зимы стали в целом более суровыми, более длительными и снежными. Большое значение это имело в районах новой колонизации (подзона широколиственных лесов, лесостепь), но, судя по темпам освоения, климатические условия и здесь не сдерживали заметного развития сельского хозяйства. Губительным для районов старой культуры было сочетание прохладного, дождливого и короткого лета с дождливой осенью и ранними заморозками, а также возвратом холодов весной. Из-за недостатка солнечных дней и недобора плюсовых температур большинство зерновых полностью не вызревало, семена легко вымерзали и вообще давали плохие всходы. Повторение подобных условий в течение двух–трёх лет приводило к катастрофическим последствиям. Так было в 1601 – 1603 годах, когда голод охватил почти всю страну; сильные голодовки по тем же причинам фиксируются в ряде регионов на рубеже 60 – 70 годов XVI века и во второй четверти XVII века.

В целом колонизационным процессам на новых территориях был присущ волнообразный характер. Вольная крестьянская колонизация, как правило, предшествовала правительственному и частно-феодальному освоению земли. Среди причин, подталкивающих крестьян к перемене мест, помимо природных и экономических (лучшие почвы и климат, более высокая урожайность и т.п.), всё большее значение приобретают социальные – уход от усиливавшейся феодальной эксплуатации и растущего режима крепостничества. Хотя главной фигурой в распространении земледелия в новых районах был русский крестьянин, активнейшее участие в этом принимали украинцы, народы Поволжья (мордва, татары, марийцы, чуваша), коми и другие. Наконец, в областях внешней колонизации обычно иная (чем в центре страны в XV века) сеть поселений: плотность её значительно ниже, но выше показатель дворности, т.е. большинство поселений – многодворные.

К 60-м годам XVI века на северо-западе и во многих уездах центра плотность поселений достигла максимума по отношению к удобной для окультуривания земле. В кризисные годы (в последней трети XVI и в первой четверти XVII веков) произошло многократное сокращение числа поселений с одновременным увеличением количества дворов. Реставрация сети поселений в областях старого освоения не завершилась к середине XVII века: уровня середины XVI века плотность поселений достигла лишь к 70 – 80 годам XVII века, причём их число составляло 35 ... 40% до 50 ... 60% существовавших к 60-м годам XVI века.

Как и ранее, преобладало пашенное зерновое земледелие, однако со второй половины XVI века заметно повысился удельный вес скотоводства. Набор зерновых культур практически не изменился. Несколько повысился удельный вес технических культур, особенно льна и конопли. При повсеместном их распространении (что типично для натурального в целом облика крестьянского хозяйства) формируются районы, где их возделывание занимало относительно большое место. В XVII веке для льна такой областью стало Верхнее Поволжье (наряду со старыми районами – Новгородом и Псковом), для конопли – зона к югу и юго-западу от Смоленска и Калуги. В целом расширился набор огородных культур. В XVI веке, а особенно в первой половине XVII века, намечается тенденция к специализации огородничества. Выращивание рассады и семян овощных культур постепенно концентрируется в подгородных сёлах и деревнях (а также в ряде малых городов), в ряде центральных уездов (Ростов, Романов и др.).

Соха сохранила значение главного пахотного орудия. Плуг был распространён только в отдельных районах, включая некоторые области новой колонизации. В Поволжье у местных народов встречался архаичный плуг («сабан»). Общепромышленной была соха с полицей (с перекладной или неподвижной), часто снабжавшаяся отрезом (для облегчения пахоты почвенного пласта). Обработка почв стала в целом более тщательной. В целом земледелие развивалось экстенсивно, но уже заметны первые признаки интенсификации труда, особенно в возделывании технических культур и огородничестве. Были они и в зерновом земледелии. Так, разница в урожайности между центром и севером страны в немалой степени объяснима различиями в качестве и количестве вложенного труда, в более широком использовании навоза и т.п. Накапливавшиеся улучшения в агротехнике возделывания разных культур были связаны с опытом ведения крестьянского хозяйства.

Аналогичная ситуация сложилась и в животноводстве. Повышение удельного веса животноводства, датируемое второй половиной XVI века, наблюдалось и в хозяйстве феодалов, и в крестьянском хозяйстве. Уже к XVII веку относится складывание породной группы холмогорского молочного скота.

Занятия промыслами, ремеслом и домашней промышленностью продолжали сохранять важное значение в общем балансе производственной деятельности крестьян. За исключением крайних северо-восточных областей снизилась роль охоты. Ещё более возросла роль занятий, связанных с заготовкой леса и деревообработкой. В районах солеварения и железоделательных промыслов имели широкие масштабы заготовка дров, смолокурение, производство дёгтя, полуфабрикатов и разных строительных материалов. Значение данных промыслов видно из того, что в XVII веке порой считали доходы от них достаточными для уплаты налогов. Для подавляющей части крестьян промысловые занятия не меняли принципиальным образом натурально-потребительского характера их хозяйств в целом. Некоторые из промыслов (солеварение, промысел ценных пород рыбы, моржей, тюленей, охота на ценного пушного зверя и т.д.) давали возможность накопления довольно значительных денежных сумм. Доля чистого дохода от промыслов у крестьян, как правило, была выше, и притом значительно, соответствующего показателя к пашенному земледелию. Главная причина заключалась в том, что совокупная феодальная эксплуатация (поземельная в основном) гораздо хуже улавливала соответствующие доходные статьи крестьянского двора.

В целом следует констатировать бесспорное ухудшение экономического положения крестьянства во второй половине XVI – середине XVII веков. Об этом свидетельствуют резкое сокращение крестьянского тяглого населения в староосвоенных областях, массовое бегство его на окраины, быстрый рост численности и удельного веса бобылей, появление сравнительно многочисленной категории гулящих людей, рекрутировавшейся в значительной мере за счёт крестьянства.

О проблеме закрепощения крестьянства в России в этот период в литературе идут споры главным образом по следующим вопросам: об оценке хода и характера крепостнического законодательства конца XVI – середины XVII веков, о его соотношении с нормами обычного вотчинного права, о причинах закрепощения. В противоречивой взаимосвязи с общегосударственными складывались крепостнические нормы вотчинного обычного права, акцент в которых постепенно смещался в сферу личного прикрепления крестьян. Первые факты подобного рода относятся ещё к 50 – 60-м годам XVI века, когда феодалы нередко нарушали правила выхода крестьян согласно нормам Судебника 1550 года. От конца XVI века известны первые замаскированные сделки на куплю-продажу крестьянских семей. Подобные явления получили большее развитие в первой половине XVII века.

Значительную роль в закрепощении крестьян сыграла община. Она воздействовала на крестьянское землепользование (пахотные надель, огородные участки), контролировала использование сенокосных угодий, промысловых территорий, озёр и рек. Общинные власти были в постоянном контакте с собственником земли. Община в немалой степени гарантировала экономические и социальные аспекты жизнедеятельности своих членов. Однако она же формировала определённую психологическую зависимость у крестьян: они не хотели уходить из места, где всё им было знакомо и понятно, где всё было стабильно. Уходя в другое место, крестьяне могли получить условия как намного лучше, так и намного хуже существующих. А в случае одного неверного шага восстановить своё хозяйство было очень сложно, особенно если крестьянин был главой большого семейства. Община, сыграла значительную роль в формировании «коллективного» менталитета русского народа.

27 ноября 1597 года правительство издало первый развёрнутый закон о закрепощении крестьян. По времени закон был приурочен к Юрьеву дню: он был принят за два дня до его наступления. Но пункт о формальном упразднении Юрьева дня отсутствовал. Старый порядок крестьянских переходов давно утратил фактическую силу, и законодатели молчаливо исходили из этого факта. Закон 1597 года утвердил реальность возникшего крепостного режима. В основу закона 1597 года была положена норма о пятилетнем сроке подачи исковых заявлений о беглых крестьянах, т.е. норма «урочных лет»,

разработанная поместным ведомством и применявшаяся на практике в течение нескольких лет. Указ лишь дополнил распоряжения предыдущих лет подробно разработанным положением о сыске и возвращении крестьян. Отныне возвращению подлежали все вышедшие и сvezённые крестьяне.

Итог данному этапу закрепощения был подведён Соборным уложением 1649 года, посвятившим этому вопросу специальную главу (гл. 11 «Суд о крестьянах»). Уложение прежде всего провозгласило бессрочное и лично-потомственное прикрепление крестьян и бобылей к наделу. Юридическим обоснованием владельческой принадлежности крестьянства признавались писцовые книги 20 – 30 годов XVII века, разнообразная документация на поместья и вотчины, в которой фиксировалось крестьянское и бобыльское население имений, а также переписные книги 1646 – 1648 годов. Существенно также, что Уложение ввело ощутимые денежные штрафы за приём беглых и заложило основы для развития государственного сыска беглых и вывезенных крестьян.

Что касается вопроса о предпосылках и причинах закрепощения, то в последних работах общепризнана необходимость учитывать совокупность факторов. Выдвижение в качестве главной причины барщины (точнее, её роста или территориального распространения) нередко сопровождается определённым сближением порядков конца XVII–XVIII веков. Между тем это разные стадии процесса. Показательно, что в это время ещё сохраняются значительная роль и прежние функции холопов в домениальном хозяйстве, которое имело обычно потребительскую направленность в прямом смысле слова. При всём этом распространённость барского хозяйства, разнообразие видов и традиционность крестьянского издья, наконец, отмеченный выше постепенный рост полевой барщины – немаловажные факторы крепостнического законодательства.

Известное значение имели для него и особенности в эволюции феодального землевладения. В условиях тяжелейшей демографической ситуации установка правительства на сохранение или поддержание на прежнем уровне удельного веса поместных владений стимулировала поземельное прикрепление крестьян с целью обеспечить для основной части феодалов минимум рабочих рук.

Налицо также сложная взаимосвязь развития товарно-денежных отношений, меры вовлечения в рыночную сферу аграрного производства с изменением статуса крестьян. Отметим лишь важнейшие аспекты. Исходной предпосылкой повышения степени эксплуатации в середине XVI века стал заметный рост потребностей феодалов и государства, который не может быть правильно понят и описан вне рамок развивавшихся товарно-денежных отношений и который в немалой мере был ими и вызван. Постепенно расширявшаяся потребность казны в деньгах была одним из важнейших регуляторов внутренней политики в целом. Существенные потребности разных слоёв феодалов могли быть удовлетворены (прямо или косвенно) посредством обращения к рынку.

Резкое повышение денежных взиманий с крестьян в середине XVI века в пользу государства естественно предполагало рост связей крестьянского хозяйства с рынком. Об этом же свидетельствует появление чисто оброчно-денежных дворов, удельный вес которых в крупной и средней сеньории конца XVI – середины XVII веков заметен. Факты того же порядка отразились и в ряде иных экономических явлений, связанных с арендой определённого вида, относительно большим развитием незерновых отраслей сельского хозяйства и т.п. Во всём этом выразилась тенденция некрепостнического развития русской деревни, объективно наиболее соответствовавшая интересам крестьянского хозяйства и наиболее прямо связанная с ростом товарно-денежных отношений. Несомненно, однако, что удельный вес таких явлений был относительно невелик; преобладали процессы, связанные с усилением внеэкономического принуждения, с развитием крепостнических отношений, с максимально полной утилизацией государством и феодалами в совокупной ренте результатов связей с рынком крестьянских хозяйств.

Суммируя сказанное, подчеркнём, что, хотя имущественное неравенство крестьян и в XVI, и в XVII веках было значительным, раннебуржуазные формы не затронули пока ещё собственно аграрного производства и соответственно не породили социального расслоения капиталистического порядка. Об элементах генезиса капитализма в середине XVII века можно говорить только в сфере сельских промыслов и промышленных занятий, с которыми также связан ряд фактов крестьянского и бобыльского отхода, накопление капиталов у крестьян-богачей и т.п.

Катастрофические неурожай и массовый голод 1601 – 1603 годов, усиление внутриклассовой борьбы и ряд других факторов привели к длившейся почти 15 лет крестьянской войне (кульминация 1606–1607 годов – восстание Болотникова). Только огромным напряжением сил правящему классу удалось подавить вооружённую борьбу крестьян, казаков, холопов, горожан. Крестьяне были массовой базой всех повстанческих отрядов. Крестьянская война в своих непосредственных результатах, бесспорно, затормозила темпы закрепощения, привела к временному снижению совокупной ренты, к отливу населения на окраины, где феодальное землевладение в ходе войны было подорвано сильнее всего, к переходу заметной части крестьянства на статус приборных служилых людей и к появлению новых разрядов последних. Но это – ближайшие по времени следствия, не остановившие развитие крепостничества. Поражение крестьянской войны заметно понизило и так небольшие шансы на вероятность некрепостнической эволюции.

4. КРЕСТЬЯНСТВО РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В течение XVIII – первой половины XIX веков крестьянство продолжало оставаться преобладающим сословием страны, хотя удельный вес его за этот период сократился с 90 до 85%. Оно было представлено различными разрядами крестьян: казённых (государственных), владельческих (помещичьих), монастырских, дворцовых (удельных).

Разряд государственных крестьян был юридически оформлен петровскими указами 1719 – 1724 годов. К этому разряду при переходе к подушной подати были отнесены все категории незакрепощённых крестьян. Они принадлежали казне и поэтому именовались также «казёнными». Не будучи крепостными, они являлись зависимой категорией крестьянства:

государство предоставляло им в пользование наделы, за которые они были обязаны нести фиксированные законом повинности. Кроме того, государственные крестьяне, как и другие податные сословия, платили подушную подать и несли прочие денежные и натуральные повинности.

При Петре I окончательно определился статус частновладельческих (крепостных) крестьян в результате слияния двух форм феодального владения: вотчины и поместья, а также с ликвидацией в начале XVIII века кабального холопства. Численность крепостных крестьян увеличилась за счёт закрепощения различных групп податного населения, категории «вольных» и «гулящих» людей.

Владельческие крестьяне составляли более половины всего крестьянства России. Их численность за время между первой и десятой ревизиями возросла в 3,6 раза, однако удельный вес по отношению ко всем крестьянам сократился с 58,2 до 52,4%.

Законодательство XVIII века закрепляло монопольное право дворян владеть как населёнными, так и ненаселёнными именьями. Указом 1730 года запрещалось дворовым, монастырским слугам и всем крестьянам приобретать недвижимую собственность. Межевая инструкция 1754 года запрещала всем недворянам владеть населёнными именьями. В 1731 году крепостным крестьянам было запрещено вступать в откупа и подряды. А в 1734 году – заводить суконные фабрики. Указ 1747 года предоставлял помещикам право покупать дворовых для отдачи в рекруты, а также продавать кому угодно для этой цели своих крестьян. Указы 1718, 1734, 1750, 1761 годов обязывали помещиков кормить крестьян во время неурожая и голода, не допускать их до нищенства.

Как отмечают многие историки, царствование Екатерины II было временем наибольшего расцвета крепостничества. Начав с теоретического протеста против крепостного права в черновиках «Наказа», Екатерина кончила заявлением, что «лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной».

В целом законодательство Екатерины о пространстве помещичьей власти над крепостными людьми отличается той же неопределённостью и неполнотой, как и законодательство её предшественников. Вообще оно было направлено в пользу землевладельцев. Елизавета в интересах заселения Сибири законом 1760 года предоставила помещикам право «за пререзные поступки» ссылать крепостных здоровых работников в Сибирь на поселение без права возврата; Екатерина законом 1765 года превратила это ограниченное право ссылки на поселение в право ссылать крепостных на каторгу без всяких ограничений на какое угодно время с возвратом сосланного по желанию к прежнему владельцу. Однажды Екатерина на заседании Сената в 1767 году пожаловалась, что она, путешествуя в Казань, получила до 600 челобитных – «по большей части все, выключая несколько недельных, от помещичьих крестьян в больших с них сборах от помещиков». Вскоре Сенат запретил впредь крестьянам жаловаться на помещиков. Екатерина утвердила этот доклад, и 22 августа 1767 года, в то время как депутаты комиссий слушали статьи «Наказа» о свободе и равенстве, издан был указ, который гласил, что если кто «недозволенные на помещиков своих челобитные наипаче её величеству в собственные руки подавать отважится», то и челобитчики, и составители челобитных будут наказаны кнутом и сосланы в Нерчинск на вечные каторжные работы с зачётом сосланных землевладельцам в рекруты. Этот указ велено было читать в воскресные и праздничные дни по всем сельским церквям в продолжение месяца, т.е. указ объявлял государственным преступлением всякую жалобу крестьян на своих помещиков. Таким образом, дворянин становился полновластным судьёй в своих владениях, и его действия в отношении крестьян не контролировались со стороны органов государственной власти, суда и управления.

При Екатерине не были точно определены границы вотчинной юрисдикции. В указе 18 октября 1770 года было сказано, что помещик мог судить крестьян только за те проступки, которые по закону не сопровождалось лишением всех прав состояния; но размер наказаний, каким мог карать за эти преступления землевладелец, не был обозначен. Пользуясь этим, за маловажные проступки землевладельцы карали крепостных такими наказаниями, которые полагались только за самые тяжкие уголовные преступления. В 1771 году для прекращения неприличной публичной торговли крестьянами издан был закон, запрещавший продажу крестьян без земли за долги помещиков с публичного торга, «с молотка». Закон оставался без действия, и Сенат не настаивал на его исполнении.

При такой широте помещичьей власти в царствование Екатерины ещё больше прежнего развилась торговля крепостными душами с землёй и без земли; установились цены на них – указные, или казённые, и вольные, или дворянские. В начале царствования Екатерины при покупке целыми деревнями крестьянская душа с землёй обыкновенно ценилась в 30 рублей, с учреждением заёмного банка в 1786 году цена души возвысилась до 80 рублей, хотя банк принимал дворянские именья в залог только по 40 рублей за душу. В конце царствования Екатерины вообще трудно было купить именье дешевле 100 рублей за душу. При розничной продаже здоровый работник, покупавшийся в рекруты, ценился в 120 рублей в начале царствования и в 400 рублей – в конце его.

Наконец, в жалованной грамоте дворянству 1785 года, перечисляя личные и имущественные права сословия, она также не выделила крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества, т.е. молчаливо признала их составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря. Так, помещичья власть, лишившись прежнего политического оправдания, приобрела при Екатерине более широкие юридические границы.

В бытность свою цесаревичем Павел не раз говорил о бедственном положении русского крестьянина и необходимости улучшения его жизни. По мысли Павла, в целях устранения причин народного недовольства следовало бы «снять с народа излишние налоги и пресечь наряды с земли». И действительно, в первые же дни павловского царствования была облегчена рекрутская повинность. Указом от 10 ноября 1796 года был отменён набор, объявленный Екатериной (подобная отмена произошла и в 1800 году). Армия с 500 тысяч сократилась до 350 тысяч человек. 12 ноября 1796 года был принят указ о замене хлебного сбора 1794 года «по причине неудобств в приёме» умеренной денежной податью, «считая по 15 копеек за четверик» и начиная сбор со следующего 1797 года. Вслед за этим была понижена цена на соль; прощены недоимки подушной подати на огромную сумму в 7 миллионов рублей, что составляло 1/10 часть годового бюджета. Целая серия указов была направлена на устройство хлебных магазинов для голодных годов. Однако крестьяне, принуждённые нести в эти склады часть собранного хлеба, не были уверены, что в случае голода найдут там зерно. Поэтому отдавали его неохотно, часто утаивая.

Удельные крестьяне появились в кругу дворцового ведомства благодаря «Учреждению об императорской фамилии» 5 апреля 1797 года. Смысл этого законоположения сводился к следующему: 1 – следовало обеспечить крестьян землёй и правильно распределить её между ними; 2 – поднять крестьянское хозяйство улучшенной техникой, развитием ремёсел,

устройством фабрик; 3 – организовать сборы и отбывание повинностей на новых началах, имея в виду равномерное распределение труда; 4 – установить и привести в порядок сельское управление.

Когда было предпринято обособление удельных крестьян, то выяснилась нехватка земель для многих селений. Поднялся вопрос, можно ли отмежевывать земли от казённых крестьян и снабжать ими удельных либо земли должны приобретаться, как сразу предполагалось, удельным ведомством. Указом 21 марта 1800 года удельным крестьянам было дано важное право – покупать земли у частных владельцев с условием, чтобы купчая была совершена на имя департамента уделов. Право же пользования землёй предоставлялось «единственно купившему таковую землю» сверх той доли, которая приходилась ему при развёрстке земель всего населения. Известно, что не одно земледелие, но и работа «на стороне» составляли занятия удельных крестьян. Последнее стеснялось паспортной системой и обязательством явки паспорта в удельную экспедицию. Указом 2 марта 1798 года было установлено выдавать промежуточные паспорта удельным крестьянам, что значительно облегчало не только уход селян на заработки, но и выход их в купечество.

Другой важной стороной павловских мероприятий относительно казённых крестьян следует признать нормировку сборов. Указом № 18 в декабре 1797 года оброк со «всех поселян казённого звания» был повышен, но не в одинаковой мере. В 1783 году он был установлен в виде равномерного сбора в размере трёх рублей, в 1797 году все губернии были распределены на четыре класса. В зависимости от этого поселяне должны были платить разный оброк «по свойству земли, изобилия в ней и способам для обитателей к работам». Следует отметить также указ 21 октября 1797 года, которым было подтверждено право казённых крестьян записываться в купечество и мещанство.

Число фабрично-заводских крестьян при Павле несколько увеличилось. Указом от 16 марта 1798 года «во избежание злоупотреблений и поощрения промышленности ради» фабрикантам и заводчикам из купцов было разрешено приобретать к своим предприятиям крестьян с тем, чтобы купленные «всегда были при заводах и фабриках неотложно». Хотя этот закон находился в несоответствии с намерениями Павла разрешить судьбу приписных крестьян, но это действие было вызвано частью теми злоупотреблениями, которые случались при запрещении купцам покупать крестьян для фабрик, а частью тем, что промышленность требовала рабочих рук, которых вольнонаёмным путём найти было чрезвычайно трудно. Всё это заставило правительство двинуться по проторённому пути при создании новых казённых заводов и фабрик, приписывая к ним крестьян. Надо отметить, что Павел пытался ослабить тяжесть такой приписки, издавая указы, облегчающие труд приписных крестьян. К примеру, в указе о приписке к фаянсовой фабрике говорилось, чтобы приписано было лишь требуемое число рабочих, «целыми семьями», а после отработки податей заработанные деньги «сверх того выдавать им (крестьянам) из доходов фабрики». Указом 16 марта 1798 года предписывалось при покупке крестьян к частным фабрикам, чтобы из количества «годных к работе дней половина шла на заводские работы, а другая половина на крестьянские».

В отношении помещичьих крестьян можно выделить лишь небольшое количество указов, изданных правительством Павла. Среди них: указ 16 октября 1798 года о непродаже малороссийских крестьян без земли, 16 февраля 1797 года о непродаже дворовых людей и безземельных крестьян «с молотка или с подобного на сию продажу торга», об «изыскании с помещиков долгов казённых и частных»; указом 28 января 1798 года постановлено: «оценивать их (крестьян) по работе и по тому доходу, каковой каждый из них чрез искусство, рукоделие и труды доставляется владельцу, брать их в казну, принимая оный процентом с капитала, который и засчитывать в казённый долг»; о передаче крестьян без раздробления семейства от 19 января 1800 г. Вот практически всё, что было сделано правительством для помещичьих крестьян.

Отдельного разговора заслуживает манифест 5 апреля 1797 года, ставший первой попыткой законодательства встать между помещиком и крестьянином в отношении упорядочивания труда. Манифест 5 апреля 1797 года устанавливал норму барщины в размере трёх дней. В Малороссии помещики обыкновенно требовали лишь два дня в неделю барщины. Понятно, что они не замедлили воспользоваться новым законом, чтобы увеличить свои требования. Наоборот, в Великороссии, где барщина была почти ежедневной, помещики пожелали увидеть в том же самом тексте лишь указание, совет. И, действительно, употреблённая форма допускала самые различные толкования. Нет категорического приказа, а высказано как бы пожелание: шесть дней, поровну разделяемые, «при добром распоряжении» «достаточно будут на удовлетворение хозяйственным надобностям». Многочисленные свидетельства говорят о том, что указ не соблюдался. В том же 1797 году крестьяне подавали императору жалобы, в которых сообщали, что они работают на помещика «ежедневно», доведены «до крайнего состояния тяжкими разного рода сборами», что помещик их «как загонит на барщину с понедельника, то до воскресенья самого и продержит» и т.д.

Если же подводить итоги политики Павла по отношению к крестьянству, то можно заметить, что в этой деятельности нельзя найти желания прямо поставить вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости или о радикальном улучшении бытовых условий жизни крестьян. И всё же совершенно определённо видно общее благожелательное отношение правительства к крестьянству вообще. Хотя мероприятия Павла не отличались выдержкой и систематичностью (за время своего правления Павел роздал 550 тысяч душ и 5 миллионов десятин земли), но вместе с тем среди них можно найти ряд важных, способствовавших улучшению жизни крестьян, мер. Сюда следует отнести облегчение многих повинностей, землеустроительную политику, организацию сельского и волостного управления, постановление о «непременных мастеровых» и т.д. Несомненно, большую роль в освобождении крестьян сыграл манифест о трёхдневной барщине. Можно сказать, что для крестьян царствование Павла ознаменовало собой начало новой эры: росту крепостничества был положен конец, постепенно начался переход к полному освобождению крестьян, завершившийся реформой 1861 года. И в этом деле большая заслуга императора Павла I.

5. РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дворцовый переворот 11 марта 1801 года продемонстрировал стремление части правящих кругов усилить роль дворянства в управлении страной, несколько ограничив при этом личный произвол монарха. Уроки павловского царствования и Французской революции, проникновение в Россию просветительской идеологии, осуждавшей деспотизм и феодальные порядки, способствовали распространению в верхах реформаторских воззрений, появлению различных преобразовательных планов, призванных пресечь самовластье царя и злоупотребления помещиков. Новый император Александр I (1777 – 1825) в целом разделял эти взгляды. Идеи эпохи Просвещения оказали известное влияние на Александра I. Царь стремился модернизировать социально-экономические и политические институты (он имел в виду, в частности,

программу решения крестьянского вопроса путём постепенной ликвидации крепостного права), надеясь тем самым избавить страну от внутренних потрясений.

Уже в первый год своего царствования Александр I без какого-либо указа или манифеста прекратил практику раздачи казенных крестьян в частные руки. Во время его коронации в сентябре 1801 года не последовало таких раздач, на которые надеялись некоторые приближённые к императору лица и которые ранее обыкновенно проводились при коронациях императоров. Это отнюдь не означало, что казённые крестьяне были защищены от перевода их на положение крепостных. В 1810 – 1817 годах в связи с тяжёлым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тысяч казённых крестьян мужского пола; в Белоруссии и на Правобережной Украине широко практиковалась сдача их в аренду частным лицам. Казённых крестьян закрепощали и другими путями: например, переводили в удельное ведомство, приписывали к казённым фабрикам и заводам, наконец, обращали в военных поселян (что на практике оказалось наиболее тяжёлой формой закрепощения).

20 февраля 1803 года был издан указ о вольных хлебопашцах. Он предусматривал освобождение крепостных крестьян на волю за выкуп с землёй целыми селениями или отдельными семействами по обоюдному согласию с помещиком. Впрочем, помещики и раньше могли откупать по своему желанию крестьян на волю за выкуп, но указ 1803 года был призван поощрить помещиков к расширению такой практики, причём с обязательным условием наделения крестьян землёй в собственность. Вольные хлебопашцы не выходили из статуса податного сословия; они уплачивали подушную подать, несли другие государственные денежные и натуральные повинности, включая и рекрутчину.

Реальные результаты указа 1803 года были незначительными; за время царствования Александра I было заключено 160 сделок, по которым выкупились на волю 47 тысяч душ крестьян мужского пола (менее 0,5%). Всего же за время действия указа (до 1858 года) выкупили 152 тысячи душ (около 1,5%). Причина этого заключалась не только в нежелании многих помещиков предоставить крестьянам свободу даже за выкуп, но и в тяжёлых финансовых условиях выкупа: цена выкупа одной души мужского пола в то время составляла около 400 рублей ассигнациями (100 рублей серебром), т.е. 15 – 20 годовых оброков. Обычно получившие свободу на основании этого указа были не в состоянии внести сразу всю выкупную сумму, и договоры об отпуске на волю содержали кабальные условия: рассрочка выкупа под высокие проценты, отработки и пр.

В первое десятилетие царствования Александра I были изданы указы, направленные на ограничение помещичьего произвола и смягчение крепостного права. Однако все они носили паллиативный характер. Так, указ 1801 года запрещал публиковать объявления о продаже дворовых. Сама же практика их продажи не запрещалась; только в публикуемых объявлениях сообщалось, что такой-то не «продаётся», а «отдаётся взаймы». Указ 1801 года запрещал продавать крестьян на ярмарках «в розницу», а указ 1809 года отменял право помещиков слать своих крестьян в Сибирь за маловажные проступки. Подтверждалось правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь закрепощён. Крестьяне, незаконно записанные за помещиком, имели право возбуждать иски о предоставлении свободы. Получали свободу крепостные крестьяне, вернувшиеся из плена или из-за границы. Взятый по рекрутскому набору крестьянин также считался свободным и по окончании срока службы не мог быть возвращён к своему владельцу. Помещик по закону был обязан кормить своих крестьян в голодные годы. Крестьяне с дозволения помещика получали право торговать, брать векселя, заниматься подрядами.

В 1804–1805 годах был проведён первый этап аграрной реформы в Остезейском крае – в Латвии и Эстонии. 20 февраля 1804 года было издано положение о ливонских крестьянах, распространённое в 1805 году на Эстонию. Крестьяне-«дворохозяева» объявлялись пожизненными и наследственными держателями своих земельных наделов, за которые они обязаны были отбывать владельцу земли барщину или оброк. Ограничение, однако, не распространялось на безземельных крестьян.

Военные поселения. В короткий срок в северо-западных, центральных и некоторых южных губерниях России появились поселения государственных крестьян и казаков, которые вели по-прежнему сельское хозяйство, но одновременно несли и военную службу, поддерживая свою воинскую готовность. И всё это без каких бы то ни было затрат со стороны государства. В районе военных поселений были возведены жилые дома, весьма напоминающие современные коттеджи. Между ними были проложены шоссе, на дорогах сооружены дома связи, здания штабов, школы, гауптвахты. Для офицеров были построены новые церкви, разбиты плацы для экзерциций. В этих же районах были сооружены госпитали, типографии, появились даже библиотеки. Всё это было окружено ухоженными полями, чётко обозначенными выгонами для скота. Аракчеев А.А. превратил военные поселения в прибыльные хозяйства. К концу царствования Александра I их капитал, находившийся в созданном Аракчеевым поселенческом Кредитном банке, составлял 26 миллионов рублей. Банк материально поддерживал поселян, выдавал льготные ссуды офицерам. На случай неурожая были созданы специальные хлебные магазины. Аракчеев А.А. внедрял в поселениях различные агрономические новшества, развивал торговые промыслы, поощрял деловую предприимчивость поселян.

Однако, несмотря на это, для самих поселян-солдат новая жизнь превратилась в сущий ад. Дело в том, что их благоденствие доставалось тяжким трудом, да ещё связанным с военной службой, мелочной регламентацией всего и вся, круглосуточным надзором за их жизнью, бытом, хозяйством, религиозными отправлениями, нравственностью и даже интимной жизнью. У Аракчеева были разработаны инструкции для военных поселян, казалось, на все случаи жизни: когда вставать, топить печь, выходить в поле или на военные учения, когда – и даже с кем – заключать браки, как кормить и воспитывать младенцев. Многое из того, что предписывалось, было разумно, толково и нацелено на конечный результат. Но всё это было совершенно невыносимо для обычного крестьянина с его традиционным общинным укладом жизни, умением не напрягаться, давать себе трудовые отдушины, делать «перекуры». Особенно тяжело переживали поселяне преследования со стороны Аракчеева за пьянство, запреты на употребление алкоголя в неурочное время. В случае нарушений установленных правил следовала брань, зуботычины, а то и более жестокие наказания – батоги, шпицрутены, колодки. Проводниками порядков, установленных Аракчеевым, надсмотрщиками были, как правило, младшие офицеры – люди малокультурные, жестокие, стремившиеся выслужиться перед начальством. И всё это при полном беспорядке военных поселян – винтиков в тяжёлой, внешне благопристойной, но внутри страшной и жестокой машины. Жалобы Аракчеев жестоко пресекал, бунты подавлял силой. Государство создало эту систему, и начальник военных поселений служил ей

истово и с восторгом. Александр I, видевший лишь внешние признаки благоустроенности и благополучия своего детища, упорно отстаивал необходимость военных поселений, несмотря на всё учащавшиеся жалобы, недовольства и даже вспышки неповиновения военных поселян. Известны крупные восстания военных поселений – Чугуевское в 1814 году и Новгородское в 1831 году, которые были жестоко подавлены. Около 400 тысяч простых людей России оказались в послевоенное время в этом тяжёлом крепостническом капкане.

В 1827 году в комитет внесено было Высочайшее повеление о рассмотрении вопроса о запрещении продажи крепостных крестьян без земли. Возбуждение крестьянского вопроса было вызвано значительными крестьянскими волнениями, вспыхнувшими в разных местах империи. Вопрос об ограничении крепостного права прикреплением крестьян к земле и затруднением владеть дворовыми вне населённых имений был довольно подробно разработан комитетом 6 декабря, но намеченные им меры не получили практического осуществления, несмотря на одобрение их государем. Поднятый Сперанским вопрос об улучшении положения казённых крестьян получил некоторое практическое разрешение лишь значительно позднее. Проектированные комитетом меры к упорядочению и систематизированию прав и привилегий остальных сословий были разработаны довольно детально в связи с вопросом о правах государственной службы; предполагалось, между прочим, создать особое сословие «именитых граждан» – своего рода дворянство второго разряда – и точнее определить права и организацию дворянских и прочих сословных обществ. Все эти меры, хотя и получившие одобрение Николая, в конце концов также не были приведены в исполнение, так как против них весьма решительно высказались (с охранительной точки зрения) великий князь Константин Павлович и министр внутренних дел Закревский.

Крестьянский вопрос в остальной России в эти годы продолжал занимать Николая, и с охранительной точки зрения, и вследствие сознания им несправедливости крепостного права. В первую очередь решено было во внутренних русских губерниях произвести улучшение положения казённых крестьян соответственно мысли, выраженной Сперанским ещё в комитете 6 декабря 1826 года. Главным сотрудником Николая явился здесь граф П.Д. Киселёв. В 1836 году под начальством Киселёва образовано было V отделение Собственной Его Величества канцелярии, через год преобразованное в Министерство государственных имуществ, во главе которого Киселёв оставался до конца царствования. В устройстве казённых крестьян (поземельном, хозяйственном и административном) ему удалось провести существенные преобразования. Над вопросом об улучшении быта помещичьих крестьян работал в 1830-х и 1840-х годах ряд секретных комитетов, главным действующим лицом в которых являлся тот же Киселёв; но, несмотря на то, что в значительной мере инициатором работ этих комитетов был сам Николай, в конце концов осуществить удалось очень немногое. В 1832 году Сперанский ввёл в свод законов все те незначительные, в сущности, ограничения произвола помещиков, которые установлены были в царствования Павла и Александра I и в начале царствования Николая. В комитете 1839 года поставлен был на очередь, по мысли Киселёва, вопрос о превращении крепостных крестьян в крестьян обязанных, прикреплённых к имениям, а не к лицу помещика и обеспеченных определённым наделом за определённые повинности. Киселёву не удалось провести эту мысль, несмотря на сочувствие ей самого Николая.

Николай I сам думал так же, но не только отмену, а хотя бы реформу крепостного права считал преждевременной. «Нет сомнения, – говорил он в марте 1840 года на заседании Государственного совета, – что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, ещё более гибельным». Царизм искал такое решение крестьянского вопроса, которое притупило бы его остроту, не трогая основ крепостного права. С этой целью при Николае I создавались один за другим восемь особых, негласных (современники называли их «безгласными») комитетов по крестьянскому делу, которые, однако, практически ничего не сделали. Все они лишь «прощупывали» крестьянский вопрос, напоминая собой, как выразился Б.Г. Литвак, «танец kota вокруг горячей каши».

Правда, за время николаевского царствования было издано свыше 100 циркуляров на крестьянскую тему, но практического значения они не имели, представляя собой, по словам В.О. Ключевского, лишь «законодательные щипки по большому месту дворянства», напоминая о «тяжёлом камне, который висит над сословием, ежеминутно готовый сорваться». Единственной серьёзной попыткой укрепить (но не устранить) этот «камень» стала реформа управления государственными крестьянами, проведённая в 1837 – 1841 годы.

Государственные крестьяне составляли тогда треть всего сельского населения страны. Между тем казённая деревня находилась в столь же критическом состоянии, как и помещичья, – она разорялась вследствие грабежей соседних помещиков и арендаторов, произвола и лихоимства чиновников. Разорение же государственной деревни сокращало доходы казны; более опасными для властей становились и волнения государственных крестьян. Всё это заставило царизм приступить к реформе казённой деревни. Творцом её стал Павел Дмитриевич Киселёв – второй по уму и дарованиям (после Сперанского) из сотрудников Николая I.

Николай I, подобно Александру I, ценил Киселёва, в некотором роде даже гордился им и называл его своим «начальником штаба по крестьянской части». Согласуясь с царскими указаниями, Киселёв решил, что для исцеления казённой деревни от всех поразивших её недугов достаточно создать хорошую администрацию, которая могла бы аккуратно попечительствовать о крестьянах. В результате государственная деревня получила под видом самоуправления многоярусную систему бюрократической опеки над крестьянами, головоломную административную иерархию: в губернии – палата, в округе – окружное управление, в волости – волостной сход, волостное правление и волостная расправа (суд), в «сельском обществе» – сельский сход, сельское начальство и сельская расправа, причём всё это сверху донизу под бдительным контролем царских чиновников. Для общего управления государственными крестьянами было создано специальное Министерство государственных имуществ, которое первым возглавил (с 1837 до 1856 года) Киселёв.

Последствия реформы не порадовали крестьян. Во-первых, все стороны их жизни оказались под назойливой опекой разветвлённого полицейско-бюрократического аппарата. Во-вторых, тяжким бременем легло на крестьян реформированной деревни содержание этого аппарата. Что касается чиновничьего произвола, то он не только не убавился (чиновников-то стало больше), а, напротив, усилился. Правда, Министерство государственных имуществ старалось улучшить положение крестьян: ограждало их земли от расхищения, запрещало переводить их в разряд военных поселян, пыталось регулировать оброчные сборы, открывало больницы, школы и т.д., но всё это делалось столь нерадиво и под таким контролем, что крестьяне не знали даже, ждать ли им от властей добра или зла.

Академик Н.М. Дружинин, автор фундаментального исследования о реформе Киселёва, оценил её как попытку найти выход из назревшего социально-экономического кризиса, оставаясь внутри старой феодальной системы: «Киселёв не

выходил из рамок феодального мира, не переступал демаркационной линии, которая отделяла его от капиталистической формации». Поэтому реформа Киселёва, хотя и содействовала разложению крепостнического строя (поскольку она приостановила помещичьи захваты казённых земель, стимулировала предпринимательство зажиточных крестьян), всё же не подвинула сколько-нибудь существенно казённую деревню вперёд. Её дурные последствия сказывались острее, чем хорошие. Казённая деревня продолжала волноваться.

Тем не менее царское правительство сочло, что вопрос о государственных крестьянах как одна сторона крестьянской проблемы решён, и занялось вопросом о крестьянах помещичьих. Здесь дело ограничилось законом 1842 года об «обязанных крестьянах». Он представлял собой двусмысленную модернизацию указа о «вольных хлебопашцах» 1803 года: помещики получали право по их желанию освобождать крестьян не только с землёй за выкуп (как гласил указ 1803 года), но и при сохранении всей земли за собой. В этом случае крестьянину предоставлялся земельный надел в пользование за определённые «обязанности», т.е. за барщину или оброк. Выходило, что помещик мог отказаться лишь от права на личность крестьян (не продавать их, не менять на собак), а в остальном всё оставалось по-старому. Таким образом, этот закон оказался пустой формальностью. «Это было всё равно, что издать закон, разрешающий ходить ногами, есть ртом и т.д.» Закон об «обязанных крестьянах» 1842 года был шагом назад по сравнению с указом о «вольных хлебопашцах» 1803 года, ибо тот указ разрывал феодальные взаимоотношения помещиков с крестьянами, а новый закон их сохранял.

6. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Вопрос об отмене крепостного права достаточно назрел к середине XIX века, как в силу моральных мотивов, так и по практическим соображениям. Ещё со времён императрицы Екатерины II владение душами составляло тяжелую нравственную проблему для людей из русской интеллигенции. От царского дворца, где Екатерина II, Александр I и Николай I «не забывали» трудной задачи улучшения участи крестьян, до подцензурной публицистики, где от Радищева и до Белинского господствовало отрицание крепостного права, вся Россия понимала нравственную и политическую необходимость выхода из крепостного порядка и уничтожения его.

Если теоретическая мысль и моральное чувство объединяли русских людей в одинаковом пожелании крестьянской реформы и отмены крепостного строя, то практические, житейские условия указывали на естественное вырождение старого крепостного порядка. Под влиянием государственного роста, завоеваний XVIII века и успехов внешней торговли Россия первой половины XIX века «разрывала с натуральным строем прежнего времени, в котором обмен и обрабатывающая промышленность играли незначительную роль, и быстро переходила к расширению обмена и к увеличению фабрично-заводского производства»

В XVIII веке мануфактурная промышленность России не уступала западноевропейской. Однако к середине XIX века возникло несоответствие между масштабами территориальных владений империи Романовых и уровнем её экономического развития. Экономическое банкротство феодального режима стало очевидным. Производительные силы огромной страны были скованы господством крепостничества.

Конфликт между производственными отношениями феодального способа производства и развитием производительных сил обострялся. За первую половину XIX века Россия продвинулась вперёд в экономическом отношении. Расширились площади агрикультуры и масштабы колонизации (южных областей Украины, Поволжья, Приуралья, Сибири), возросли товарооборот и объём мануфактурного производства, начался промышленный переворот. Однако к началу реформы 1861 года разрыв в уровне промышленного развития России и передовых стран Запада (Англия, Голландия, Франция) оказался большим, а Крымская война 1853 – 1856 годов показала промышленную отсталость России.

Причины отставания очевидны. Крепостничество налагало отпечаток на все стороны жизни страны. Сельское хозяйство было сковано крепостным режимом и не могло развиваться. Разные формы крепостничества сохранились и в промышленности, тормозили её развитие.

В центрах крепостного хозяйства посевные площади оставались неизменными на протяжении целых 60 лет. В 21 губернии нечернозёмной полосы посевы зерна увеличились с 17,9 до 23 миллионов десятин в основном за счёт прироста крестьянской запашки. Экономическое банкротство феодального поместья сказывалось в низкой урожайности.

Происходило оскудение дворянства. В 1858 году удельный вес заложенных имений достиг в Калужской губернии 93%, Нижегородской – 78%, Московской – 62%. Выход из кризиса дворяне искали в углублении географического размежевания барщины и оброка, но главным образом в общем их увеличении. Вводили они и различные виды фабричного производства. Но введение новых форм хозяйства далеко не всегда удавалось: помещичьи фабрики обычно не выдерживали конкуренции с купеческими, более богатыми и технически оснащёнными. Вся тяжесть усиленного земледелия и новых форм труда пала на крепостное крестьянство и истощала его физические силы. Происходили и другие изменения в формах и методах эксплуатации крепостных. Увеличивалось число дворовых, которые работали на огородах, ходили за скотом, занимались ремеслом, перевозили грузы. С конца XVIII века большое распространение получала месячина, при которой крестьяне переводились на положение дворовых, однако использовались круглый год на полевых работах, получая господские харчи (месячину).

Перед реформой в помещичьих имениях нечернозёмной полосы оброк составлял 80%. Помещики избегали расширять господскую запашку, гнали крестьян на всякого рода промыслы. Создание прибавочного продукта всё больше переносилось за пределы феодального поместья. На оброке состояли все удельные крестьяне. Однако в поместьях чернозёмной полосы на долю оброчников перед реформой 1861 года приходилось только 28,8% крепостных крестьян. В Левобережной Украине оброчники составляли до 0,7%. За первую половину XIX века оброки увеличились в 2–3 раза.

Одновременно увеличивалась барщина, которая выходила за рамки трёх дней. Крепостным приходилось работать на господском поле целую неделю. Но подневольный барщинный труд оказывался непригодным для улучшенных способов производства: один из учёных хозяев того времени справедливо заметил, что барщиной обычно называлось то, что

«медленно, нерадиво, без всякой охоты делается». Поэтому среди крепостных владельцев к середине XIX века выросло разочарование в успехе их земельного и фабричного хозяйства и сознание того, что они попали в кризис.

Недовольны положением дел были даже те помещики, которые в чернозёмной полосе вели барщинным трудом примитивное полевое хозяйство. Плотное крепостное население чернозёмного района, не уходившее в отхожие промыслы и не имевшее кустарных, умножилось настолько, что не все могли быть использованы на пашне. Некуда было девать рабочие руки. Это, естественно, порождало мысль о необходимости коренных хозяйственных перемен и даже о преимуществах наёмного труда.

Затруднённая хозяйственной обстановкой помещиков усложнялась их долгами. По некоторым подсчётам, к середине XIX века в среднем задолженность помещиков государству была более 69 рублей с души крепостных, что составляло более 2/3 их средней стоимости. Столь огромная задолженность была вызвана как тягестями военного времени, так и хозяйственными неудачами и неумением жить соответственно своим доходам.

Сознание хозяйственного кризиса угнетало помещиков; настроение недовольной крепостной массы их пугало; недостаток денежных средств приводил к мысли о несовершенствах и устарелости крепостного порядка. Даже те помещики, которые не были захвачены высокой освободительной идеей, думали, что скоро конец старого порядка, и не сомневались в том, что нужна его реформа; они только боялись, что реформа окончательно их разорит. Таким образом, к середине XIX века в стране ухудшились и обострились крепостные отношения: у помещиков они возбуждали опасения за будущее, а у крепостных – рост недовольства своим нищенским состоянием.

В начале своего царствования император Александр II заявил о том, что будет продолжателем политических принципов императоров Александра I и Николая I. Однако практика нового правительства показала существенные отличия его приёмов от предшествующего режима. Повяло мягкостью и терпимостью, характерными для нового монарха. Сняты были мелочные стеснения с печати; университеты вздохнули свободнее; общество стало «бодрее духом»; говорили, что «государь хочет правды, просвещения, честности и свободного голоса». Действительно, Александр, наученный горьким опытом правительственного неустройства и бессилия в тяжёлое время Крымской войны, деятельно требовал правды и «откровенного изложения всех недостатков».

В марте 1856 года государь, принимая представителей московского дворянства в Москве, сказал им краткую, но очень важную речь о крепостном праве. Он объяснил, что не имеет намерения «сейчас уничтожить крепостное право, но признал, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным». Тогда же он произнёс свою знаменитую фразу: «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнёт само собой уничтожаться снизу».

После этих мартовских заявлений уже не могло быть сомнения, что император готов вступить на путь преобразований. И на первом месте среди необходимых реформ стояло уничтожение крепостного права. Сторонниками и сотрудниками Александра в деле освобождения крестьян были великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Елена Павловна, министр внутренних дел граф Ланской и его помощники Н.А. Милютин (последний был душой этого дела при прохождении его через разные инстанции), Я.С. Соловьёв, генерал граф Я.И. Ростовцев и представители общественных кругов, как славянофилы, так и западники. Напротив, реакционные круги бюрократии и дворянства («крепостники») старались всячески затормозить и исказить дело крестьянского освобождения (соглашаясь в крайнем случае на освобождение крестьян без земли).

В начале 1857 года был учреждён Секретный комитет для подготовки реформы. Комитет предположил совершить освобождение крестьян постепенно, без крутых и резких поворотов. Но это не соответствовало намерениям Александра Николаевича, который хотел скорого и определённого решения крестьянского вопроса. Поэтому, когда в комитет поступило заявление дворян литовских губерний (Виленской, ковенской и Гродненской) о желании их освободить своих крестьян без земли, то в рескрипте на имя виленского генерал-губернатора Назимова в ноябре 1857 года государь объявил о том, что крестьянская реформа должна быть осуществлена в ближайшем будущем. Дворянам было предложено организовать по губерниям губернские комитеты для обсуждения условий освобождения крестьян и для выработки «положений» об устройстве крестьянского быта. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу и стал главным органом в деле подготовки реформы.

Так как проекты губернских комитетов во многом отличались между собой, то для их рассмотрения и согласования была организована при Главном комитете особая редакционная комиссия под председательством Я.И. Ростовцева (1859). Комиссия эта по ходу дела была разделена на четыре отделения, или четыре редакционные комиссии, которые должны были на основании проектов, составленных губернскими комитетами, выработать общие проекты «положений» о новом устройстве крестьянского сословия (причём комиссии вносили в дворянские проекты существенные поправки в пользу крестьян). В конце 1860 года редакционные комиссии закончили составление «положений», которые были затем рассмотрены Главным комитетом по крестьянскому делу.

Главный комитет под председательством великого князя Константина Николаевича рассмотрел выработанный комиссиями проект положения об освобождении крестьян и придал ему окончательную форму. После этого в начале 1861 года проект был внесён в Государственный совет. Государь заявил, что он «желает, требует и повелевает», чтобы дело крестьянской реформы было окончено в кратчайший срок. Александр лично открыл занятия Государственного совета по крестьянскому делу и в замечательной по твёрдости и силе речи указал Совету, что уничтожение крепостного права «есть его прямая воля». Во исполнение этой воли Совет рассмотрел и одобрил проект закона об освобождении крестьян. В годовщину своего вступления на престол, 19 февраля 1861 года, император Александр II подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права и утвердил «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», а 5 марта «воля» была обнародована.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» постановляло: «Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда» и им предоставляются «права свободных сельских обывателей» безо всякого выкупа в пользу помещиков. Государственная власть не видела в этом никакого нарушения прав помещиков. В своей речи Государственному совету император Александр указывал на то, что крепостное право в России имело государственный характер: «Право это установлено самодержавной властью, и только самодержавная власть может уничтожить его». В то же время земля, на которой жили и работали крестьяне, была признана

собственностью помещиков. Крестьяне освобождались с тем, что помещики предоставят им в пользование их усадьбную осёдлость и некоторое количество полевой земли и других угодий (полевой надел). Но крестьяне за усадьбу и полевые наделы должны были отбывать в пользу помещиков повинности деньгами или работой.

По закону крестьяне получили право выкупить у помещиков свои усадьбы и, сверх того, могли по соглашению с помещиками приобрести у них в собственность полевые наделы. Пока крестьяне пользовались наделами, не выкупив их, они находились в зависимости от помещиков и назывались временнообязанными крестьянами. Когда же выкуп был произведён, крестьяне получали полную самостоятельность и становились крестьянами-собственниками. Выкуп производился по заключении соответствующих договоров (уставных грамот), при этом казна уплачивала помещикам (процентными бумагами) стоимость их земель, отошедших под крестьянские наделы. После этого крестьяне должны были в течение 49 лет погасить свой долг государству ежегодными взносами «выкупных платежей» (в размере 6% с выкупной ссуды).

Крестьянские наделные земли не были собственностью отдельных крестьян или крестьянских «дворов» (семейств). Они передавались во владение крестьянским обществам, в которые соединялись по месту жительства вышедшие из крепостной зависимости крестьяне. Общества «уровнительно» распределяли полевые земли между своими членами и сообща пользовались общими угодьями (пастбищами, сенокосами и др.). Выкупные платежи и все подати (государственные, земские и мирские) крестьяне платили сообща, миром, который был связан «круговой порукою», т.е. коллективной ответственностью, и потому должен был платить подати за своих неисправных или несостоятельных членов. Поэтому каждый крестьянин был «приписан» к своему обществу и без согласия «мира» не мог из него выйти.

Органом крестьянского мира был сельский сход, в котором участвовали все крестьяне-домохозяева и который в своих внутренних делах имел широкую компетенцию. Сельский сход выбирал сельского старосту, а также уполномоченных (по одному от каждых 10 дворов), которые образовывали волостной сход, выбиравший волостного старшину, и состав волостного суда – от 4 до 12 судей, из которых не менее трёх должны были присутствовать в судебных заседаниях.

Одним из самых трудных и сложных вопросов в деле крестьянской реформы было определение размеров крестьянского полевого надела. Земледелие не везде было главным занятием крестьян. Только в южном чернозёмном районе крестьяне усиленно пахали и на себя, и на помещиков, отбывая на барском поле тяжёлую «барщину». В центральных же областях, где земледелие не было прибыльно, крестьяне чаще «ходили на оброке», т.е. занимались промыслами на стороне и вместо барщинного труда платили ежегодно помещикам условленную сумму – оброк. На юге помещику было выгодно отпустить крестьян на волю без земли, а землю удержать за собой, потому что именно земля там и представляла главную ценность. На севере же помещикам была невыгодна потеря крестьянского оброка, а не земли. Поэтому одни помещики старались по возможности уменьшить крестьянские земельные наделы, а другие были к этому равнодушны. С другой стороны, в южных губерниях пахотной земли было много, и поэтому крестьяне пользовались землёй без стеснения. В центре же государства при большом росте населения сильно чувствовалось малоземелье.

Под влиянием столь разнообразных местных условий и приходилось определять размеры крестьянского полевого надела особо для каждой «полосы» государства (нечернозёмной, чернозёмной и степной) и для отдельных губерний и даже уездов. Размеры наделов определялись от 1 до 12 десятин на «душу», т.е. на лицо, записанное в крестьянах за помещиком по ревизии. Средний размер «душевого» надела помещичьих крестьян составлял 3,3 десятины. В общем, во владение крестьян поступили те земли, которые они обрабатывали при крепостном праве, и лишь в некоторых (многоземельных) губерниях крестьянские наделы были несколько уменьшены (так называемые «отрезки»). Дворовые люди, находившиеся в личном услужении помещикам и не пахавшие земли, освобождались без земельного надела и по прошествии двух лет временнообязанного состояния под властью помещиков могли приписаться к какому-нибудь сельскому или городскому обществу.

В 1863 году основные положения крестьянской реформы были распространены на «удельных крестьян», а в 1866 году – на крестьян государственных, составлявших около 10 миллионов душ мужского пола, т.е. около половины всего крестьянского населения России. Последние должны были вносить выкупные платежи за свои земельные наделы в казну. Земельное обеспечение удельных и государственных крестьян было значительно лучше, чем у бывших помещичьих крестьян: средний размер надела на душу мужского пола составлял у крестьян удельных 4,8 десятины, у государственных – около 6 десятин.

Порядок осуществления крестьянской реформы требовал соглашения между помещиками и их крестьянами, как о размерах надела, так и о всяких обязательных отношениях крестьян к их бывшим господам. Это соглашение надлежало изложить в уставной грамоте в течение одного года со дня освобождения. Конечно, нельзя было надеяться, что помещики и крестьяне сами сумеют достичь мирного и справедливого конца своих отношений. Поэтому для разбора могущих возникнуть недоразумений, споров и жалоб была учреждена должность мировых посредников, избираемых из местных дворян. Мировые посредники должны были следить за правильностью и справедливостью сделок помещиков с их крестьянами, выходящими на волю. Они утверждали уставные грамоты, наблюдали за ходом крестьянского самоуправления в сельских обществах и волостях. О важнейших и сомнительных делах посредники докладывали уездному мировому съезду, состоявшему из мировых посредников всего уезда. Общее же руководство делом крестьянской реформы по губерниям было возложено на губернские по крестьянским делам присутствия. Эти присутствия действовали под председательством губернатора и состояли из важнейших чинов губернии и представителей местного дворянства.

Так было совершено великое дело отмены крепостного права. Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта. Оно создало в центральных и южных областях России новый многолюдный (21–22 миллиона) общественный класс. Прежде для управления им довольствовались помещичьей вотчинной властью. Теперь же управлять им должно было государство. Старые екатерининские учреждения, установившие в уездах дворянское самоуправление, уже не годились для нового, состоявшего из различных сословий, уездного населения. Необходимо было заново создать местную администрацию и суд. Крестьянская реформа, таким образом, неизбежно вела к другим преобразованиям.

Что касается процесса изменения социально-экономической структуры деревни, то сами крестьяне назвали его «раскрестьяниванием». Эволюция крестьянского хозяйства в пореформенный период представляла собой относительное обнищание крестьянства, его поляризацию, выделение из среды крестьянства новых классов – сельской буржуазии и

сельского пролетариата. Беднейшие и середняцкие хозяйства не имели возможности приобретать новые сельскохозяйственные орудия, осуществлять какие-либо агротехнические мероприятия. Основным орудием в крестьянском хозяйстве оставалась соха (ещё в 1910 году в России сохи составляли 43% всех орудий пахоты). В конце 1880-х – начале 1890-х годов сельской буржуазии принадлежало в различных губерниях России 34 ... 50% всей крестьянской земли – надельной, купчей, арендной – и 38 ... 62% рабочего скота, а сельской бедноте (около 50% всех крестьянских дворов) – лишь 18 ... 32% земли и от 10 до 30% рабочего скота. Промежуточным звеном были середняки, на долю которых приходилось около 30% крестьянских дворов.

Эволюция помещичьего хозяйства состояла во всё большей интенсификации земледелия на базе широкого использования наёмного труда, применения сельскохозяйственных машин.

Пореформенное помещичье хозяйство, переходное по своему социально-экономическому содержанию, сводилось к двум основным системам: отработочной и капиталистической. Отработочная система состояла в том, что страдавшие от малоземелья крестьяне вынуждены были арендовать землю у своих бывших владельцев и за это обрабатывать своим инвентарём ту часть земли, которая оставалась у помещика. Эта система господствовала в губерниях Чернозёмного Центра и Среднего Поволжья.

Капиталистическая система, при которой обработка помещичьей земли производилась вольнонаёмными рабочими с применением машин и минеральных удобрений, преобладала в Прибалтике, на Правобережной Украине, в Новороссии и на Северном Кавказе. Батраки рекрутировались из беднейших крестьян, которые продавали или бросали свои мизерные наделы и уходили на заработки. Число батраков в 1890 году достигало 3,5 миллиона человек (около 20% всего мужского населения рабочего возраста).

Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве России вёл ко всё большему распространению капиталистической системы помещичьих хозяйств и вытеснению отработочной. При этом земля разорившихся помещиков сплошь и рядом попадала в руки наиболее крупных дворян, а также купцов и сельской буржуазии.

7. РОССИЙСКОЕ СЕЛО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века подавляющая часть российского населения была крестьянской. Это относилось буквально ко всем регионам страны, к представителям всех национальностей, населявших Россию. Хотя крестьяне после отмены крепостного состояния в 1861 году оказались лично свободными, однако вплоть до начала XX века их хозяйства были тесно связаны с помещичьими имениями. В руках помещиков оставался не только основной массив плодородных земель, но и так называемые «отрезки» от прежних крестьянских наделов, которые были отданы помещикам в виде компенсации за потерю дарового подневольного труда, а также леса, выгоны, водопои, дороги. Для того чтобы получить нужные им земли и хозяйственные угодья, крестьяне были вынуждены арендовать их у тех же помещиков за «отработки». К тому же за крестьянами числились огромные суммы выкупных платежей, которые они должны были платить государству, поскольку оно по условиям реформы уплатило за крестьянские наделы помещикам и должно было возместить эти свои расходы.

Таким образом, целый ряд феодальных пережитков по-прежнему опутывал деревню, вызывая резкие противоречия между основной массой крестьянства и помещиками, а также между крестьянами и государством. К тому же над крестьянами довлела прежняя сословная замкнутость, полная подконтрольность местным властям, приниженное правовое положение, существование сословного суда специально по крестьянским делам, практика применения к крестьянам телесных наказаний. Элита общества, большинство интеллигенции, средние слои откровенно третировали полуграмотных или безграмотных крестьян как людей низшего сорта, как париев, какими они, к сожалению, и являлись.

Всё это приводило к постоянному недовольству в крестьянской среде, к накоплению там взрывоопасных, экстремистских тенденций. Это было закономерно. Недальновидная и нерешительная политика правительства в аграрном вопросе, неукоснительная защита властью прежде всего интересов дворян-землевладельцев приводили к тому, что крестьянство горело ненавистью к верхам общества, презирало их, находилось в состоянии безжалостного и жестокого противостояния им.

Огромное значение для формирования облика российского крестьянства, являвшегося основной частью народа, имели общинная хозяйственная система, общинные традиции и психология. С одной стороны, община защищала своих членов, помогала им, а с другой – жёстко регламентировала крестьянское хозяйство, крестьянский труд, быт и нравы, передвижение крестьян, уплату ими налогов и т.д. Община невидимыми обручами сковывала крестьянина, превращала его в винтик большой социально-экономической аграрной машины. Основным принципом жизни общины был принцип уравнительности. Личное, предпринимательское, инициативное начало – всё, что было в крестьянстве сильного, индивидуального, билось в тенетах общинного коллективизма, уравнительности, неуважения и подозрительности к любой попытке выделения и возвышения людей над общим средним уровнем и в плане материального благосостояния, и по таланту и уму. Как верно подметил в своё время П.А. Столыпин, «у русского крестьянина страсть всё привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства». К сожалению, власть поняла это слишком поздно.

По существу, в общине драматически и дуалистически переплетались самые противоречивые начала – частнособственнические тенденции, предпринимательство, буржуазный индивидуализм и прагматизм, требовавшие свободы личности и продвижения к гражданскому обществу и правам человека, с одной стороны, и средневековый общинный коллективизм, нормы общинного землевладения, противодействие частнособственническим тенденциям, утопический лозунг «чёрного передела», с другой.

По переписи 1905 года, в России было зафиксировано 166 тысяч крестьянских общин. Если в западных странах крестьянские общины под влиянием социально-экономических и политических перемен ушли с исторической арены вместе со средневековьем, то в России при её замедленном темпе жизни община вошла вместе со своими социально-экономи-

ческими и психологическими параметрами в XX век и в течение десятилетий, несмотря на крутые повороты истории, создавала определённый фон для всей общественной жизни и самого облика народа.

Важное значение для понимания судеб российского крестьянства как в начале XX века, так и в последующие десятилетия имел демографический взрыв в деревне. Те впечатляющие цифры умножения российского населения, о которых шла речь выше, приходились в основном на его наиболее социально принижённую и материально страдающую часть – крестьянство. Рост населения в деревне не только множил малоземелье и разного рода «утеснения», но и готовил всё более массовую основу будущих социально-экономических коллизий в стране. В обзлённой, мятущейся деревне с каждым годом прибавлялись всё новые и новые легионы недовольных, которые к 1914 – 1917 годам уже представляли собой многомиллионную армию, готовую к массовым действиям, если её положение кардинально не изменится.

А перспектив на улучшение ситуации так и не намечалось. Новые земли, в том числе колонизируемые, осваивались с большим трудом. Причинами этого были низкий уровень материально-технических возможностей крестьянства, сдерживающая (до начала столыпинских аграрных преобразований) этот процесс правительственная политика, сопротивление крестьянам-переселенцам со стороны местного, в том числе национального, населения.

Первое десятилетие XX века, в силу уже отмеченных выше социально-экономических причин, лишь подчеркнуло те противоречия, которые терзали российскую деревню. Мировой аграрный кризис конца XIX века привёл к падению цен на хлеб. Начало XX века российское крестьянство встретило в условиях хозяйственной стагнации. В это время доходы основной массы крестьян оставались крайне низкими. В половине губерний Европейской России, определявших социально-экономическое лицо страны, эти доходы не покрывали текущих расходов, а в лучшем случае не превышали их. В этих условиях ведение предпринимательского хозяйства в деревне было практически невозможно: вырученные благодаря ему средства уходили на оплату налогов, платежей и не могли использоваться для расширенного воспроизводства. Помогали различные местные и отхожие земледельческие и промышленные промыслы. Всё это накладывало средневековую печать на весь облик крестьянского хозяйства. Как и в средние века, товарно-денежные отношения содействовали социальной дифференциации крестьянства, но не более того. В его среде истинно капиталистические, предпринимательские тенденции так и не стали господствующими. Крестьянское хозяйство сохраняло свой средневеково-семейный характер. Страшные голодовки на почве тяжёлых неурожаев и недородов в конце XIX и первые десять лет XX века приобретали массовый характер и буквально потрясали Россию. Они были зеркальным отражением бедственного положения российской деревни.

И всё же жизнь деревни медленно менялась. Хотя там и использовался преимущественно тяжёлый ручной труд, но уже появились и сельскохозяйственные машины. Их ввозили из-за границы, зарождалось и собственное российское сельскохозяйственное машиностроение. Эти машины применялись в основном в устоявшихся под напором перемен и адаптировавшихся к ним помещичьих латифундиях, в некоторых богатых крестьянских хозяйствах. Медленно, но неуклонно расширялись посевные площади. По объёму валовой хлебной продукции и по производству зерна на душу населения Россия выходила на одно из первых мест в мире. Происходило это, однако, за счёт экстенсивных методов хозяйствования и роста площадей пахотных земель. Вместе с тем зерно в основном потреблялось в хозяйствах мелких производителей, и его товарный фонд увеличивался медленно, подчёркивая общую средневековую структуру сельскохозяйственного производства и потребления.

Позитивные перемены были связаны и с развитием кооперативного движения в стране, которое содействовало расширению крестьянского землепользования, внедрению прогрессивных форм хозяйствования, механизации производства, развитию товарно-денежных отношений. В социальной сфере кооперация выполняла важную функцию ускорителя процессов формирования буржуазной структуры общества, в том числе и сельского. Однако и здесь, наряду с вполне современными кооперативными тенденциями, ощущалось засилье торгово-ростовщического капитала, высасывающего из деревни огромные средства.

Перемены в жизни села происходили и в сфере быта. В те годы, когда неурожаи щадили страну, рацион питания незначительно, но улучшался, деревня знакомилась не только с машинами, но и с разнообразными товарами российской промышленности. Керосиновая лампа стала заменять древнюю лучину и свечи.

В этих условиях стомиллионное российское крестьянство могло реально убедиться в благотворных возможностях прогресса и вместе с тем ощутить в полной мере всю тяжесть и беспросветность старого уклада. Именно на этом общественном срезе и рождалось социальное противостояние крестьянства и помещиков, крестьянства и местных властей. Однако правительство долгое время упрямо держалось в отношении крестьянства старого, традиционного подхода, кажется, вовсе не замечая кардинальных цивилизационных веяний в его среде. Неприкосновенность общинного строя, сохранение сословной неполноценности крестьянства, нежелание «сделать из крестьянина персону», как предлагал премьер-министр С.Ю. Витте, – с таким багажом вступила Россия в первые годы XX века.

Аграрный вопрос стал коренным вопросом первой русской революции 1905 – 1907 годов. Крестьянское движение накладывало существенный отпечаток на весь ход революции. Размах крестьянских выступлений осенью 1905 года заставил царя подписать 3 ноября манифест об уменьшении наполовину выкупных платежей с крестьян с 1 января 1906 года и о прекращении их выплаты с 1 января 1907 года.

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывало свыше половины Европейской России, практически все регионы помещичьего землевладения. Всего за 1905 год было зарегистрировано 3228 крестьянских выступлений, за 1906 год – 2600, за 1907 год – 1337. Современники говорили о начавшейся в России крестьянской войне против помещиков за передачу всей земли тем, кто её обрабатывает своим трудом.

Крестьянская убеждённость в том, что земля должна принадлежать тем, кто её обрабатывает своим трудом, в 1905 году не только проявилась в массовых захватах помещичьих земель, но и породила программное политическое требование их полной и безвозмездной конфискации. Два обстоятельства способствовали быстрому формированию самой радикальной программы крестьянской революции. Во-первых, основные революционные действия, особенно захват помещичьих земель, проводились вполне легитимными органами общинного самоуправления: решение («приговор») принималось на сельском сходе большинством голосов. Община, служившая средством подчинения деревни государственному управлению, являвшаяся традиционной опорой самодержавия, «вдруг» стала действовать как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная к тому же сразу распределить захваченные земли и включить их в производственный процесс. Больше того, в ряде мест осенью 1905 года крестьянская община присваивала

себе всю власть и даже объявляла о полном неподчинении государству. Наиболее ярким примером может служить Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии, просуществовавшая с 31 октября 1905 года по 16 июля 1906 года.

Во-вторых, начавшееся с осени 1905 года составление наказов депутатам, избираемым в Государственную думу, послужило для деревни небывалой политической школой – школой осмысления своего положения в обществе и формулирования своих требований к обществу. Это положение оценивалось в наказах такими словами, как «разорение», «нужда», «голод и холод»... Эти требования в конечном итоге сводились к одному: «чтобы вся земля немедленно была объявлена собственностью всего народа» и бесплатно передана «в уравнительное пользование» тем, кто трудится на ней.

Проблема аграрного развития страны стала коренной для всех четырёх Дум. В Государственной думе прения по аграрному вопросу разворачивались в основном между кадетами и трудовиками с одной стороны и царским правительством с другой. Кадеты внесли на рассмотрение в I Думе свой законопроект, где речь шла о принудительном отчуждении «за справедливое вознаграждение» той части помещичьих земель, которая обрабатывалась на основе полукрепостнической отработочной системы или сдавалась крестьянам в кабальную аренду. Вся земля переходит в государственный земельный фонд, из которого крестьяне будут наделяться ею на правах частной собственности. Глава правительства выступил с декларацией, в которой в резкой и оскорбительной форме отказал Думе в праве подобным образом разрешать аграрный вопрос. Дума негодовала и выразила правительству недоверие. Но уйти в отставку правительство не могло (так как было ответственно перед царём) и не хотело. Законопроект не был принят, а Дума распущена. II Дума, которая была ещё более левая, чем первая, предложила три законопроекта, суть которых сводилась к развитию свободного фермерского хозяйства на свободной земле. Эти законопроекты тоже не были одобрены правительством. Столыпин П.А., используя фальшивку, решил избавиться от сильного левого крыла Думы и обвинил 55 социал-демократов в «заговоре» с целью установления республики. Однако Дума создала комиссию для расследования всех обстоятельств, которая пришла к выводу, что обвинение является сплошным подлогом. Видя такие настроения среди депутатов, царь (3 июня 1907 года) подписал манифест о роспуске Думы.

Государственный переворот 3 июня 1907 года означал конец революции 1905 – 1907 годов. Итогом первой русской революции явилось то, что в деревне установились отношения, соответствующие условиям капиталистического развития: были отменены выкупные платежи, сократился помещичий произвол, понижалась арендная и продажная цена на землю; крестьяне приравнивались к другим сословиям в праве на передвижение и место жительства, поступления в вузы и на гражданскую службу. Чиновники и полиция не вмешивались в работу крестьянских сходов. Однако в главном аграрный вопрос не был решён: крестьяне не получили земли.

После поражения революции острота крестьянского вопроса отнюдь не ослабла, и правительство предложило свой путь его решения – аграрную реформу. Её конкретное воплощение было связано с именем премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина.

Суть аграрной реформы заключалась в закреплении правового статуса крестьянского сословия через личную земельную собственность. Реформа предполагала превратить крестьянина в собственника земли путём серии мероприятий по ликвидации архаичных крепостнических методов ведения сельского хозяйства, высвобождению крестьянской инициативы из пут общины. Предполагалось, что экономическое укрепление крестьянского хозяйства, создание слоя зажиточных мужиков укрепит и политический строй России. Для этого необходимо было, по мнению П.А. Столыпина, повысить товарность крестьянского хозяйства, поднять покупательную способность крестьян, ускорить процесс дифференциации крестьянства путём экономической конкуренции, увеличить приток рабочей силы в город из деревни, расширить ёмкость внутреннего рынка и ускорить темпы развития индивидуального землепользования. По закону П.А. Столыпина от 9 ноября 1906 года (который стал законом 14 июня 1910 года) все крестьяне делились на две категории: там, где не было передела общинной земли 24 года, крестьяне могли требовать предоставления её в личную собственность в любое время; там, где был передел земли за последние 24 года, крестьянину по его заявлению о выходе из общины предоставлялась та земля, которую он имел после последнего передела.

Главное в аграрной реформе Столыпина заключалось в том, что крестьянин становился личным собственником земли, следовательно, от того, как он ею распорядится, зависело его богатство. Столыпин рассматривал крестьянскую реформу с социальной точки зрения, так как считал, что политическая реформа может осуществиться только в сочетании с социально-аграрной. Улучшение положения большинства населения России помогло бы, как представлялось П.А. Столыпину, стабилизировать сначала экономику, а затем и социально-политическую ситуацию в стране. Он был против национализации земли. Он считал, что любая программа национализации приведёт к великим социальным потрясениям, от которых стране будет трудно оправиться.

Для реализации основных положений реформы деятельность правительства осуществлялась в нескольких направлениях. Расширилась деятельность крестьянского банка. За 22 месяца, с 3 ноября 1905 года по 1 сентября 1907 года, банк приобрёл более 4 миллионов десятин земли. По указам 12 и 27 августа 1906 года часть казённых и удельных земель была продана банку для продажи крестьянам по льготным ценам. К 1911 году банком было продано около 3 миллионов десятин земли (только помещичьей), а всего более 7 миллионов десятин в личное пользование. Эти указы позволили начать постепенную передачу владений земли в руки наиболее заинтересованных в развитии прогрессивного хозяйства инициативных землевладельцев, чтобы крестьянам приобрести землю одним куском (и ликвидировать, таким образом, чересполосицу, которая снижала эффективность крестьянского хозяйства).

Крестьянский банк получил не только право быть посредником при продаже земли, но и возможность межевать землю, т.е. заниматься землеустроительными работами. Позднее банк стал заниматься и сдачей земли в аренду. Правительством Столыпина был предпринят ряд шагов, ограничивающий возможность скупки земли и спекуляции ею. Так, надельная земля, приобретённая в личную собственность, могла быть продана лишь крестьянам, а также заложена только в Крестьянский банк и не могла быть отдана за личные долги; в одних руках можно было сосредоточить только шесть наделов.

Реформа сразу же подтолкнула процесс дифференциации крестьянства; первыми, кто пожелал выхода из общины, были в основном многоземельные крестьяне. Большинство крестьян, получив такое право, стали продавать свои наделы, сниматься с места и искать лучших условий на стороне. Многие крестьянские семьи переселялись за Урал, в Сибирь, часть эмигрировала из страны, остальные же пополняли городское население. Всего за 10 лет реформы уехали в другие страны более 1,5 миллиона человек. Количество переселенцев с начала реформы постепенно возросло. Так, в 1906 году их

насчитывалось 216,6 тысячи человек, а в 1908 – 758,8 тысячи. Доля обратных переселенцев в среднем составила 17,6% в год, хотя в отдельные годы она достигала 80%. Это было связано со сложностями устройства крестьян на новом месте и всяческими препятствиями, чинимыми переселенцам со стороны местных властей.

К середине 1911 года в ходе осуществления крестьянской реформы более 1,5 миллиона человек реализовали своё право собственности, однако всего 1/3 выделившихся крестьян стремилась к новому типу хозяйства. Единоличное хозяйство способствовало увеличению культурных земель, уничтожению чересполосицы, улучшению обработки земли, уменьшению пьянства.

Столыпинская аграрная реформа освобождала общество от феодально-крепостнических пережитков и объективно содействовала развитию производственных сил. Рост производства продукции на хуторах привёл к конкуренции и разорению отсталых помещичьих хозяйств. Увеличился вывоз сельскохозяйственной продукции, возросла урожайность хлебов.

8. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ДЕРЕВНЕ

Первая мировая война (1914 – 1918), в которой Россия не могла не участвовать, обрекла широкие слои населения, особенно в деревне, на крайние бедствия, отчаяние и озлобление... 1917 год становился неотвратимым. К 1917 году крестьяне в шинелях осознали себя грозной силой и открыто заявляли о намерениях завоевать и защищать свободу и землю.

К общим тяготам войны, падавшим в крестьянской стране на плечи именно крестьянского населения, добавился продовольственный кризис и вместе с ним принудительные заготовки сельскохозяйственной продукции. Уже в августе 1915 года были введены твёрдые цены на хлеб для правительственных закупок (на военные нужды). В декабре 1916 года кризис правительственных заготовок заставил встать на путь хлебной развёрстки, проведя распределение необходимого государству количества хлеба между губерниями, селениями, хозяйствами в качестве обязательств на его поставку. Такая развёрстка государственной потребности по территории страны приводила к тому, что хлебными поставками обязывались и незерновые губернии – Вологодская, Новгородская, Костромская и др. В хлебопроизводящих же районах развёрстка сразу оказалась непосильной для крестьянских хозяйств. Со всей определённой об этом заявила Тамбовская губернская земская управа, потребовавшая снижения поставок: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить развёрстку в указанных министром земледелия размерах».

И твёрдые цены, и продразвёрстка, и даже созданная тогда «хлеб-армия» не смогли решить задачи из-за своей частичности, ограниченности закупками на военные нужды. Держатели хлебных запасов, имевших рыночное значение, предпочитали спекулировать, добиваясь безудержного роста цен, усугубляя продовольственные трудности для неимущих слоёв населения, как в городе, так и в деревне. Лозунг «Хлеб голодным!» стал одним из главных в русских революциях 1917 года – и Февральской, и Октябрьской. Созданное Февральской революцией Временное правительство должно было начать именно с продовольственного вопроса – с введения государственной хлебной монополии, что означало и установление твёрдых цен, и передачу всего хлебного запаса (кроме необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца) государству через посредство его продовольственных органов. Закон, принятый 25 марта 1917 года, имел вполне большевистское название «О передаче хлеба в распоряжение государства».

Однако слишком тесная связь с эгоистическими интересами крупных землевладельцев и торговцев, непоследовательность и нерешительность действий Временного правительства привели к тому, что хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение государства на деле осуществлены не были. Провал заготовок из урожая 1917 года стал очевидным сразу. Уже 20 августа Министерство продовольствия разослало на места директиву: «В случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооружённая сила». И сила эта применялась, когда сдавать хлеб отказывались крестьяне. К осени 1917 года продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. Голод стал реальным и наиболее сильным фактором развития событий по стране в целом.

В сфере собственно аграрных отношений революционный процесс как динамика двух встречных насилий от февраля до октября 1917 года развёртывался в тех же направлениях и формах, что и в 1905 – 1907 годах, однако масштабы и темпы событий, их организованность и сила возросли в огромной степени. Захваты помещичьих земель и разгромы усадеб начались в марте–апреле, местами (например, в Ранненбургском уезде Рязанской губернии) к началу полевых работ основная масса помещичьих имений была сметена. Фактическим захватом части помещичьих земель было прекращение выплаты крестьянами арендной платы, осуществлённое повсеместно. Крестьянское отрицание прошлого стало предельным. Оно находило выражение прежде всего в стремлении смести помещичьи имения так, «чтобы некуда (им) было возвращаться ... чтобы не были они здесь совсем». И теперь при разгроме усадеб крестьяне не останавливались перед расправой с владельцами, если они оказывали сопротивление.

Программа крестьянской революции, появившаяся в 1905 году, приобрела ещё большую определённую и массовую поддержку деревни. Написанные в мае 1917 года указы депутатам Всероссийского съезда крестьянских Советов требовали полного и немедленного уничтожения частной собственности на землю и передачи её в трудовое пользование на равных началах. Неопределённость позиции Временного правительства и затягивание с выборами Учредительного собрания привели к тому, что крестьянская революция стала решать вопрос о земле самостоятельно.

Летом–осенью 1917 года крестьянское движение затихало лишь на период самых напряжённых полевых работ. Однако даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тысячи официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков. Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием работ – в конце августа–сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений. Основная масса их приходилась на районы помещичьего землевладения – Чернозёмный Центр, Среднее Поволжье и Украину, а также Белоруссию, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Московскую губернии. Эпицентром нового социального взрыва оказалась Тамбовская губерния. 3 сентября власть на её территории перешла в руки крестьянского Совета, 11 сентября Совет опубликовал «Распоряжение № 3», которым все помещичьи хозяйства передавались в распоряжение местных Советов, вместе с землёй на учёт бралось (фактически конфисковывалось) всё хозяйственное имущество. Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского Декрета «О земле», включавшего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне

1918 года они были бы реализованы крестьянской резолюцией по всей России, но с более ожесточённой и разрушительной борьбой в самой деревне. Декрет «О земле» и принятый на его основе в феврале 1918 года Закон «О социализации земли» снимали накал стихийной борьбы и вносили определённый порядок в практику конфискации и распределения помещичьих, а вслед затем и перераспределения всех сельскохозяйственных земель, включая крестьянские. Однако узаконение конфискации и перераспределения помещичьих земель не смогло остановить разгромы усадеб, растаскивания имущества, причём не только производственного. В разгромной волне, начавшейся весной 1917 года и не остановившейся осенью, исчезли все сколько-нибудь развитые формы аграрного капитализма, в том числе и многие культурные хозяйства, имевшие большую ценность. Погибали богатейшие библиотеки, собрания произведений искусства, особенно живописи и скульптуры. Крестьянская война 1917 года не пощадила и тех, кто немало сделал для народного просвещения и прежде был весьма почитаем в крестьянской среде. Так, ещё в 1910 году на похоронах Л.Н. Толстого его почитатели несли плакат с надписью: «Дорогой Лев Николаевич, память о Вас будет вечно жить в сердцах благодарных крестьян Ясной Поляны». А в 1917 году могила Л.Н. Толстого была осквернена, его имение в Ясной Поляне сожжено.

В 1917 году состоялось два всероссийских съезда крестьянских депутатов, история которых наглядно отражает стремительную радикализацию масс и ту ожесточённую борьбу, которую вели социалистические партии за влияние на крестьянство.

I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (май–июнь 1917 года) в целом поддержал Временное правительство и согласился с тем, что окончательное решение аграрного вопроса должно дать Учредительное собрание. Однако в специальной резолюции съезда были закреплены принципы будущей реформы: переход всех земель в общенародное достояние без выкупа. До Учредительного собрания съезд предлагал передать все земли в ведение местных земельных комитетов. Борьба за крестьян развернулась на Всероссийском (Чрезвычайном) съезде Советов крестьянских депутатов (Петроград, ноябрь 1917 года) и на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (декабрь 1917 года).

Так, на II съезд крестьянских депутатов прибыли 790 человек, из них большевиков – 91, левых эсеров – 350, правых эсеров – 305 человек. На съезде произошёл раскол: первоначально за поддержку Учредительного собрания высказались не только правые эсеры, но и часть левых эсеров и большевиков. Левые эсеры пытались включить в свою фракцию депутатов, не имевших право голоса. В знак протеста 347 делегатов, стоявших за защиту Учредительного собрания, во главе с правыми эсерами 4 декабря покинули II Всероссийский съезд крестьянских депутатов и организовали свой, альтернативный съезд, который объявил Совет народных комиссаров незаконным захватчиком власти. Оставшаяся часть делегатов II крестьянского съезда проголосовала в поддержку советской власти и одобрила заключённое между большевиками и левыми эсерами соглашение о вхождении левых эсеров во ВЦИК и Совнарком, согласно которому 108 членов нового исполкома, избранного II Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, вошли в объединённый ВНИК.

Крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землёй, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам. Однако стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 года, когда ситуация катастрофически нарастающего голода в городе потребовала хлеб от деревни. Хлебная монополия с неизбежностью перерастала в продовольственную диктатуру для действительной «передачи хлеба в распоряжение государства». В мае–июне 1918 года была проведена полная централизация продовольственного дела с предоставлением чрезвычайных полномочий Народному Комиссариату продовольствия; объявлен «крестовый поход» городских рабочих в деревню для борьбы против сельской буржуазии, помощи бедноте и проведения хлебных заготовок; началось создание комитетов деревенской бедноты в целях её организации, усиления политической роли (вплоть до подчинения комбедам сельских и волостных Советов) и снабжения продовольствием за счёт излишков, изымаемых у других.

В борьбе за землю в 1917 году крестьян сплачивала община. Крестьянство поддержало Советы, тем самым обеспечило победу социалистической революции. Решающая роль крестьянства в революционных событиях 1917 года позволяет некоторым современным историкам характеризовать эти события как «общинную революцию», «крестьянскую революцию».

С другой стороны, общинная революция, в понимании ряда современных исследователей, – это крестьянская антибуржуазная революция, в которой крестьянский мир объективно противостоял капиталистическому разрушению общины. Деревню объединяли требования ограничения и ликвидации частного землевладения, немедленного решения аграрного вопроса в интересах большинства трудового крестьянства. К этому времени отрицание помещичьей собственности на землю стало не просто политическим лозунгом, но и символом веры большинства населения. Именно это всеобщее негативное отношение к частной собственности на землю предопределило выход революционных событий за рамки буржуазных преобразований и направляло Россию в русло антибуржуазной демократической и даже социалистической революции.

9. КРЕСТЬЯНСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Декретом от 11 июня 1918 года в стране вводились комитеты бедноты (комбеды), создававшиеся как противовес сельским советам. С этим декретом Ленин связал начало классовой борьбы в деревне (был брошен клич «Смерть кулаку»), подчёркивая, что с октября 1917 года до издания декрета о комбедах большевики «шли со всем крестьянством. В этом смысле... революция тогда была буржуазной». Комбеды участвовали в конфискации хлебных запасов, в изъятиях земельных участков у зажиточных крестьян. Форсированно создавались крестьянские совхозы и коммуны, высокая степень обобществления в которых лишала сельчан даже личного имущества. Усилилось давление на казачество Дона, Кубани, Терека, Оренбуржья. Стали разгораться крестьянские и казачьи восстания.

Несмотря на ожесточённость сопротивления крестьян и начало крупномасштабных действий, большевикам в течение 1918 года удалось укрепиться у власти. Ими проводилась политика жесткой централизации. Из советов изгонялись их противники. Большевицкая партия строилась по военизированному образцу. При этом она сталкивалась с трудностями: многим рядовым партийцам милитаризация ячеек пришлась не по нраву. С марта по июль 1918 года численность РКП(б) снизилась с 300 тысяч до 150 тысяч членов. На колебания количественного состава влияли перепады в политической линии большевицкой партии и обострение общественного противостояния. Эти колебания продолжались в течение всей

Гражданской войны. Весной 1919 года РКП(б) насчитывала 113 тысяч членов, а к осени того же года – почти в 2 раза меньше; в марте 1920 года в партии насчитывалось примерно 600 тысяч коммунистов, а после перерегистрации, в ноябре того же года было потеряно 30% этого состава.

Половина всех коммунистов находилась в Красной Армии. За время Гражданской войны было проведено четыре крупных партийных мобилизации в РККА, не считая частичных и персональных призывов. Организовывались и трудовые мобилизации. Централизация управления обеспечивала также создание органов, государственных по форме, но партийных по существу, – Совета рабочей и крестьянской обороны, Реввоенсовета республики, института военных комиссаров и политотделов в Красной Армии и др. Страна была объявлена «единым военным лагерем».

Удачной оказалась для большевиков и их военная политика. В мае 1918 года, не отрекаясь от представления о Красной Армии как «вооружённом авангарде сознательных рабочих», руководители большевиков объявили о переходе от добровольчества к регулярной военной службе, обязательной для рабочих и, главное, для крестьян, которые в составе Красной Армии стали преобладать. Руководитель её, Троцкий, реализовал на практике тезис о российском крестьянстве как об «удобрении для мировой революции». Вопросы внутренней организации Красной Армии получили особое внимание. Была создана целая система политического воспитания красноармейцев (в антибольшевистских формированиях такой системы не было нигде). Красноармейцы находились на полном казённом обеспечении, а их семьи получали от властей материальные и правовые льготы. Полностью за государственный счёт содержались и военспецы.

Бои в 1918 году шли с переменным успехом. Летом красным удалось добиться перевеса в Поволжье, на Северном Кавказе и на Севере. Но уже в ноябре ЦК РКП констатировал «почти полную приостановку военных успехов на Восточном фронте и одновременно ряд неудач на Южном фронте». Проведение в 1918 году военной политики строительства Красной Армии значительно осложнялось общей политикой большевиков в отношении к крестьянству. Резкий рост недовольства крестьян продразвёрсткой и комбедами вёл к массовому уклонению сельской молодёжи от службы в Красной Армии. Первая мобилизация дала красным меньше 20% призывников из деревни, привела к усилению крестьянских выступлений. Более того, часть крестьян реагировала на призывы в Красную Армию вступлением в «Народную армию» под начало Комуца (а позднее – Колчака). Сопrotивление призывам в Красную Армию вело к созданию дезертирами крестьянских вооружённых отрядов. Стремясь переломить ситуацию, большевики в конце 1918 года отменили комбеды. Ликвидация комбедов рассматривалась ими как чисто тактический ход. Это относилось и к решениям VIII съезда РКП(б), принявшего резолюции о соглашении со средним крестьянством. По этому поводу откровенно высказались Бухарин («Это – сознательный политический манёвр») и Ленин («...дело будет меняться в зависимости от многочисленных привходящих моментов революции»).

Одновременно не прекращались попытки подступиться к решению стратегических задач. Троцкий заявил о необходимости расказачивания. В январе 1919 года Свердловым был подписан циркуляр о массовом терроре против казачества. На Дону, Кубани, в Оренбуржье, на Тереке начались масштабные репрессии против казаков, принявшие форму геноцида. Создавались концлагеря для казаков. Якир прямо требовал «процентного уничтожения мужского населения» казачьих станиц. Ответом стало восстание верходонских казаков, вспыхнувшее в марте 1919 года. Одновременно развернулось антибольшевистское движение в Поволжье, втянувшее до 180 тысяч крестьян. На Украине в апреле–июле было 328 восстаний. Не затухали крестьянские выступления в Тверской, Ярославской, Костромской губерниях.

Настроения крестьянских масс быстро сказывались на фронтовой ситуации. 1919 и 1920 годы по остроте и напряжению военно-политического противостояния мало уступали 1918 году. В марте 1919 года развернулось наступление Колчака, в мае – Юденича под Питером, а в июне – Деникина на юге. Большевикам удалось выстоять. Кроме концентрации средств и усилий их спасло постепенное успокоение крестьянства после решений VIII съезда РКП(б) – произвол на местах уменьшился, пропорционально этому уменьшилась и ожесточенность крестьянства против большевиков. В результате осенью 1919 года численность Красной Армии удалось довести до пяти миллионов человек и нанести решающие поражения белым, которые были окончательно разбиты к концу 1920 года.

Однако именно 1920 год стал пиком противостояния в стране. Хотя на основной территории не было уже ни белых, ни интервентов, в 36 губерниях сохранялось военное положение, произошёл новый всплеск крестьянских выступлений. Крестьяне, не получая обещанной им и желаемой политической и экономической свободы, отчётливо чувствовали за «тактическими» декларациями большевиков их «стратегическую» враждебность. Продолжалась борьба казачества с красными, широкого размаха достиг Западно-Сибирский мятеж. Огромные силы Красной армии были брошены против Махно и Антонова. Крестьянским волнениям не видно было конца.

Гражданская война вызвала грандиозный раскол многомиллионного российского крестьянства. Современный исследователь Т. Осипова говорит о белой армии как на 77% состоявшей из крестьян. Интересно, что эту же самую цифру называет П. Голуб, но применительно к доле крестьян в Красной Армии.

Многие крестьяне, будучи подвержены психологии общинного локализма, не хотели воевать ни за красных, ни за белых. Возникали крестьянские повстанческие армии, известные как «зелёные» (название отражало их преимущественно локальную дислокацию). Крестьянские армии были силой – самой многочисленной и самой неорганизованной, лишённой чёткой стратегии и координации между формированиями.

Говоря о крестьянстве, нужно учитывать определённое влияние географического фактора. К примеру, Центральная Россия, несмотря на трудности мобилизации, как и везде (уклонение от нее во Владимирской и Курской губерниях достигало 90%), всё-таки дала Красной Армии во второй половине 1918 года почти 600 тысяч человек. Здесь сказались исторически обусловленные различия между крестьянством разных регионов: октябрьские лозунги большевиков о «чёрном переделе» наибольший резонанс нашли именно в Центральной России, а на севере и в районах восточнее Волги, никогда не знавших помещичьего землевладения, эти лозунги были не только малоактуальными, но и напрямую угрожали крестьянам, имевшим в результате столыпинских реформ собственную землю.

В 1918 году раскололось само крестьянское сознание. Неискущённому в теоретических премудростях крестьянину трудно было «расшифровать» подоплёку происходящих событий. В ходе крестьянских восстаний часто звучали лозунги: «За большевиков, но против коммунистов». Зная, что большевики дали мир, землю, Советскую власть, крестьяне не понимали, как эти люди могли проявить к ним открытую враждебность, насаждая коммуны и силой изымая хлеб.

Крестьянство в условиях общинной локальности склонялось к натуральщине в ведении хозяйства. Большевики попытались создать в деревне совхозы и сельхозкоммуны, перевести сельское хозяйство на рельсы централизованного производства и управления. Чаще всего эти попытки терпели откровенные неудачи. Возникла угроза голода. Преодоление продовольственных трудностей власть видела в чрезвычайных мерах, в использовании силы. Среди городских рабочих велась агитация, призывавшая к «походу против кулачества». Продотрядам разрешалось применять оружие.

Централизаторские тенденции в экономике проявились ещё и до большевиков. В годы войны нормирование производства, сбыта и потребления было характерно для всех воюющих стран. В 1916 году царское правительство в России приняло решение о введении продразвёрстки. Эту меру подтвердило и Временное правительство: в условиях мировой войны она была явно вынужденной. Большевики же превратили продразвёрстку в программное требование, стремясь к её консервации и проводя её намного жёстче. Принуждение по отношению к крестьянству становилось нормой. Кроме натуральной хлебной повинности от крестьян требовалось участие в системе трудовых повинностей, в мобилизации лошадей и подвод. Национализировались все зернохранилища, ускоренно ликвидировались все частновладельческие хозяйства. Вводились твёрдые цены на сельхозпродукты. Они были в 46 раз ниже рыночных. Всё было направлено на форсированное создание бестоварной экономической модели.

Лидеры большевиков настойчиво называли карточно-распределительную систему признаком социализма, а торговлю – главным атрибутом капитализма. Коммунистические, натуральные элементы внедрялись в повседневную жизнь: бесплатными объявлялись продовольственные пайки, коммунальные услуги, производственная одежда для рабочих, городской транспорт и т.п.

В целом экономическая политика большевиков вызывала недовольство. Она делала упор не на развитие производства, а на контроль за распределением и потреблением. Деньги искусственно обесценивались. Крестьяне работать в условиях продовольственной диктатуры не хотели, снижали посевы. Сбор зерна за 1917 – 1920 годы сократился на 40%, посевные площади технических культур уменьшились в 12 – 16 раз по сравнению с довоенными. Значительно сократилось поголовье скота. Деньги теряли производственно-стимулирующую функцию. В условиях натурального продуктообмена постепенно размывалась также роль денег как всеобщего эквивалента, без которого наладить нормальное производство было невозможно. Экономика быстро деградировала. Дореволюционные производственные фонды проедались, нового строительства и расширения их не было. Жизнь людей становилась всё тяжелее. Кроме непрекращающегося крестьянского брожения ширилось недовольство в городах. В 1920 году начались забастовки на крупнейших предприятиях, являвшихся до этого оплотом большевиков. Волновалась армия. В 1921 году оказались практически полностью исчерпаны запасы металла, мануфактуры, топлива, оставшиеся после 1917 года. Многие предприятия не работали. Объём продукции крупной промышленности составлял в 1920 году 14,8% довоенного уровня. Леворадикальный экономический эксперимент исчерпал себя. Большевики пришли к осознанию, что сверхцентрализация – это вовсе не социализм. В годы Гражданской войны на территориях, где к власти приходили «учредилорцы» или белые, происходила денационализация промышленности, банков, разрешалась частная торговля. В то же время для поддержания нормального потребления в городах делались попытки регулировать торговые отношения между городом и деревней. Эти попытки были робкими и непоследовательными. Понимание необходимости чёткого управления экономикой в условиях военного времени подавлялось у лидеров антибольшевистского движения соображениями пропагандистского толка. К тому же наладить хозяйственную жизнь мешали оторванность занятых ими районов от центра и разлад межотраслевых связей. В районах крестьянского движения, как правило, осуществлялся переход к свободному землепользованию в соответствии с крестьянскими представлениями. При этом господствовала почти полная децентрализация хозяйственных связей, что лишало повстанцев всякого экономического преимущества перед большевиками. Жёстко централизованная хозяйственная система, созданная большевиками, фактически и была ориентирована на мобилизацию ресурсов для обеспечения армии и в условиях военного времени оказалась достаточно дееспособной.

10. СОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ НЭПА

К весне 1921 года, когда окончилась Гражданская война и военная интервенция, политика военного коммунизма перестала быть терпимой для большей части крестьянства, разорённого войнами и истощённого неурожаем. Крестьяне начали выступать против Советской власти. Естественным ответом на отсутствие рынка, изъятие излишков через продразвёрстку было сокращение крестьянами площади посевов. Они производили то, что было необходимо для пропитания семьи. В 1920 году сельское хозяйство давало около половины довоенной продукции. Одной из важных причин этого было, наряду с общей военной разрухой, измельчение наделов и исчезновение крупных хозяйств.

Положение промышленности было ещё хуже. В 1920 году продукция тяжёлой промышленности составляла около 15% довоенной. Производительность труда составляла лишь 39% от уровня 1913 года. Рабочий класс также был подорван хозяйственной разрухой. Многие фабрики и заводы стояли. Рабочие голодали и уходили в деревню, становились кустарями, мешочниками. Шёл процесс деклассирования рабочих. Голод и усталость явились причиной недовольства части рабочих.

Основой экономики и главным источником ресурсов для развития страны в целом было сельское хозяйство. За время после Октября в нём произошло разительное выравнивание размеров хозяйств. Исчезли крупные помещичьи владения, стали резко преобладать крестьянские дворы с небольшими наделами и одной лошадкой.

В 1920 году по сравнению с 1917 годом доля хозяйств с одной лошадкой выросла от 49,2 до 63,6%, а доля хозяйств, имеющих более двух лошадей, упала с 4,8 до 0,9%. Это означало, что безлошадных хозяйств было около 35%. Вообще главный ущерб, который сельское хозяйство понесло от войн и разрухи, заключался прежде всего в гибели большого числа мужчин, а затем в потере большой части рабочего скота. По официальным данным, с 1916 по 1922 год общее сокращение тягловой силы составило 39%, и даже в 1928 году довоенный уровень не был восстановлен.

После чрезвычайного периода военного коммунизма государство должно было выбрать какой-то вариант нормальной и стабильной аграрной политики. Встряска войны, нарушившей привычные связи, позволяла ставить вопрос о вариантах политики. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н. Литошенко и А.В. Чайанову было поручено

подготовить два альтернативных программных доклада. Литошен-ко Л.Н. рассмотрел возможности продолжения в новых условиях так называемой реформы Столыпина – создания фермерства с крупными земельными участками и наёмным трудом. Чайнов А.В. исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наёмного труда с их постепенной кооперацией. Доклады в июне 1920 года обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу государственной политики была положена концепция А.В.Чайнова. На фоне реформ нашего времени надо отдать должное ответственному подходу Советского правительства в 1920 году. При выборе аграрной политики не было места ни доктринёрству, ни риторике.

X съезд РКП(б) в марте 1921 года принял решение о переходе от продразвёрстки к продналогу. Началась новая экономическая политика (нэп). Судя по документам той эпохи, речь шла не о продолжении курса 1918 года, а именно о новой политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов. Иного и не могло быть после такого колоссального урока, как гражданская война. Это надо отметить, поскольку дата начала нэпа вызывает споры среди учёных. Некоторые считают, что политика типа нэп начала проводиться сразу после Октября, но была временно заменена вынужденной политикой военного коммунизма.

Выяснение сути нэпа породило в партии острые и болезненные дискуссии. Его называли «отступлением», «крестьянским Брестом». Ленин же подчёркивал, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл нэпа) – фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, нэп был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Вначале новая экономическая политика рассматривалась как временная, предназначенная для подготовки перехода через прямой товарообмен к социалистическому продуктообмену. Она объяснялась специфическими условиями России, где многомиллионная масса мелких товаропроизводителей нуждалась в рынке. Однако уже на X Всероссийской конференции (28 мая 1921 года) Ленин говорит о нэпе как о долговременной стратегии партии, подлежащей «проведению всерьёз и надолго».

В качестве стимулов в развитии советской экономики на первый план выдвигались экономическая заинтересованность и хозяйственный расчёт. Большое внимание уделялось кооперативным формам. По мнению Ленина, кооперация является наиболее «простым, лёгким и доступным для крестьян» путём перехода к новым порядкам. Он подчёркивал, что «одно дело фантазировать насчёт всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Говоря о первых шагах нэпа, следует отметить, что они положительно сказались на экономике и успешном восстановлении народного хозяйства страны – к началу 1922 года явно обозначился подъём. В тех условиях заметно возродилось и сельское хозяйство: страна была накормлена. В 1921–1922 годах было заготовлено более 38 миллионов центнеров хлеба, в 1925–1926 – более 89 миллионов. поголовье крупного рогатого скота, овец, коз, свиней превысило довоенный уровень.

Земельный кодекс РСФСР 1922 года подтвердил, что частная собственность на землю «отменена навсегда». Запрещались покупка, продажа, завещание, дарение, залог земли. Землю крестьяне получали в бессрочное пользование. Допускались трудовая аренда и найм работников с соблюдением норм охраны труда. Допускались разные формы землепользования (общинная, подворная, хуторская, коллективная). Разрешались договора займа с процентом не выше 6% годовых (но запрещено начисление сложных процентов). Вводилось наследование, как по закону, так и по завещанию.

В деревне происходило развитие различных форм кооперации. Кооперативная собственность рассматривалась как форма социалистической собственности. В период нэпа кооперация стала самостоятельной организацией, которую характеризовало добровольное членство, паевые взносы, а также принципы материальной заинтересованности и хозрасчёта. Сельскохозяйственная кооперация объединяла 6,5 миллиона крестьянских хозяйств, на которые приходилась заготовка половины видов сырья, потреблявшегося государственной промышленностью, а также продвижение в деревню сельхозмашин. Наблюдался рост сельскохозяйственной кооперации: в 1920 году различных видов объединений насчитывалось 12 850 (из них производственных – 10 521); в 1925 году – 54 813 (производственных – 15 178). Производственная кооперация включала в себя сельхозкоммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли (тозы), совхозы – все главным образом бедняцко-средняцкие. Государственная и кооперативная торговля составляла в 1924 году 47,3%; в 1927 году – 65,4%.

В 1923 году страна столкнулась с серьёзным кризисом, связанным с расхождением цен на промышленные и сельскохозяйственные товары («ножницы» цен) и недовольством крестьян складывавшимися экономическими отношениями с промышленностью. Возникновение «ножниц» цен было связано с тем, что сельское хозяйство восстанавливалось быстрее промышленности. К середине 1923 года оно было восстановлено по отношению к довоенному уровню на 70% (крупная промышленность – на 39%). Столь большое несоответствие в темпах вело, с одной стороны, к удорожанию изделий фабрично-заводского производства, а с другой – к удешевлению деревенских товаров. Покупательная способность крестьян снизилась. Достаточно привести только один пример. Если в 1913 году крестьянин мог за 1 пуд ржи приобрести около 6 аршин ситца, то в 1923 году – только 1,5 аршина, т.е. почти в 4 раза меньше. Примерно втрое меньше крестьянин мог приобрести и сахара.

Широкая кампания по снижению цен была начата правительством ещё в конце 1923 года, но действительно всеобъемлющее регулирование ценовых пропорций началось в 1924 году, когда обращение полностью перешло на устойчивую червонную валюту, а функции Комиссии внутренней торговли были переданы Наркомату внутренней торговли с широкими правами в сфере нормирования цен. Принятые тогда меры оказались успешными: оптовые цены на промышленные товары снизились с октября 1923 года по 1 мая 1924 года на 26% и продолжали снижаться далее.

Весь последующий период до конца нэпа вопрос о ценах продолжал оставаться стержнем государственной экономической политики: повышение их трестами и синдикатами грозило повторением кризиса сбыта, тогда как их понижение сверх меры при существовании наряду с государственным частного сектора неизбежно вело к обогащению частного за счёт государственной промышленности, к перекачке ресурсов государственных предприятий в частную промышленность и торговлю. Частный рынок, где цены не нормировались, а устанавливались в результате свободной игры спроса и предложения, служил чутким барометром, стрелка которого, как только государство допускало просчёты в политике ценообразования, сразу же указывала на непогоду.

Но регулирование цен проводилось бюрократическим аппаратом, который не контролировался в достаточной степени низами, непосредственными производителями. Отсутствие демократизма в процессе принятия решений, касающихся ценообразования, стало ахиллесовой пятой рыночной социалистической экономики и сыграло роковую роль в судьбе нэпа.

В 1925 году произошло «расширение нэпа в деревне»: крестьянам разрешили арендовать землю, применять наёмный труд. Отменялись репрессивные меры против частной торговли, снижался продналог. Один из ведущих партийных теоретиков Н.И. Бухарин рекомендовал крестьянам обогащаться, развивать своё хозяйство, не боясь, что их «прижмут».

Бурно развивалась кооперация всех форм и видов. Роль производственных кооперативов в сельском хозяйстве была незначительна (в 1927 году они давали только 2% всей сельскохозяйственной продукции и 7% товарной продукции), зато простейшими первичными формами – сбытовой, снабженческой и кредитной кооперации – было охвачено к концу 1920-х годов больше половины всех крестьянских хозяйств. К концу 1928 года непроизводительной кооперацией различных видов, прежде всего крестьянской, было охвачено 28 миллионов человек (в 13 раз больше, чем в 1913 году). В обобществлённой розничной торговле 60 ... 80% приходилось на кооперативную и только 20 ... 40% – на собственно государственную, в промышленности в 1928 году 13% всей продукции давали кооперативы. Существовало кооперативное законодательство, кооперативный кредит, кооперативное страхование.

Переоценив успехи восстановления экономики, правительство наметило на 1925–1926 годы большой экспорт зерна и закупку на этой основе значительного количества иностранного оборудования. Но объём заготовок оказался меньше намеченного. Сказались не только погодные условия, но и негибкая практика кредитования хлебозаготовок. Деревня вновь ощутила нехватку промышленных товаров. Ухудшению положения на рынке способствовали быстрый рост зарплаты и расширение масштабов капитального строительства. Чтобы ослабить товарный голод, правительство пошло на сокращение вложений в промышленность, уменьшение импорта и увеличение сельхозналога в расчёте на изъятие определённой части средств из деревни, главным образом у кулаков.

В декабре 1927 года состоялся XV съезд ВКП(б), который вошёл в историческую литературу как съезд, провозгласивший «курс на коллективизацию». В действительности же речь шла о развитии всех форм кооперации, о том, что перспективная задача постепенного перехода к коллективной обработке земли будет осуществляться «на основе новой техники (электрификации и т.д.)», а не наоборот: к механизации на основе коллективизации.

Ни сроков, ни способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал. Рассматривая вопрос о темпах развития и накопления, съезд предложил своего рода оптимальный вариант: «Здесь следует исходить не из максимума темпов накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

В 1925 – 1929 годы производство зерна колебалось на уровне чуть выше довоенного. поголовье скота увеличивалось примерно на 5% в год. С социальной точки зрения от политики нэпа в наибольшей степени, пожалуй, выиграло одно крестьянство. По сравнению с дореволюционным периодом крестьяне стали лучше питаться. Так, потребление молока выросло в 2,8 раза, картофеля – в 2,5 раза, мяса – в 2 раза, хлеба – в 1,1 раза. Рабочие оказались в худшем положении: зарплата рабочих в 1925–1926 годах в среднем по промышленности составила 93,7% довоенного уровня.

В то же время хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 годов создал реальную угрозу планам промышленного строительства, осложнил общую экономическую ситуацию в стране. Этот кризис во многом по своему происхождению, характеру и масштабам был аналогичным кризису 1925–1926 годов, но практические выводы оказались совершенно иными. По отношению к «держателям хлеба», прежде всего к кулацким и вообще зажиточным хозяйствам, были применены «чрезвычайные» меры, что, по существу, вело к свёртыванию нэпа в отношениях между городом и деревней.

Сталинская группа к этому времени добилась большинства в политическом руководстве страны. В январе 1928 года Сталин предложил для стабилизации хлебозаготовок развернуть строительство колхозов и совхозов. Именно в них он и его сторонники увидели то звено социально-экономической структуры деревни, которое позволяло бы осуществлять перераспределение средств и снабжать города хлебом. В ноябре 1929 года партийно-государственные органы принимают решение о форсировании процессов коллективизации.

11. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

«Сплошная коллективизация», или, по довольно точному определению И.В. Сталина, «революция сверху», поскольку «была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти», – одно из самых трагических событий отечественной истории после Октября 1917 года, имевшее самые пагубные последствия для крестьянства и сельского хозяйства страны. Корни проблем и трудностей современного сельского хозяйства уходят в 1929 – 1933 годы, когда осуществлялись «аграрные преобразования», которые даже с точки зрения ортодоксального марксизма можно назвать разве что псевдосоциалистическими. Завершающий рубеж «революции сверху» приходится на 1932–1933 годы, когда было объявлено о завершении «в основном» сплошной коллективизации и в полной мере определились социально-экономические итоги и разрушительные последствия этого «социалистического» эксперимента, по существу одной из наиболее преступных акций сталинской эпохи.

Курс на сплошную коллективизацию, лишь обозначенный в решениях XV съезда ВКП(б), был взят в конце 1929 года (ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б), выступления Сталина 3 ноября и 27 декабря), а затем закреплён и конкретизирован в постановлениях ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 года и в ряде последующих. Созданная в годы нэпа разветвлённая и многообразная сеть кооперативов была окончательно ликвидирована или огосударствлена, началось безудержное форсирование коллективизации на основе насилия и массовых репрессий, фактически в единственной форме – сельскохозяйственной артели, причём как «переходной к коммуне формы колхоза».

К концу февраля 1930 года, согласно сводкам земельных органов, было коллективизировано 56% крестьянских хозяйств в целом по СССР и около 60% в РСФСР. Крестьянство ответило на это массовыми протестами, вплоть до вооружённых выступлений. В Закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 года «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» ситуация оценивалась следующим образом: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты

меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение». По существу, речь шла не об угрозе, а о начале крестьянской войны против насильственной коллективизации, против партии и Советской власти.

Реакция режима, у которого почва заколебалась под ногами, на этот раз была стремительной и результативной. Грубейшие «ошибки и искривления», допущенные якобы только местными работниками вопреки «правильной линии партии», были тотчас же признаны, меры по их исправлению приняты и в той или иной степени реализованы. Их первый результат – массовые выходы крестьян из ненавистных колхозов, резкое снижение уровня коллективизации (в том числе и за счёт «бумажных колхозов») к концу лета 1930 года почти на 2/3 (по СССР до 21,4%, по РСФСР до 19,9%). А затем наступило кратковременное «затишье», своеобразная стабилизация, когда «низы» добровольно не хотели возвращаться в колхозы, а тем более создавать новые, а растерявшиеся «верхи» на местах не решались начинать новое наступление на крестьян.

Сталина и его окружение, разумеется, не устраивали ни спад, ни застой коллективизации, ни отказ местных руководителей от её дальнейшего подталкивания. Уже в сентябре 1930 года ЦК ВКП(б) направил всем крайкомам, обкомам ЦК компартий республик директивное письмо «О коллективизации», в котором резко осуждалось пассивное отношение к «новому приливу» в колхозы со стороны партийных организаций. Им предлагалось развернуть политическую и организационную работу среди крестьянства с тем, чтобы «добиться мощного подъёма колхозного движения». Это письмо в конце сентября – начале октября 1930 года обсуждалось в обкомах и крайкомах партии и было принято «к неуклонному руководству и исполнению». Подкреплением этой директивы явилось утверждение декабрьским (1930 года) Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), а затем третьей сессией ЦИК СССР (январь 1931 года) жёстких заданий («контрольных цифр») по коллективизации на 1931 год для всех регионов страны. Речь шла о «полной возможности» коллективизировать в течение года «не менее половины» всех крестьянских хозяйств, а по главным зерновым районам – не менее 80%, что означало для них «завершение в основном сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса».

Установление таких сроков для крестьянских хозяйств огромной страны, а тем более придание им силы закона само по себе означало грубое попрание таких элементарных принципов кооперирования, как постепенность этого процесса, строгая добровольность вступления в кооперативы. Более того, в марте 1931 года Сталин в специальной телеграмме местным партийным организациям «разъяснил», что им «не только не возбраняется, но, наоборот, рекомендуется перевыполнять задание по коллективизации». Таким образом, курс на её всемерное форсирование продолжался: подготавливалось новое наступление на крестьянство.

Однако боязнь повторения «грозы весны» 1930 года заставила правящую верхушку маневрировать. Стало очевидно, что одного насилия недостаточно, необходимы и меры, в той или иной мере стимулирующие вступление крестьян в колхозы. К их числу можно отнести широко разрекламированную программу строительства новых МТС, «твёрдые» обещания упорядочить организацию и оплату труда в колхозах, гарантировать колхознику ведение в определённых размерах личного подсобного хозяйства и др. В то же время насильственные методы продолжали оставаться главными, решающими. Среди них – продолжение антикрестьянской политики «ликвидации кулачества как класса», в осуществлении которой начался «новый этап», отнюдь не случайно совпавший с «новым подъёмом» коллективизации.

Переход к политике «ликвидации кулачества как класса» был провозглашён Сталиным ещё в ноябре 1929 года в речи на конференции аграрников-марксистов, объявившим о «настоящем наступлении на кулачество». К этому времени, в преддверии сплошной коллективизации, 21 мая 1929 года СНК СССР определил признаки кулацких хозяйств, достаточно расплывчатые и неопределённые, которые затем были несколько уточнены при разработке закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 год. Политика ликвидации кулачества, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 года, привела к тому, что большинство кулацких хозяйств (если даже исходить из признаков, установленных в постановлении СНК) прекратили своё существование.

По указанию правительства Наркомфин СССР и его органы на местах устанавливали численность и удельный вес крестьянских хозяйств, подлежащих «индивидуальному обложению» (т.е. кулацких). В 1930–1931 годах было дано указание районам, не завершившим сплошную коллективизацию, вывить не менее 3% таких хозяйств (постановление ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 года). При этом преследовались две цели – полностью или даже с превышением выполнить план по индивидуальному обложению; ещё раз «нажать» на единоличника, под угрозой раскулачивания загнать его в колхоз.

С мест в центральные органы непрерывно поступали жалобы от крестьян на то, что финансовые органы к числу кулацких относили многие середняцкие и даже бедняцкие хозяйства. Основанием для индивидуального обложения, как отмечалось в письмах, служило наличие в хозяйстве ручной молотилки, сепаратора, даже продажа ими на рынке продукции, произведённой в личном подсобном хозяйстве.

Осенью 1930 года возобновилось выселение раскулаченных крестьян. Общее руководство и контроль осуществляла комиссия во главе с заместителем председателя СНК А.А. Андреевым. В целом по стране, по подсчётам специальных комиссий ЦКК ВКП(б), на протяжении 1930 года было раскулачено и выслано в отдалённые районы страны 115 231 крестьянская семья, в 1931 году – 265 795, а всего за два года – 381 026 семей.

Основная часть спецпереселенцев направлялась в малонаселённые, часто почти непригодные для жизни районы. Как указывалось в записке председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды Сталину, к январю 1932 года в этих районах было расселено около 1,4 миллиона человек, в том числе на Урале – 540 тысяч, в Сибири – 375 тысяч, в Казахстане – более 190 тысяч, в Северном крае – свыше 130 тысяч. Большинство из них работало на лесоповале, в горнодобывающей промышленности, меньшая часть использовалась в сельском хозяйстве.

Политика ликвидации кулачества как класса являлась важнейшим фактором осуществления сплошной коллективизации. Причём проводилась она не на основе сплошной коллективизации, как утверждал Сталин, а значительно опережала её, стимулируя последнюю экономически (передача колхозам или даже отдельным бедняцко-средняцким хозяйствам средств производства и имущества раскулаченных) и психологически (фактор «последнего предупреждения» и устрашения единоличников). К тому же термин «раскулачивание», во всяком случае применительно к рассматриваемому периоду, неправилен, поскольку кулака в деревне в это время фактически уже не было не только как класса, но и как социального слоя, «раскулачивали» и ликвидировали, как правило, зажиточных крестьян и середняков, даже некоторых бедняков, заподозренных в сочувствии кулакам и противодействии властям («подкулачники»).

Ход коллективизации в 1931 году поначалу радовал партийное руководство. Программа «нового подъёма» колхозного движения, по данным сводок Колхозцентра и Наркомзема, осуществлялась с опережением намеченных показателей. Об этом победно возвестил июньский (1931 года) Пленум ЦК ВКП(б). Нажим на крестьян был столь силен, что задания по коллективизации, установленные декабрьским Пленумом ЦК 1930 года и январской 1931 года сессией ЦИК на весь 1931 год, были выполнены уже весной.

С конца 1931 года повсеместно начались массовые выходы из колхозов, которые уже нельзя было больше ни скрыть, ни замаскировать. В Докладной записке Колхозцентра в ЦК ВКП(б) «О колхозном строительстве (октябрь 1931 – февраль 1932 года)» с тревогой отмечалось, что в январе и феврале происходил «спад коллективизации в большинстве районов СССР и особенно в некоторых зерновых районах РСФСР».

Массовые выходы из колхозов продолжались на всём протяжении 1932 года, а пик их пришёлся на первое полугодие, когда число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тысячи, на Украине – на 41,2 тысячи. По существу, оказались дезавуированными выводы июньского Пленума 1931 года о решающих победах коллективизации, о её завершении в важнейших зерновых и сырьевых районах страны. Крупномасштабный отлив из колхозов срывал все планы Колхозцентра и Наркомзема, которыми предусматривалось (исходя из показателей весны 1931 года) к весне 1932 года «коллективизировать» 16,9 миллиона, или 69%, а к концу 1932 года – 17,9 миллиона, или 73%, крестьянских хозяйств, а 1932 год был объявлен «годом завершения сплошной коллективизации». Встал вопрос, как остановить бегство крестьян из колхозов.

На положении крестьян особенно тяжело сказалась широко распространившаяся во второй половине 1931 года практика принудительного обобществления коров и мелкого скота. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 года «О развёртывании социалистического животноводства» выдвигалась «центральная задача ближайшего времени в области сельского хозяйства» – добиться в 1931–1932 годах решительного перелома в развитии животноводства путём создания колхозных ферм и увеличения поголовья скота в совхозах.

В докладной записке в ЦК ВКП(б) Колхозцентр сообщал, что вскоре после принятия этого постановления практика поголовного обобществления скота с применением принудительных методов широко распространилась во многих колхозах. Скот у колхозников нередко отбирали силой: взламывали запоры в хлевах, загоняли на общий двор коров колхозников, пасшихся вместе с общественными. А когда колхозники требовали вернуть отобранный скот, им выдавали квитанции о том, что скот обобществлён или зарезан на мясо.

Ответом на эти действия и явились массовые выходы крестьян из колхозов с требованиями вернуть им скот, инвентарь, часть посевов. Имели место и открытые выступления крестьян, в большинстве случаев стихийные. Об этом сообщалось в сводках ОГПУ. Росла опасность повторения событий зимы – весны 1930 года.

Секретные донесения работников ОГПУ этого периода больше похожи на сводки из районов, охваченных всеобщим гражданским неповиновением. Это свидетельствует о том, что крестьянская война, вспыхнувшая в деревне зимой – весной 1930 года, сразу же после перехода к политике сплошной коллективизации, накал которой несколько ослабел во второй половине 1930 – начале 1931 года, разгорелась с новой силой. Так отвечала деревня на пропагандистские постановления о возвращении колхозникам коров и мелкого скота, о снижении размеров хлебазаготовок, о развёртывании колхозной торговли, на насильственную коллективизацию. И тогда на крестьян вновь обрушился «карающий меч» репрессий.

7 августа 1932 года был принят продиктованный Сталиным драконовский закон об охране социалистической собственности, предусматривавший расстрел за хищение колхозного и кооперативного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на 10 лет. Согласно данным на 15 февраля 1933 года, представленным Президиуму ЦИК СССР председателем Верховного суда СССР А. Винокуровым, по закону от 7 августа в целом по стране было осуждено 103 тысячи человек, из них приговорено к высшей мере наказания 6,2% (более 6 тысяч), к 10 годам лишения свободы – 33%. Из общего числа осуждённых 62,4% приходилось на колхозников; 9,4% – на работников совхозов; 5,8% – на единоличников.

«Революция сверху» была запрограммирована и стала осуществляться прежде всего ради индустриализации: сельское хозяйство призвано было стать её прочной сырьевой базой и обеспечивать горожан продовольствием. Ещё в 1928 году, рассуждая об источниках индустриализации, Сталин подчеркнул, что крестьянство в этой связи должно платить «сверхналог», «нечто вроде дани» (не только обычные налоги, но и переплачивать из-за высоких цен на промышленные товары и недополучать из-за низких цен на сельскохозяйственные продукты). Колхозы же и совхозы, насаждаемые сверху, должны были в кратчайшие сроки решить зерновую, животноводческую и сырьевую проблемы. А в конце 1929 года, поскольку произошёл «великий перелом», Сталин объявил, что «теперь у нас имеется... материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов». Именно поэтому он объявил о переходе в решительное наступление на кулачество, к политике ликвидации его как класса.

В 1930 году был собран небывалый для того времени урожай – по официальной статистике, 835,4 миллиона центнеров (на 14% больше, чем в 1928 году), а государственные заготовки хлеба достигли 221,4 миллиона центнеров (в 2 раза больше, чем в 1928 году). Отсюда был сделан необоснованный вывод, что партия, опираясь на колхозы и совхозы, «успешно разрешила в основном зерновую проблему» и что за 1–2 года можно решить и животноводческую проблему. Однако программа «больших скачков» в сельском хозяйстве, не подкреплённая материальными ресурсами, не учитывавшая происходивших в деревне процессов, провалилась. Уже в следующем году произошло падение валовых сборов зерна (в 1931 году – 694,8 миллиона центнеров, а в 1932 году – 698,7 миллиона центнеров) – и не только из-за неблагоприятных погодных условий в некоторых зерновых районах, но главным образом ввиду отсутствия у колхозников подлинной заинтересованности в производительном труде в общественном хозяйстве. Возникли огромные трудности по реализации непосильных для крестьян хлебазаготовительных планов. Реальные возможности при этом почти не учитывались.

Несмотря на сокращение в 1931–1932 годах валовых сборов зерна, хлебазаготовки значительно возросли (только за счёт увеличения доли отчисления от собранного урожая, что аргументировалось «высокой товарностью» хозяйства колхозов и совхозов). Крестьян заставляли сдавать хлеб по грабительским ценам (в 8 – 10 раз ниже рыночных). «Сверхналог» с них взимался и путём экспорта зерна, ибо полученная за него валюта использовалась на закупки промышленного оборудования.

В 1930 году при высоком урожае было вывезено за рубеж 48,4 миллиона центнеров зерна; в 1931 году, когда был недород, – 51,8 миллиона центнеров; а в 1932 году в условиях начавшегося голода – 18 миллионов центнеров. Прекращение вывоза зерна в этом году могло бы спасти от смерти несколько миллионов крестьян или даже вовсе избежать голода.

Тягчайшие репрессии вновь обрушились на крестьянство. Основными проводниками их стали чрезвычайные комиссии, действовавшие в основных зерновых районах страны. Решение об их создании на Украине и Северном Кавказе было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 22 октября 1932 года «в целях усиления хлебозаготовок»; первую из них возглавил В.М. Молотов, вторую – Л.М. Каганович. Опираясь на обкомы и крайкомы партии, а на Украине – на ЦК и Политбюро КП(б)У, комиссии осуществили комплекс репрессивных мер по отношению к колхозам, деревням и станицам, уличённым в «злостном саботаже» хлебозаготовок. Их заносили на «чёрную доску», что означало: 1) немедленное прекращение подвоза товаров, полное свёртывание кооперативной и государственной торговли с вывозом из магазинов всех наличных товаров; 2) полное запрещение торговли как для колхозников, так и для единоличников; 3) прекращение кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств; 4) проведение чистки колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от «враждебных элементов»; 5) изъятие органами ОГПУ организаторов саботажа хлебозаготовок. По существу, это означало полную блокаду «провинившихся» сёл и деревень.

С помощью таких драконовских мер комиссиям удалось полностью выгрести из скудных крестьянских амбаров весь хлеб «до последнего зерна» и тем самым внести «решающий вклад» в организацию «рукотворного» голода в этих районах.

Северный Кавказ, где, по данным Е.Н. Осколкова, голод охватил 44 района из 75, не досчитал около 1 миллиона, Поволжье, по расчётам В.В. Кондрашина, – около 0,5 миллиона человек. Расчёты С.В. Кульчицкого и И.С. Пирожкова показывают, что наибольшие потери понесла Украина: здесь погибли от голода 3,5 – 4 миллиона крестьян. В общей сложности в зерновых районах страны голодало не менее 30 миллионов крестьян, а погибло не менее 7 миллионов человек. Осокина Е.Л. общее число зарегистрированных и незарегистрированных смертей от голода определяет в 6,7 миллиона человек (без ГУЛАГа). Особая ответственность за организацию голодомора ложится на руководителей чрезвычайных комиссий – Кагановича, Молотова, Постышева, а в Казахстане – Голощекина, которые своими действиями показали, что им совершенно чужды были интересы миллионов крестьян, принявших мученическую смерть во имя выполнения нереальных заготовительных планов.

С осени 1932 года, когда появились первые признаки голода, и особенно зимой – весной 1933 года, когда он достиг кульминации, крестьянское движение в районах, охваченных голодом, всё больше приобретает характер пассивного сопротивления (порча колхозного имущества, хищения, отказ от работы и т.п.). Но хищения урожая («стрижка колосков») в большинстве случаев совершались голодными людьми, нередко детьми, а на работу многие колхозники не могли выходить из-за ослабления организма, дистрофии, эпидемических заболеваний.

Волна массовых репрессий в период хлебозаготовок 1932 года, жёсткое применение закона от 7 августа 1932 года сделали своё дело. Стало ясно, что политика ликвидации кулачества как класса, основанная на массовых репрессиях, насильственных депортациях крестьян, в целом себя исчерпала. Окончательные выводы на этот счёт были сделаны в секретной директиве – инструкции Сталина и Молотова от 8 мая 1933 года, направленной всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры. 1930 – 1932 годы характеризовались в ней как время ожесточённой классовой борьбы в деревне «против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников».

Есть все основания утверждать, что с завершением сплошной коллективизации в важнейших сельскохозяйственных районах и по стране в целом «в основном» отчётливо проявился кризис аграрного производства в СССР. Его можно охарактеризовать такими чертами: разрушение основных производительных сил деревни, полная дезорганизация и упадок аграрного производства, «раскрестьянивание» и массовая гибель основных производителей сельскохозяйственной продукции в связи с репрессиями, депортациями и голодом. Задания первой пятилетки по развитию сельского хозяйства, которые предполагалось значительно превзойти в связи с «великим переломом», ни по одному показателю не были выполнены, причём разрыв был весьма значительный, особенно в животноводстве. Более того, почти по всем показателям (за исключением посевных площадей, производства хлопка и льноволокна) произошло снижение производства по сравнению с 1928 годом. Зато был перевыполнен план (более чем в 3 раза) обобществления крестьянских хозяйств. Но именно в результате этой «революции сверху» и произошло катастрофическое падение производства в аграрном секторе экономики.

Выигрыш от расширения посевных площадей (на 21,4 миллиона гектаров, или на 19%) в значительной степени был сведён к минимуму из-за крайне низкой урожайности, огромных потерь при уборке и хранении урожая. Невосполнимый урон понесло животноводство, лишившись половины поголовья скота и потеряв примерно столько же продукции. Особенно тяжело ощущалась гибель рабочего скота. Только в 1958 году стране удалось превысить уровень 1928 года по основным видам поголовья скота.

При непрерывном сокращении в годы коллективизации валовой продукции сельского хозяйства (со 124% к уровню 1913 года в 1928 году до 114% в 1931 году, 107% в 1932 году и 101% в 1933 году) заготовки зерна выросли почти в 2 раза. Этот «феномен» объясняется просто: государство, полностью подчинив себе колхозы, выхолостив в них почти всё кооперативное, стало проводить хлебозаготовки по принципу развёртки, методами «военного коммунизма», выгребая нередко из скудных крестьянских амбаров почти весь собранный урожай.

«Революция сверху» привела к гибели миллионов кормильцев огромной страны. Колоссальный урон сельскому хозяйству, деревне нанесла политика так называемого раскулачивания. Искоренили, по самым минимальным подсчётам, 1,1–1,2 миллиона (4–5%) крестьянских хозяйств (около 6 миллионов человек).

Это, так сказать, «внешнее раскрестьянивание» – выбытие по тем или иным причинам (насильственная депортация, бегство в город и т.п.) из состава этого класса. Но было и «внутреннее» – превращение крестьян в колхозников – подневольных работников сельскохозяйственных предприятий полугосударственного типа. Коллективизация разрушила весь уклад деревенской жизни, подрубила социально-экономические и генетические корни не только воспроизводства, но и существования крестьянства как такового.

12. СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ВОВ

Война нанесла колоссальный урон отечественному сельскому хозяйству. В 1941–1942 годах в руках оккупантов оказалось около половины посевных площадей и поголовья скота, почти треть энергетических мощностей сельского хозяйства. Тракторы, автомобили, лошади изымались для нужд фронта. Тракторный парк сельского хозяйства сократился в 1,5 раза, автомобильный – в 3,5 раза.

Грандиозные задачи встали и перед сельским хозяйством: дать стране и Красной Армии продовольствия в достаточном количестве, а промышленность – обеспечить сырьём. Однако в первые месяцы войны сельское хозяйство страны понесло огромные потери. В 1940 году в СССР было 235,5 тысячи колхозов, а к концу 1941 года число их снизилось на 86,5 тысячи, количество совхозов уменьшилось на 1470, МТС – на 2170, т.е. материально-техническая база резко сократилась. Заготовки всех видов сельхозпродукции, поголовье скота всех видов резко уменьшились.

В армию ушли 38% трудоспособных работников сельского хозяйства, т.е. практически все мужчины призывных возрастов. Во многих сёлах и деревнях вообще не осталось мужчин моложе 50 – 55 лет. В 1943 году 71% работников сельского хозяйства составляли женщины. Рядом с ними трудились старики и подростки. В армию было призвано большинство механизаторов (ведь тракторист – практически готовый водитель танка). Женщины освоили трактор. Уже в 1942 году в соревновании женских тракторных бригад принимали участие 150 тысяч человек. Из-за потери большей части квалифицированных работников и тягловой силы, сокращения поголовья скота и посевных площадей сбор зерновых составил в 1942 году лишь 31% довоенного уровня. Уменьшились и сборы картофеля, хлопка, производство мяса и молока.

В деревнях катастрофически не хватало рабочей силы. Так что положение сельского населения в годы войны было чрезвычайно трудным, даже по сравнению с городским. На государственное снабжение оно не принималось. В колхозах действовал остаточный принцип оплаты трудодней. Почти вся производимая колхозами продукция сдавалась государству по госпоставкам, поэтому на трудодни выдавалось лишь чуть-чуть зерна и картофеля.

На захваченной к ноябрю 1941 года территории проживало около 40% населения. Это были важнейшие районы производства сельхозпродукции. По этим данным можно сказать, что страна к началу войны потеряла половину своих мощностей. Из оккупированных районов вывозились промышленное оборудование, сырьё и продовольствие, исторические и художественные ценности. Большой урон был нанесён сельскому хозяйству. Оккупанты увезли в Германию или уничтожили 137 тысяч тракторов, 49 тысяч комбайнов. Они захватили 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов свиней и т.д.

В 1941 году продовольствие и сырьё давали в основном колхозы и совхозы Сибири, Поволжья, Казахстана и Средней Азии, где ценой невероятных усилий площади озимых посевов удалось увеличить на 2 миллиона гектаров, а площади сенокосения – на 67% по сравнению с 1940 годом. В результате возросла заготовка грубых и сочных кормов, а это позволило сохранить поголовье скота и тем самым обеспечить армию и население продуктами питания, промышленность – сырьём.

Существенные изменения произошли и в колхозном крестьянстве. Большинство мужского населения деревни было мобилизовано в армию. Многие колхозники ушли на фабрики и заводы. Общая численность трудоспособного крестьянского населения в 1944 году сократилась по сравнению с 1940 годом почти на 14 миллионов человек. Особенно резко уменьшилось число трактористов, комбайнеров, механиков и других наиболее квалифицированных специалистов. Удельный вес мужчин в возрасте 18 – 54 лет снизился среди сельского населения с 21% в 1939 году до 8,3% в 1945 году. Основная тяжесть работы легла на женщин, подростков и стариков, составлявших 4/5 всех работавших в колхозах и совхозах. Между тем труд в сельском хозяйстве требовал огромного физического напряжения, так как техническая его вооружённость в связи с войной стала намного слабее.

Годовой минимум трудодней был повышен до 100 – 150 в апреле 1942 года Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Этот документ впервые зафиксировал обязательный минимум трудодней для подростков от 12 до 16 лет, членов семей колхозников в размере 50 трудодней в год. Кроме того, в годы Великой Отечественной войны была введена судебная ответственность колхозников за невыполнение обязательного минимума трудодней. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1942 года «Об ответственности колхозников за невыполнение минимума трудодней» все трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительной причины обязательного минимума, предавались суду и по приговору суда привлекались к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием 25% трудодней в пользу колхоза. Согласно сведениям отдела статистики Министерства юстиции СССР с 1942 по 1948 годы народными судами были рассмотрены дела о невыработке обязательного минимума трудодней в отношении 1501,4 тысячи человек, из них 1124,5 тысячи человек (74,9%) было осуждено. Большую часть осуждённых составили женщины.

Предметом властного регулирования в эти годы являлась борьба с производственными потерями, халатностью; максимальное расширение хозяйств и их самообеспечение; кадровая проблема. ЦК ВКП(б) своим письмом от 28 июля 1942 года обязывал райкомы партии и политотделы «организовать и провести уборку в колхозах и совхозах так, чтобы были исключены нетерпимые в условиях войны потери урожая, происходящие вследствие неорганизованности, расхлябанности и невнимательного отношения». Согласно постановлению от 18 октября 1942 года директора хозяйств должны были обеспечить увеличение поголовья крупного рогатого скота, овец, расширение посевов зерновых, бобовых и кормовых культур, внедрить посевы овощей и картофеля. До 1945 года усилия законодателя были направлены на сохранение сельскохозяйственного производства и максимальное извлечение из него средств, прежде всего для нужд фронта.

Колхозники Тамбовской области были инициаторами сбора средств на вооружение Красной Армии в нашей стране. В колхозе «Красный доброволец» Избердеевского района был организован сбор средств на строительство танковой колонны. За первые две недели было собрано более 40 миллионов рублей. Об этом благородном почине наших земляков узнала вся страна. В газете «Правда» была опубликована статья об этом и телеграмма И.В. Сталина секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову, в которой была выражена благодарность трудящимся Тамбовской области от воинов Красной Армии. Это патриотическое начинание тамбовских крестьян становится всенародным.

15 декабря 1942 года на станции Рада делегаты от всех 43 районов области передали первые танки танковой колонны «Тамбовский колхозник» воинам 128-го и 136-го танкового полка. Всего танковая колонна «Тамбовский колхозник» насчитывала 161 танк и действовала в составе 2-го Краснознамённого танкового корпуса. 23 военнослужащих этого корпуса стали Героями Советского Союза. Этим корпусом в боевых действиях было уничтожено более 2 тысяч немецких танков, более 2 тысяч орудий, 3 тысячи пулемётов и 120 тысяч вражеских солдат и офицеров.

Всего тамбовчанами было собрано свыше 50 миллионов рублей. Для фронта на эти деньги были сформированы танковая колонна, несколько эскадрилий самолётов, боевые соединения торпедных катеров «Тамбовский пионер», бронепоезд «Тамбовец», санитарные самолёты. Это был огромный вклад в достижение нашей Победы. Жители нашей области собрали и отправили на фронт более 350 тысяч тёплых вещей и большое количество подарков для бойцов Красной Армии (более 20 железнодорожных вагонов).

Значительная часть советского крестьянства оказалась на захваченной врагом территории. Уже к концу 1941 года под оккупацией находилась территория, на которой к началу войны проживало более 74,5 миллиона человек, главным образом колхозников и членов их семей. Таким образом, численный состав нашего крестьянства во время войны резко сократился, хотя потом он постепенно увеличивался по мере освобождения оккупированных районов. Но и в этих тяжёлых условиях колхозники самоотверженно выполняли свой гражданский долг. Труженики села хорошо понимали, что не только штык, но и колос врага колет. С первых же дней войны среди колхозного крестьянства развернулось патриотическое движение за досрочную сдачу государству сельскохозяйственных продуктов и до-срочное погашение подписки по государственным займам, а с 1942 года разгорелось Всесоюзное социалистическое соревнование между колхозами, совхозами и МТС.

В преодолении трудностей, связанных с войной, и выполнении колхозами производственных планов огромную роль сыграла взаимная помощь рабочих и крестьян. Важное значение приобрело коренное улучшение работы МТС, которые оставались главной технической базой сельского хозяйства и решающим рычагом помощи города деревне. Выполнить эту задачу были призваны политотделы машинно-тракторных станций и совхозов, введённые партией как чрезвычайная мера в ноябре 1941 года. Посылая в деревню большой отряд коммунистов, партия преследовала также цель поднять там политическую работу, укрепить дисциплину и порядок, подготовить механизаторские кадры.

Политотделы много сделали для укрепления совхозов, МТС и колхозов. Машинно-тракторные станции, имея небольшой тракторный парк, обрабатывали – в переводе на пахоту – от 1/3 (в 1942 году) до половины (в 1945 году) всех земельных угодий, обработанных в 1940 году. С улучшением работы МТС крепили связи рабочего класса с колхозным крестьянством.

Шефство над деревней – важная и действенная форма связи индустриального города с деревней. Оно издавна стало традицией рабочего класса нашей страны. Коллективы предприятий брали на себя добровольные обязательства по оказанию помощи колхозам. На заводах во внеурочное время ремонтировалась сельскохозяйственная техника, изготовлялись запасные части, инвентарь. Для ремонта сельскохозяйственных машин в деревню направлялись бригады, состоявшие из инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Городское население строило животноводческие фермы, силосные башни, участвовало в полевых и других сельскохозяйственных работах.

Колхозное крестьянство в свою очередь помогало городу. Это выразилось не только в пополнении промышленных предприятий рабочей силой, но и в аккуратном выполнении государственных обязательств по сдаче продукции. Колхозники посылали рабочим продовольствие из своих личных запасов. Десятки тысяч обозов шли в город. Это патриотическое движение охватывало область за областью и нашло отклик среди крестьян оккупированных районов. Навсегда сохранится в памяти ленинградцев подвиг колхозников Ленинградской области, которые, находясь в тылу врага, сумели собрать и переправить жителям осаждённого города Ленина 380 центнеров хлеба, 120 центнеров жиров и много других продуктов.

В период освобождения Украины получило распространение шефство колхозов над шахтами. Так, в 1944 году 17 областей Украины приняли шефство над 23 угольными трестами Донбасса. Колхозники снабжали шахтёров продовольствием, содействовали плановому обеспечению угольной промышленности рабочей силой. Пламенные патриоты социалистической Родины отдавали благородному делу её защиты не только свой труд, но и личные сбережения, проявляя огромную заботу о Красной Армии.

13. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1945 – 1953 ГОДОВ

Война нанесла тяжелейший урон сельскому хозяйству. Фашисты разрушили и разграбили более 40% всех колхозов и совхозов. Трудоспособное население в сельской местности сократилось с 35,4 до 23,9 миллиона человек. Численность тракторов в сельском хозяйстве составила 59% к довоенному уровню, а количество лошадей снизилось с 14,5 до 6,5 миллиона голов. Объём валовой продукции сельского хозяйства уменьшился на 40%. После Великой Отечественной войны уровень сельскохозяйственного производства по сравнению с довоенным оказался ниже, чем уровень после Первой мировой и Гражданской войн.

В первый год послевоенной пятилетки к огромному ущербу, нанесённому сельскому хозяйству войной, прибавилось стихийное бедствие. В 1946 году Украину, Молдавию, области Центрально-чернозёмной зоны, Нижнее и часть Среднего Поволжья охватила засуха. Это была самая жестокая засуха, поразившая нашу страну за последние пятьдесят лет. В этот год колхозы и совхозы собрали зерна в 2,6 раза меньше, чем до войны. Засуха тяжело отразилась и на животноводстве. В охваченных засухой районах численность только крупного рогатого скота снизилась на 1,5 миллиона голов. На выручку районам, пострадавшим от засухи, пришли государство и труженики других регионов страны, выделившие из своих скудных ресурсов материальные и финансовые средства.

К весне 1947 года в одной только Воронежской области число больных с диагнозом «дистрофия» составляло 250 тысяч человек, всего по РСФСР – 600 тысяч, на Украине – более 800 тысяч, в Молдавии – более 300 тысяч. Таким образом, не менее 1,7 миллиона человек в СССР числились «официально голодающими», смертность от дистрофии достигала 10% от общего числа людей, которым был поставлен этот диагноз. Также выросла заболеваемость так называемой асептической ангиной (анемия, вызванная употреблением в пищу необработанного зерна, бывшего под снегом) и другими болезнями, связанными с голодом, употреблением в пищу суррогатов (содержание примесей в хлебе достигало 40%) и т.д. Особенно высокой была детская смертность, в начале 1947 года составлявшая до 20% общего числа умерших. В ряде областей Украины и Черноземья были отмечены случаи каннибализма. Острый дефицит продовольствия, впрочем, не приведший к массовому голоду, существовал в СССР до конца 1940-х годов. Приблизительный подсчёт числа жертв голода 1946–1947 годов является затруднительным из-за отсутствия достоверной демографической статистики по этому периоду (между 1939 и 1959 годами переписей населения не было), попыток властей скрыть масштабы и сам факт голода (секретная переписка в 1946–1947 годах, «засуха» и «последствия войны» в 1980-х), ослабления контроля над текущим учётом населения в послевоенные годы. Известно, что в 1947 году официальная смертность в СССР выросла в 1,5 раза (примерно на 800 тысяч человек, из которых половина пришлась на долю РСФСР), ухудшились и другие демографические показатели (рождаемость, регистрация браков и т.д.). В начале 1947 года смертность от голода в РСФСР и на Украине перекрыла естественный прирост населения, численность сельского населения сократилась почти на 1 миллион человек. По оценке М. Элмана, всего от голода в 1946–1947 годах в СССР погибло от 1 до 1,5 миллиона человек. Некоторые исследователи считают эти цифры завышенными.

Трудности восстановления сельского хозяйства усиливались налоговой политикой государства. Оно по-прежнему выкачивало из села все средства для промышленности. Если города восстанавливались за счёт государственных средств, то деревни – за счёт средств самих колхозов. Помощь государства колхозникам выражалась лишь в поставках сельскохозяйственной техники, за которую они расплачивались сельскохозяйственной продукцией по очень высоким ценам. Колхозы не разрешалось подключать к государственным электростанциям. Они должны были строить свои, на которых себестоимость электричества была намного выше. В результате, хотя к 1953 году 22% колхозов было электрифицировано, всё же большинство крестьянских изб освещалось свечами и даже лучинами. Крестьяне не были материально заинтересованы в производительном труде, а колхозный труд носил всё более принудительный характер. Закупочные цены на продукты крестьянского труда были в десятки раз ниже розничных цен на них. Кроме того, денежный налог с личного подсобного хозяйства за 1940-е годы увеличился почти в 5 раз. Налоговый гнёт сопровождался силовым давлением на крестьян. Даже в условиях засухи и неурожая государство заставило колхозы и совхозы сдать более половины собранного хлеба, обрекая тем самым их на голодное существование. Между прочим, значительная часть этого хлеба по льготным ценам была вывезена в страны народной демократии. Чтобы лишить крестьян иных источников дохода и заставить работать на колхозных полях, велось наступление на личное подсобное хозяйство. За уклонение от трудовой деятельности их выселяли в отдалённые районы на принудительные работы.

Несмотря на ограбление крестьянства, к концу четвёртой пятилетки довоенный уровень сельского хозяйства был восстановлен. Его валовая продукция в 1950 году составила 97% от уровня 1940 года. Однако и после этого кризисное положение в сельском хозяйстве сохранялось. Некоторые положительные изменения наметились лишь с середины 1950-х годов.

Такое отношение к крестьянству не способствовало росту производства. Наоборот, год от года колхозы производили всё меньше и меньше зерна и других продуктов. Если в 1937 году урожай зерновых составил 87 миллионов тонн, а в 1940 – 76 миллионов тонн, то в 1950 году – уже лишь 66 миллионов тонн. Официальная пропаганда не только умалчивала о реальном положении дел, но и рисовала прямо противоположную картину. В 1952 году власти объявили о полном и окончательном «решении зерновой проблемы» в СССР. На самом же деле для снабжения городов и армии хлебом и продуктами животноводства государственные органы вновь готовы были предпринять чрезвычайные меры.

Российская деревня рассматривалась как главный демографический и экономический ресурс форсированной индустриализации, обеспечения победы в Великой Отечественной войне и восстановления разрушенного хозяйства. Наиболее тяжёлым для крестьянства оказался 1946 год, когда летняя засуха охватила большинство зерновых областей страны – Украину, Молдавию, правобережье Средней и Нижней Волги, Центрально-чернозёмную зону и значительные территории в Нечерноземье. В создавшихся условиях правительство переложило основной груз экономических трудностей на сельское население, при этом сохранив прежние нормы экспорта хлеба. Советский Союз оказывал значительную помощь хлебом Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии. Всего в течение 1946–1947 годов экспорт зерна из СССР составил 2,5 миллиона тонн.

В условиях экспорта зерна правительство существенно снизило нормы натуральной оплаты труда колхозников. Так, в 1946 году 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% вообще не производили оплату зерном, что в сочетании с летней засухой стало причиной голода. Примечательно, что официальные власти и средства массовой информации не только не признавали фактов наличия голода, но и продолжали ужесточать так называемые меры «по обеспечению сохранности хлеба». Колхозники, не выполнявшие установленный государством минимум без уважительной

причины, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев, с удержанием 25% заработка в пользу колхоза. Если в годы войны чрезвычайные меры были понятны населению и не вызвали резкого осуждения, то их сохранение после победы часто становилось причиной общественного недовольства.

Экономический произвол государства во многом оказался возможен по той причине, что лишённые паспортов колхозники не имели права выбирать работу и место жительства. Основной изъян колхозной системы выражался в отсутствии полноценной оплаты крестьянского труда, поскольку размер последней зависел от того остатка, который сохранялся после выполнения колхозом всех обязательств перед государством.

Провозглашённая забота о сельском населении сопровождалась скрытым увеличением налогового бремени, особенно в личных подсобных хозяйствах. В 1948 и 1952 годах увеличился основной сельскохозяйственный налог с крестьян. Недовольство населения не могло проявляться иначе как в латентных формах, например в попытках сорвать поставки сельхозпродукции. В целом непродуманная налоговая политика в деревне, тенденции к укрупнению колхозов, массовая миграция сельских жителей в города к весне 1953 года привели аграрный сектор страны к масштабному кризису.

Перед государством со всей остротой встала задача путём создания полезных лесных полос преобразовать природу засушливых районов страны с тем, чтобы снизить зависимость сельскохозяйственного производства от погодных условий. Для того чтобы придать лесоразведению в степных и лесостепных районах организованный характер и государственные масштабы, был принят План полезных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР. Весной 1949 года широким фронтом начались лесопосадочные работы. Особенно активно они велись в Краснодарском крае, в Сталинградской, Рязанской, Ростовской и Тульской областях. Начатые в годы первой послевоенной пятилетки работы по преобразованию земли, улучшению условий для сельскохозяйственного производства дали свои положительные результаты. Колхозы, совхозы и лесхозы заложили до 1951 года полезные лесные полосы на площади 1852 тысяч гектаров. В стране были созданы государственные лесные полосы: Камышин – Волгоград, Воронеж – Ростов-на-Дону, Пенза – Каменск, Белгород – Дон, Чапаевск – Владимировка и др. Их протяжённость составляла более 6 тысяч километров. Созданные более 40 лет назад лесонасаждения и сегодня защищают около 25 миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий и являются примером мирного приложения человеческих сил и мудрого отношения к земле и природе.

В 1953 году на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС был выработан новый курс на развитие сельского хозяйства, которое к этому времени находилось на уровне 1926 – 1929 годов, притом что население страны значительно выросло, а около 57% жителей продолжало оставаться сельчанами. На Пленуме ЦК КПСС было принято достаточно радикальное для своего времени Постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Непосредственный автор проекта Маленков, по сути, сделал ставку на материальную заинтересованность крестьянина, что являлось новшеством для советской системы. Были сделаны определённые шаги для повышения материальной заинтересованности колхозников в сельскохозяйственном производстве, в частности повышены закупочные и заготовительные цены, снижены нормы обязательных государственных поставок, капитальные вложения в сельскохозяйственное машиностроение увеличены в 1,5 – 2 раза. Но сельское хозяйство было уже настолько подорвано, что эти меры не могли вывести его из состояния глубочайшего кризиса. Как попытка выхода из него было принято решение начать освоение целинных и залежных земель, прежде всего в Казахстане. Эта программа начала осуществляться с 1954 года.

Во многом по политическим и идеологическим соображениям на февральско-мартовском (1954 года) Пленуме ЦК было принято решение об активном освоении новых пашенных земель, которое стало главным ориентиром в развитии сельского хозяйства эпохи «оттепели», вытеснив приоритеты «маленковского курса» аграрной политики. С марта 1956 года началось масштабное наступление на личные подсобные хозяйства, резко ограничивалось количество скота, находящегося в личной собственности колхозников.

14. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С. ХРУЩЁВА. 1953 – 1964 ГОДЫ

Одним из первых мероприятий нового руководства страны было снижение сельскохозяйственного налога (на 1954 год – в 2,5 раза по сравнению с 1952 годом), списание недоимок по налогам за прошлые годы, увеличение размеров личных подсобных хозяйств колхозников и приусадебных участков рабочих и служащих в городах и посёлках. Были снижены нормы обязательных поставок государству продукции животноводства, увеличены закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов, расширены возможности развития колхозных рынков. Так, заготовительные и закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты к концу 1950-х годов выросли в три раза. С середины 1950-х годов сельское хозяйство впервые за долгие годы стало рентабельным. Заметно увеличились государственные ассигнования на развитие аграрного сектора. Доля расходов государственного бюджета на сельское хозяйство увеличилась с 7,6% в 1950 году до 18% в 1955 году. А всего за 1953–1954 годы капиталовложения в сельское хозяйство увеличились в четыре раза. Увеличился поток тракторов, комбайнов, автомашин, отправляемых в село. Из различных учреждений и научных институтов в колхозы и совхозы было направлено 120 тысяч специалистов-аграрников для оказания реальной помощи сельскому хозяйству. Была отменена практика проведения сельскохозяйственных работ по указанию «сверху», из центра. Теперь решение о том, где, когда и что сеять, принимали в районах, но всё же не сами хозяйства. Данное государством право увеличивать личные подсобные хозяйства, держать в них домашний скот и птицу значительно улучшило материальное положение не только крестьян, но и жителей городов. Несмотря на то что личные подсобные хозяйства были совсем небольшими, их

продуктивность была довольно высокой. Количество коров в личном владении составляло в 1959 – 1965 годах 42 ... 55% общего поголовья в стране, свиней – 31 ... 37%, овец – 20 ... 22%.

На Пленуме ЦК в феврале – марте 1954 года ставилась задача расширения посевов зерновых за счёт освоения целинных и залежных земель на 13 миллионов гектаров. Но уже через 10 месяцев, на январском Пленуме ЦК, Хрущёв говорил о том, что ЦК партии и Совет Министров приняли решение довести посевы зерновых на новых землях в 1956 году не менее чем до 28 – 30 миллионов гектаров. Обосновывая это решение, он подчеркнул, что освоение целинных и залежных земель является «наиболее доступным и быстрым источником увеличения производства зерна».

Программа поднятия целинных и залежных земель была принята, и в том же году началось массовое освоение целины. Первыми туда были отправлены заключённые из многочисленных лагерей, а вслед за ними прибыли по комсомольским путёвкам отряды молодёжи. На целинных землях стали создавать совхозы. К середине 1956 года было распаханно и засеяно 33 миллионов гектаров новых земель в Заволжье, Оренбургской области, в Северном Казахстане, Западной Сибири, на Алтае и в других районах страны. А всего в сельскохозяйственный оборот было вовлечено почти 42 миллиона гектаров пашни. Это позволило в значительной степени решить продовольственную проблему. Так, если в 1954 году в Советском Союзе всего было собрано 85,5 миллиона тонн зерна, из них 27,1 миллиона тонн – на целинных землях, то в 1960 году – соответственно 125,5 и 58,7 миллиона тонн. Однако это новое грандиозное начинание в первые же годы столкнулось с обычной бесхозяйственностью, беспечностью. Не были построены зернохранилища, не было железных дорог, не хватало автомашин, чтобы вывозить хлеб на элеваторы. Всё это требовало значительных расходов, и стоимость зерна на целине в 1954 – 1964 годах была на 20% выше, чем в основных зерносеющих районах. На освоение новых земель были направлены огромные государственные ресурсы, которые забирались у традиционных зерновых районов, оказавшихся из-за этого в тяжёлом положении.

В докладе на декабрьском (1958 года) Пленуме ЦК КПСС, подводя итоги первого пятилетия освоения целины, Хрущёв утверждал, что освоение целинных и залежных земель стало решающим условием производства зерна. Однако в докладе не было данных об урожайности зерновых. И не случайно. Она возросла в тот период значительно – с 7,7 до 11,1 центнера с гектара. Но не за счёт целины. В районах её освоения урожайность зерновых составляла в 1958 году лишь 9,6 центнера с гектара, т.е. существенно тянула вниз общесоюзный показатель. Поэтому целинная прибавка в посевах зерновых – 18,5 миллиона гектаров, о которой могла идти речь в докладе, дала в лучшем случае около 18 миллионов тонн зерна, в то время как 106,7 миллиона гектаров старопашотных земель за счёт роста урожайности дали прибавку около 38 миллионов тонн, т.е. в 2 раза больше.

Сам по себе этот факт свидетельствовал о наличии в программе освоения целины глубинных противоречий. Они были заложены уже в партийных и государственных документах тех лет. Обострение их в процессе реализации программы не позволило достичь намеченных ею целей. В отчётном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии указывалось, что целинные земли дают свыше 40% всех заготовок хлеба в стране. Но это было не так. Такой процент заготовок хлеба давали не собственно целинные земли, а районы освоения целинных и залежных земель.

Не обеспеченный производственной, да и социальной инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечернозёмной зоны РСФСР, и привёл к росту общих потерь урожая зерновых до 30 – 40 и более миллионов тонн в год, т.е. в 1,5–2 раза больше того, что давали стране собственно целинные земли. Особенно настораживал процесс расхищения природных, почвенных ресурсов, вызванный прежде всего тем, что рациональная система земледелия была создана здесь лишь спустя почти два десятилетия после освоения целины. В этой ситуации целина своевременно не укрепила зерновой баланс страны, но привела (по времени) наряду с другими факторами к снижению производства, необходимости закупок зерна за рубежом.

В области колхозного права в марте 1955 года новым Постановлением правительства «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» отменялся старый порядок детализированного планирования в колхозах (МТС, райисполком, колхоз). По новым правилам райисполкомы стали доводить до колхозов только общие показатели по объёму заготовок, конкретное планирование своего производства стали осуществлять сами колхозы. В марте 1956 года Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли Постановление «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели». Сами колхозы теперь могли определять размеры приусадебных участков, количество скота, находящегося в личной собственности, устанавливать минимум трудодней, принимать в артель и исключать из неё. При этом общие принципы Устава (неделимость земельного фонда колхоза и др.) оставались в силе. С 1958 года (после реорганизации МТС) были отменены обязательные поставки сельхозпродукции и натуроплаты, вместо них был установлен порядок закупки сельхозпродукции государством. Одновременно с этим были изменены принципы оплаты труда в колхозе: вводились ежемесячное авансирование колхозников и форма денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. Желание Хрущёва побыстрее догнать Америку вело к авантюризму в центре и на местах. Повсюду создавалась видимость небывалых успехов, широко практиковались приписки, рождались «рекорды» и «почины». В каждой области, крае, республике появились «маяки» – образцовые хозяйства (колхозы, бригады, звенья) и отдельные работники (доярки, комбайнёры), на которых следовало равняться остальным. При этом все понимали, что для таких «маяков» созданы особые условия, что их достижения не что иное, как показуха. Исходя из тезиса о временном, преходящем характере колхозно-кооперативной собственности, во второй половине 1950-х годов руководство страны начало проводить политику массового преобразования колхозов в совхозы, превращения колхозников-крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Число совхозов увеличилось с 4857 (1953) до 10 078 (1964).

Следующая сверхпрограмма тех лет – скоропалительное по времени и утопическое по масштабам расширение площади посевов кукурузы и других «чудо-культур». Логика при этом была предельно прямолинейной: всю пахотную землю

распахать, всю пашню засеять, засеять потенциально, невзирая на зональные различия, самыми «высокоурожайными» культурами и получить за счёт этого максимум продукции, кормов.

Идеализация возможностей «чудо-культур» привела почти к десятикратному расширению в стране посевов кукурузы или, например, «царя-гороха». Считалось, что для обеспечения полного достатка кормов в колхозах и совхозах кукуруза будет давать по 500 – 600 центнеров зелёной массы с гектара, а в районах недостаточного увлажнения – примерно 300 центнеров. Доклады и речи Хрущёва в те годы были переполнены примерами передовиков, добившихся ещё более высоких показателей. При этом идеологизация примеров принимала всеобщий характер. В речи на совещании передовиков сельского хозяйства РСФСР 23 февраля 1961 года Никита Сергеевич говорил: «...нашей ли рати коммунистической, комсомольской, советской бояться трудностей освоения таких могучих культур, как кукуруза и сахарная свёкла, которые сделают буквально переворот в производстве продуктов животноводства». О крестьянине простом здесь не упоминается. Ставка не на него. Брал верх сложившийся стереотип мышления командной системы. Тем самым объективно замораживались заинтересованный, вдохновенный, свободный крестьянский труд, сила экономических стимулов, хотя слов на сей счёт произносилось предостаточно.

А результаты между тем были плачевными. В 1962 году урожайность кукурузы на силос и зелёный корм составляла в колхозах и совхозах Нечернозёмной зоны РСФСР 33,6 центнера с гектара на площади 3,3 миллиона гектаров. В 1963 году она снизилась до 31,2 центнера с гектара. Разница между желаемым и действительным непомерная. Кукуруза не стала «королевой полей», основой подъёма животноводства. Насильственное её внедрение легло тяжким бременем на крестьянские плечи, подмыло корни привязанности честных пахарей к своей многовековой кормилице – земле – и стало главным слагаемым в числе сил разрушения оптимизации структуры посевов и внедрения рациональных систем земледелия.

И, наконец, поистине фантастическая программа тех лет по животноводству. В речи на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик РСФСР 22 мая 1957 года Хрущёв поставил задачу: «В ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения». Он считал, что успехи, достигнутые в сельском хозяйстве, позволяют поставить и решить эту задачу большой государственной важности. «По молоку вопрос ясен, – говорилось в речи. – Мы можем и должны в будущем догнать США и этого добьемся». Увеличить в 3,5 раза производство мяса и догнать США по его производству на душу населения Хрущёв считал возможным в 1960 году. В крайнем случае в 1961 году «зачистить остатки». Эти планы связывались не только с решением продовольственной проблемы в стране, но и с перспективами роста международного авторитета СССР.

Спустя два с лишним года на очередном Пленуме ЦК КПСС по сельскому хозяйству (декабрь 1959 года) тема «догнать США» ещё звучит, но уже не так категорично. Данные о росте производства продукции животноводства приводятся не от начала выдвинутой программы, а лишь за 11 месяцев текущего года. Приводится и обширный список достижений передовиков. Возглавляет его «выдающаяся победа» под руководством партийной организации трудящихся Рязанской области, где производство мяса за один 1959 год возросло в 3,8 раза. На самом же деле здесь, как и во многих других местах, проводилось безрассудное насильственное обобществление и уничтожение поголовья скота личных подсобных хозяйств, имели место прямой обман, приписки.

В 1961 году, уже, надо полагать, убедившись в провале выдвинутой программы по животноводству, Хрущёв пытается придать ей второе дыхание за счёт Нечерноземья. Он ставит немислимую задачу: производить в зоне 100 – 120 центнеров мяса в убойном весе и 900 – 1000 центнеров молока на каждые 1000 гектаров пашни. Поскольку, по его мнению, для решения этой задачи за счёт роста производства говядины потребуются три–четыре года (опять), «...нам следует пойти по пути увеличения свинины. Тогда можно за год–два удовлетворить спрос населения на мясо. Свинья скороспелое животное». В части кормовой базы надежды возлагались на три кита: кукурузу, сахарную свёклу, бобовые. Свиноводство предлагалось развивать на сахарной свёкле, которая, как утверждал докладчик, даёт в Нечерноземье по 300 – 400 и более центнеров корней с гектара. И опять чудовищный просчёт. В Центральном и Волго-Вятском районах РСФСР, не говоря уже о Северо-Западном, в 1961 – 1965 годах среднегодовая урожайность сахарной свёклы составляла всего лишь 75 центнеров с гектара.

Стремление выполнить «программу» любой ценой привело к тому, что в одном лишь 1963 году было забито почти 30 миллионов (42%) поголовья свиней в стране. И лишь через 15 лет это дотоле непрерывно растущее поголовье было восстановлено, ещё через 10 лет оно увеличилось примерно на 10 миллионов голов – ровно на столько, на сколько оно возросло после 1956 года каждые два года. Пошатнулся тогда и рост поголовья всех других видов скота и птицы.

Со второй половины 1950-х годов начался новый этап укрупнения колхозов. Ежегодно ликвидировалось примерно 10 тысяч уже укрупнённых ранее колхозов. В 1963 году их осталось 39 тысяч против 91 тысячи в 1953 году. «Ради дела» самая демократичная и бесспорно эффективная форма управления артели (уже бывшей) – общее собрание колхозников – была подменена, как правило, другой – собранием их представителей. Средние размеры совхозов в 1954 – 1962 годах возросли в результате их укрупнения в 3 раза. Всё это представлялось как концентрация производства, но на деле имел место худший вариант его централизации с последующими отрицательными показателями эффективности. В те же годы началось преобразование колхозов в совхозы. Если в 1955 году было преобразовано 257 колхозов, то в 1956 – 1960 годах – 14 763 – почти в 12 раз больше в среднегодовом исчислении. Эти укрупнения и реорганизации обернулись тяжкой трагедией для судеб села. Связанная с ними централизация руководства агрозоотехнической, инженерной служб обезглавливала объединившиеся тогда в единые колхозы и совхозы десятки, сотни тысяч деревень. Сам собой встал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего количества сёл и деревень. Их жители лишились всяких возможностей стать полноправными, самоуправляемыми коллективами, а рабочие места большинства из них теперь оказывались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупнённого колхоза или совхоза, концентрируясь, естественно, на центральных усадьбах. Проблемы дорог и транспорта обострились до предела.

25–26 февраля 1958 года проходит Пленум ЦК с повесткой дня «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС». С 1 по 25 марта проводится всенародное обсуждение – нет, не сути проблемы, а уже, по существу, состоявшегося решения партии. 27 – 31 марта 1958 года сессия Верховного Совета СССР принимает Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС. Согласно принятому закону, реорганизация МТС должна была осуществляться «постепенно, с учётом развития экономики отдельных колхозов и особенностей различных зон и районов Советского Союза». Но... память о коллективизации ещё в плоти аппарата. Практически реорганизация МТС завершается к началу 1959 года. Местные партийные и хозяйственные органы демонстрируют свою способность выполнять решения без оглядки и невзирая на лица, конечно подчинённые. В итоге на колхозы обрушивается огромная сумма долга, обусловленная необходимостью выкупа техники у государства. Большинство из них снижает оплату трудодня.

Надежды на возможность огромного сиюминутного эффекта от реорганизации МТС за счёт заинтересованного и лучшего использования техники самим колхозом оказались в значительной мере иллюзорными. Не были приняты необходимые меры для надёжного укрепления практически вновь созданной машинной материально-технической базы колхозов. Но последствия реорганизации, её перспективные итоги были, бесспорно, исторически прогрессивными.

В 1963 году валовая продукция сельского хозяйства сократилась по отношению к предыдущему году сразу на 12%. Семилетний план его развития был провален по всем показателям. Страна вступила в полосу ежегодных растущих закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за рубежом. Надо полагать, что это был сильнейший удар по самоубеждённости Хрущёва.

И вот тогда, в конце 1963 года, видимо, осознав бесперспективность прежних своих замыслов и попыток обеспечить устойчивый и крутой подъём сельского хозяйства, Хрущёв со свойственной ему энергией сделал резкий поворот в аграрной политике. В декабре 1963 и феврале 1964 годов один за другим проходят два важнейших Пленума ЦК КПСС. На первом обсуждается вопрос и принимается Постановление «Ускоренное развитие химической промышленности – важнейшее условие подъёма сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа», на втором – «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции». По существу, эти Пленумы на фундаменте программных установок партии заложили основы курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства, который развили и продолжили мартовский Пленум ЦК КПСС и XXII съезд КПСС.

28 февраля 1964 года в докладе на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов Н.С. Хрущёв сам назвал те, по его мнению, коренные изменения, которые произошли в сельском хозяйстве после сентябрьского Пленума ЦК, т.е. за время его лидерства. Их четыре.

Первое – обеспечение за десятилетие роста производства сельскохозяйственных продуктов. Он ничего не сказал при этом о провале программы подъёма сельского хозяйства и динамике роста производства по отдельным пятилетиям этого периода.

Второе – целина. Хрущёв Н.С. утверждал, что в 1954 – 1963 годах она дала дополнительно 8 миллиардов 600 миллионов пудов товарного хлеба. Однако этот прирост товарного хлеба дала не собственно целина, а в целом так называемые районы освоения целинных и залежных земель, включая товарный хлеб, полученный за счёт повышения урожайности на старопахотных землях этих районов, а также за счёт распашки трав и чистых паров.

Третье – изменение структуры заготовок, связанное с резким сокращением в их доле личного подсобного хозяйства и ростом крупного общественного товарного животноводства.

И, наконец, четвёртое – открывшаяся для страны «возможность с каждым годом увеличивать продажу продовольственных товаров населению». Возможность эта, как показали последующие годы, оказалась эфемерной.

Инерция командной системы отторгала всё то, что было ей чуждо. Она не могла примириться с идеей самостоятельности колхозов и совхозов. И лишь в 1964 году Хрущёв снова осудил командование, шаблон в руководстве колхозами и совхозами. Предугадать реальную «отдачу» такой позиции в перспективе сейчас невозможно, потому что лимит времени, отведённый Хрущёву историей, был уже исчерпан.

15. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА КПСС В 1970 – 1980-Е ГОДЫ

Сельское хозяйство подверглось реформированию согласно решениям мартовского и сентябрьского (1965 год) пленумов ЦК. Была предпринята попытка изменить механизм управления отраслью на основе сочетания общественных и личных интересов, усиления материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в росте производства. План обязательных закупок зерна был снижен и объявлен неизменным на 10 лет, а сверхплановые закупки должны были производиться по повышенным ценам. Были сняты некоторые ограничения с личных подсобных хозяйств. Однако акцент был сделан на увеличении капиталовложений и повышении роли министерства сельского хозяйства в планировании и руководстве отраслью. Таким образом, преобразования в сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, отчасти напоминали соответствующие меры 1953–1954 годов.

Мартовский (1965 год) Пленум ЦК КПСС определил основные направления дальнейшей аграрной политики партии: создание и совершенствование системы экономических отношений, обеспечивающей прочную заинтересованность колхозов и совхозов, всех работников сельского хозяйства в увеличении производства сельскохозяйственной продукции, улучшении её качества и росте производительности труда; осуществление последовательной интенсификации сельского хозяйства на

основе комплексной механизации, химизации, мелиорации земель, концентрации и специализации производства, повышения культуры земледелия и животноводства и т.п.; проведение системы социальных мероприятий, направленных на постепенное сближение условий жизни городского и сельского населения.

Программа ускоренного подъёма сельского хозяйства, намеченная мартовским Пленумом, получила развитие в решениях последующих пленумов ЦК КПСС, XXII (1966 год), XXIV (1971 год) и XXV (1976 год) съездов партии. Её осуществление создало условия для укрепления экономики колхозов и совхозов, открыло перспективы для рентабельного ведения общественного производства. В сельском хозяйстве проведены крупные экономические мероприятия: установлены твёрдые (стабильные) планы закупок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет, экономически обоснованные закупочные цены и повышенная оплата за продукцию, продаваемую государству сверх плана; расширена хозяйственная самостоятельность сельскохозяйственных предприятий; осуществлён переход колхозов от системы авансирования к прямому банковскому кредитованию производственных затрат; введена гарантированная оплата труда колхозников; принят новый порядок исчисления подоходного налога в колхозах и др. Для ускорения темпов интенсификации сельского хозяйства государство приняло на себя расходы сельскохозяйственных предприятий на мелиоративные работы, строительство и содержание крупных водохозяйственных систем, известкование кислых почв, борьбу с почвенной эрозией, коренное улучшение земель и др. Капитальные вложения в отрасль были увеличены с 20% к их объёму в целом по народному хозяйству в семилетнем плане (1959 – 1965 годы) до 21% в восьмой (1966 – 1970 годы), 24% в девятой (1971 – 1975 годы) и 25% в десятой (1976 – 1980 годы) пятилетках. Их рост сопровождался усилением технического прогресса в сельском хозяйстве, всесторонней механизацией и электрификацией сельскохозяйственного производства, постепенным его переводом на промышленную основу, химизацией сельского хозяйства, мелиорацией земель.

В результате комплексного решения важнейших аграрных проблем в сельском хозяйстве произошли крупные сдвиги. Возросли объёмы производства и государственных закупок основных видов сельскохозяйственной продукции, улучшилась отраслевая структура сельского хозяйства – повысился удельный вес продукции животноводства (в 1966 – 1970 годах на долю животноводства приходилось 49,1% валовой продукции сельского хозяйства, в 1971 – 1975 годах – 51,2%). Валовая продукция сельского хозяйства в 1975 году увеличилась в 1,3 раза по сравнению с 1965 годом. В деревне произошли крупные социально-экономические изменения, свидетельствующие об ускоренном сближении уровней жизни городского и сельского населения. За 1966 – 1975 годы оплата труда колхозников повысилась в 1,8 раза; введено пенсионное обеспечение и социальное страхование; в 1,7 раза увеличилась заработная плата работников совхозов. Существенно возрос размер выплат и льгот, получаемых из общественных фондов потребления. Преобразились облик деревни, её культура и быт. Почти все сельские населённые пункты электрифицированы, многие – газифицированы. Примерно каждый второй работающий сельский житель имеет среднее (полное или неполное) и высшее образование (в 1940 году – лишь каждый шестнадцатый).

Поначалу принятые решения дали заметный эффект. Стоимость сельскохозяйственной продукции за восьмую пятилетку (1966 – 1970 годы) выросла на 1/5, совокупная рентабельность совхозного производства составила 22%, колхозного – 34%. Однако эффект оказался непродолжительным. Несмотря на огромные инвестиции, колоссальные масштабы мелиорации и поставок техники и удобрений, в 1970-х – начале 1980-х годов среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства быстро снижались. Если в 1966 – 1970 годах сельскохозяйственное производство выросло на 21%, то в каждые последующие пятилетки – соответственно на 13,2, 8,8 и 5,8%. Производство зерна требовало от государства всё новых и новых дотаций, превращаясь в «чёрную дыру» советской экономики. Именно на селе наиболее ярко проявилась несостоятельность «социалистических методов хозяйствования».

XXIV–XXV съезды КПСС, октябрьский (1980 года), ноябрьский (1981 года) и майский (1982 года) Пленумы ЦК КПСС большое внимание уделили вопросам сельского хозяйства. Важное значение имело создание единых органов управления аграрно-промышленного комплекса. За девятую–десятую пятилетки укрепилась техническая база сельскохозяйственного производства. Возрос уровень химизации, комплексной механизации и индустриализации земледелия и животноводства. В широких масштабах ведутся мелиоративные работы. Капитальные вложения для этой цели за 1970 – 1980 годы составили более 300 миллиардов рублей.

В результате интенсификации сельского хозяйства увеличивается объём продукции. В расчёте на 1 гектар он вырос в десятой пятилетке по сравнению с предыдущей в 1,3 раза. Другой эффект интенсификации – большая устойчивость сельского хозяйства. В целом за девятую и десятую пятилетки сельскохозяйственной продукции получено на 272 миллиарда рублей больше, чем за две предыдущие. На майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС был обсуждён вопрос «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по её реализации». В программе предусматривается увязка в единый организм всех звеньев сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей, обеспечение пропорциональности и сбалансированности развития агропромышленного комплекса СССР.

Брежнев был активным сторонником капиталовложений в аграрный сектор, которые превысили пятую часть всех инвестиций. В результате в этом отношении сельское хозяйство впервые заняло почётное место в ряду приоритетных отраслей народного хозяйства, обогнав даже лёгкую промышленность. Резко усилилось финансирование аграрного сектора. В 1966 – 1980 годах, по официальным данным, туда было направлено 383 миллиарда рублей, что составляло 78% всех капиталовложений в сельское хозяйство за все годы Советской власти. За счёт этих средств началось осуществление грандиозных программ по комплексной механизации, электрификации сельского хозяйства, мелиорации и химизации почв. Общая энерговооружённость труда в расчёте на одного занятого в сельском хозяйстве выросла с 7,7 л.с. до 32,6 л.с. в 1985 году. С 1970 по 1985 год в РСФСР производственные фонды сельхозпредприятий увеличились в 3,4 раза, а энергетические мощности – в 2,3 раза.

Брежневская стратегия, консервирующая прежние структуры путём значительных финансовых инъекций в сельское хозяйство, не смогла решить его глубинной проблемы: отчуждение крестьянина от земли. Аграрная политика способствовала лишь росту затрат и расточительству. Несмотря на огромные инвестиции, колоссальные масштабы мелиорации и поставок техники и удобрений, в 1970-х – начале 1980-х годов среднегодовые темпы роста

сельскохозяйственного производства быстро снижались. Если в 1966 – 1970 годах они составляли 3,9%, то в 1971 – 1975 годах – 2,5%, в 1976 – 1980 годах – 1,7%, а в 1981 – 1985 годах – 1%.

Система органов управления сельским хозяйством была упрощена: министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов союзных республик были преобразованы в министерства сельского хозяйства, территориальные производственные колхозно-совхозные управления были упразднены, восстановлены структурные подразделения исполкомов местных Советов, ответственные за сельскохозяйственное производство. Колхозам и совхозам ненадолго была предоставлена большая самостоятельность, совхозы предполагалось перевести на полный хозрасчёт.

Поначалу принятые решения по осуществлению реформы в сельском хозяйстве дали заметный эффект. Стоимость сельскохозяйственной продукции за восьмью пятилетку (1966 – 1970 годы) выросла на 1/5, совокупная рентабельность совхозного производства составила 22%, колхозного – 34%. Однако эффект оказался непродолжительным. Хотя на время уборки в порядке так называемой «шефской помощи селу» привлекалось, по некоторым оценкам, около 20% всего активного населения страны, потери урожая составляли 30%. Закупки зерна за рубежом выросли с 2,2 миллиона тонн в 1970 году до 27,8 миллиона тонн в 1980 году и 44,2 миллиона тонн в 1985 году. Однако и огромный импорт не мог предотвратить быстрого ухудшения продовольственного положения в стране. С 1970-х годов в разряд дефицита попали мясо, колбаса, в ряде районов и молочные продукты.

В основе нараставших трудностей сельского хозяйства лежали как отзвуки прежней политики (насаждение колхозов, беспощадное выкачивание ресурсов из деревни, попытки ликвидации личного подворья и т.д.), просчёты в управлении, так и объективная нехватка инвестиций, порожденная, в частности, нежеланием советского руководства повышать розничные цены на сельскохозяйственные продукты из-за опасения социальных протестов, несмотря на увеличение закупочных цен и стремительный рост себестоимости. Дальнейшее развитие аграрного производства, хотя и не покрывало потребностей народного хозяйства, требовало от государства всё новых и новых дотаций, превращаясь в «чёрную дыру» советской экономики.

16. ДЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

В 1985 – 1988 годах были предприняты первые, а в 1989 – 1991 – последующие попытки к изменению существовавшей социалистической экономической модели. Уступая «новым веяниям», руководство страны приняло ряд законодательных актов, которые должны были придать новый импульс советской экономике. Напомним о некоторых из них. В 1986 году принят Закон СССР «О бригадном подряде», в 1987 – «О государственном предприятии (объединении)», «О кооперации в СССР».

Большинство важных актов оказались нежизнеспособными, поскольку входили в противоречие с существовавшей жёсткой системой государственного диктата. Следует учесть и такой немаловажный фактор (который многими исследователями не принимается во внимание), как инерционность мышления и особенности мировоззрения жителей огромного и многонационального государства. А поскольку сроки проведения реформ были недостаточны даже для простого осмысления сути коренных перемен, результаты их заведомо были обречены на неудачу.

По мере нарастания экономического кризиса появлялись всё новые и новые предложения. Ретроспективный анализ недавнего прошлого создаёт впечатление, что руководство страны до конца не осознавало глубины и последствий кризиса и боролось не с ним, а с его признаками.

В 1989–1990 годах появился закон об аренде и арендных отношениях и обновленный Закон «О государственном предприятии (объединении)». В них значительно расширились права предприятий, что позволяло развернуть здоровую предприимчивость и самостоятельность работников и специалистов. Но эти законы стали лишь ступенькой к последующим действиям государства, предпринятым в 1990 году, когда появились законодательные акты об акционерных обществах, малых и совместных предприятиях, коммерческих банках. В это же время началось активное разгосударствление предприятий и организаций, появились условия для развития и расширения коммерческих структур. В сельском хозяйстве этот процесс не носил столь динамичный характер, так как не был решён вопрос с приватизацией основного средства производства – земли.

Радикальная экономическая реформа начала 1990-х годов предусматривала конструктивные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, являющихся доминирующей формой социалистического хозяйствования в аграрной сфере, развитие фермерского сектора.

Главной целью земельной реформы было перераспределение земли между хозяйствующими субъектами для равноправного развития различных форм хозяйствования и рационального использования земель на территории России. Закон о земельной реформе, принятый в декабре 1990 года, отменял государственную монополию на землю на всей территории страны и возрождал институт частной собственности на землю. Право частной собственности на землю было закреплено в Конституции Российской Федерации. Однако II (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации в том же 1990 году ввёл десятилетний мораторий на куплю-продажу земли.

В конце 1991 года правительством Российской Федерации были приняты постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств, на реализацию права свободного выбора формы предпринимательства с закреплением за работниками имущественных паёв и земельных долей с правом свободного выхода из состава коллективного хозяйства без согласия на то трудового коллектива.

Реорганизации подлежали все коллективные хозяйства независимо от эффективности их деятельности. На их базе могли быть созданы товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы,

крестьянские фермерские хозяйства и их ассоциации. Трудовым коллективам предоставлялось право сохранить прежнюю форму хозяйствования. Реорганизация должна была быть завершена к концу 1992 года.

Реорганизация колхозов и совхозов практически завершилась к началу 1994 года, когда 95% коллективных хозяйств прошли перерегистрацию. В результате проведённой реорганизации 66% коллективных хозяйств изменили свой организационно-правовой статус, а 34% воспользовались правом сохранить прежнюю форму хозяйствования. На базе реорганизованных хозяйств было создано 0,3 тысячи акционерных обществ открытого типа; 11,5 тысячи товариществ (всех видов); 1,9 тысячи сельскохозяйственных кооперативов; 0,4 тысячи подсобных хозяйств предприятий и организаций; 0,9 тысячи ассоциаций крестьянских хозяйств; 81,6 тысячи крестьянских (фермерских) хозяйств; 2,3 тысячи прочих формирований. Сохранили свой прежний статус 3,6 тысячи совхозов и 6,0 тысячи колхозов. По формам собственности сельскохозяйственные предприятия распределились следующим образом: государственная – 26,6; муниципальная – 1,5; частная – 66,8; смешанная – 5,1%.

Таким образом, в результате реорганизации коллективных хозяйств был сделан первый шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле. Однако ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства и увеличении его объёмов эта реорганизация не принесла. Объёмы производства и доля сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации неуклонно падают. Если в 1990 году сельскохозяйственные предприятия производили 74% от общего объёма продукции, то в 1996 году – только 52%.

Продолжается дальнейшее сокращение поголовья скота, его продуктивности и сохранности в этой категории хозяйств. Большинство сельскохозяйственных предприятий находятся в тяжёлом экономическом положении. Если 1991 год сельскохозяйственные предприятия страны закончили с уровнем рентабельности в 43, то 1995 год – минус 2, а 1996 год – минус 20,5%.

За период проведённых реформ резко сократился уровень жизни городского и сельского населения, в том числе потребление основных продуктов питания. По сравнению с 1985 годом душевое потребление мяса и мясопродуктов снизилось на 15%, молока и молочных продуктов, яиц – примерно на 20%, сахара и овощей – более чем на 30%, масла растительного – на 40%, рыбы – почти на 60%. Увеличилось потребление лишь картофеля и хлебных продуктов.

По обеспечению населения продуктами питания Россия переместилась с 7-го места в ряду развитых стран мира на 40-е. По данным Госкомстата РФ, в 1995 году 54% потребляемого населением продовольствия Россия импортировала, используя внешние кредиты на оплату импорта. По оценочным данным, в 1995 году среднестатистический житель страны потреблял с питанием 2300 калорий в сутки, тогда как с учётом природно-климатических условий ему требуется не менее 3200 калорий. Ухудшение питания в числе других факторов негативно сказалось на состоянии здоровья населения, динамике смертности и продолжительности жизни. Последний показатель снизился с 68 лет в 1990 году до 62 лет в 1996 году.

В середине 1990-х годов импортное продовольствие занимало до 50% отечественного рынка, а в крупных городах достигало 70%. По официальным данным, прирост отдельных видов импортной продукции на продовольственном рынке России в 1992 – 1995 годах характеризуется следующими цифрами (в тысячах тонн): мясо – 288 ... 945 (рост 328%); мясо птицы – 461 146 (рост 2491%); масло сливочное – 25 ... 170 (рост 680%); рис – 17 ... 146 (рост 858%); сыры – 8 ... 84 (рост 1050%). Резко сократился импорт пшеницы, кукурузы, изделий зерновых продуктов, масла подсолнечного и картофеля.

В результате углубления кризиса в экономике страны инвестиционная активность как в целом по народному хозяйству, так и в АПК в последние годы продолжала снижаться. Замедлились темпы наращивания мощностей в производственной сфере сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, сократился ввод объектов по хранению сельскохозяйственной продукции и в социальной сфере. Кризисное состояние в экономике АПК не позволило стабилизировать положение и в капитальном строительстве.

За годы реформы объёмы инвестиций в АПК сократились почти в 6 раз. В национальном доходе доля инвестиций снизилась до 10%, что не обеспечивает даже простого воспроизводства и является одной из причин продолжающегося спада производства. Общий объём капитальных вложений в АПК в 1997 году за счёт всех источников финансирования составил 31 триллион рублей, сократившись (в сравнении с 1996 годом) почти на 10%, или вдвое больше, чем в целом по стране.

Происходящие процессы обусловили резкое снижение мотивации для профессиональной, качественной и эффективной работе, а также резкое падение престижа труда в общественном производстве, особенно среди сельской молодёжи. По данным опроса 1996 года, около половины (47,4%) сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни (ответы типа «да», «скорее да, чем нет»). Между тем три года назад (в 1993 году опрошено 525 человек) положительно на этот вопрос ответило лишь 10,6% сельских респондентов. Намечившаяся тенденция является очень тревожным симптомом. Иными словами, формирующееся институциональное пространство, действующий хозяйственный механизм деформируют систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства; способствуют скорее социальному иждивенчеству, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, лишая социальной базы преобразования аграрного сектора, сдерживают процесс его модернизации.

В 1993 – 1996 годы указами Президента Российской Федерации был определён порядок распоряжения земельными долями. Но, чтобы узаконить право на них и выдать владельцам соответствующие свидетельства, потребовалось несколько лет. На 1 июля 1997 года было выдано 10,7 миллиона таких свидетельств на земельные доли суммарной площадью 106,8 миллиона гектаров. Всего в ходе земельной реформы ими наделены 12 миллионов сельских жителей, включая пенсионеров и работников социальной сферы.

Собственнику предоставлено право владеть земельной долей без выдела эквивалентного участка на местности, передавать её в качестве вноса в уставный капитал общества, товарищества или неделимый фонд кооператива, сдавать в аренду этому предприятию, продавать другому члену товарищества или самому предприятию. Если собственник намерен использовать долю для ведения фермерского или личного подсобного хозяйства или продать за пределы хозяйства, он может

потребовать выдела земельного участка, эквивалентного доле. Он также вправе подарить свою долю, завещать её, продать муниципальному органу, обменять на имущественный пай.

Но на практике удаётся реализовать не все эти права, так как в уставах обществ (товариществ) зачастую зафиксированы лишь право передачи доли в уставный фонд и сдачи в аренду. Наиболее сложно выделить участок в счёт доли с последующим изъятием его из земель предприятия.

Отношение населения к земельным долям различается по регионам. В депрессивных регионах, где нет дефицита земли, собственники долей относятся к ним безразлично, поскольку не могут экономически реализовать своё право. В регионах, испытывающих дефицит сельхозугодий, земельные доли приобрели реальный экономический смысл, их собственники стремятся выбрать наилучший для себя способ использования. На начало 1997 года 85% всех земельных долей были переданы в аренду; 2,6% – в уставный капитал; 1,4% использовались для создания крестьянских хозяйств; 0,1% – для личного подсобного хозяйства; 0,1% продано в самих хозяйствах; 12% остались невостребованными.

Развитие фермерских хозяйств в 1990-е годы продемонстрировало противоречивую тенденцию. Число фермерских хозяйств, достигнув 280 тысяч в 1996 году, в последующие годы сократилось к 1999 году до 270 тысяч фермерских хозяйств. Фермерские хозяйства значительно различаются по размерам. Более 50% имеют земли менее 20 гектаров и только 9% – более 100 гектаров. Напомним, что для эффективного фермерского зернового хозяйства оптимальным является хозяйство, имеющее примерно 300 гектаров. Неудивительно, что производительность труда в фермерских хозяйствах в целом невысока, а доля продукции фермерских хозяйств составляет всего лишь 2% в общем объёме сельскохозяйственной продукции.

Главная причина, сдерживающая развитие фермерства со второй половины 1990-х годов, – резкое сокращение государственной поддержки фермерскому движению. Кроме того, фермерские хозяйства имеют меньший доступ к кредитам и переработке в сравнении с крупными хозяйствами. Кроме проблем взаимоотношений с рынком у фермеров имеются и проблемы взаимоотношений с местными сельскими сообществами, хозяйствующими в формах крупных сельскохозяйственных предприятий. Надо также отметить внутреннюю социальную неоднородность современного российского фермерства, разделяемого на номенклатурное фермерство сельских элит и фермерство горожан и селян без номенклатурного блата.

Как правило, из распавшихся колхозов несколько наиболее энергичных семей выходят на фермерский путь. В большинстве случаев такими фермерами ведётся натуральное хозяйство, которое в перспективе трансформируется в товарно-рыночное. Остальные члены местной общины идут работать наёмными работниками к фермерам. В перспективе возможно развитие фермерской кооперации и объединение на этой основе социальной инфраструктуры села, воссоздание села на новой индивидуально-рыночной основе. Но пока мы не имеем комплексных свидетельств развития сельских сообществ по этому пути.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) работников сельскохозяйственных предприятий стали основным источником их доходов. Ещё в начале 1990-х годов основную часть денежных выплат работники получали на предприятиях, а продукты, произведённые в ЛПХ, большей частью шли на стол их семьям и родственникам. Но повальная убыточность сельскохозяйственных предприятий привела к господству бартерного товарообмена. Натуральная форма утвердилась и в отношениях предприятий с работниками: всё большую часть зарплаты последние получали зерном и другой продукцией, вследствие чего перед ЛПХ стала нетрадиционная задача превращения в деньги заработной платы, получаемой в натуральной форме.

Перемещение ресурсов из коллективных хозяйств в ЛПХ осознанно осуществлялось руководителями хозяйств. Руководители исходили из того, что односельчане видят в них не столько свободных предпринимателей, сколько представителей властных структур и что лично на них в первую очередь будет направлено массовое недовольство в случае обострения социальной напряжённости.

Изменение соотношения доходов, получаемых от работы в сельхозпредприятии и в личных хозяйствах, в пользу последних вызвало и перераспределение трудовой нагрузки в пользу ЛПХ. Упала заинтересованность в результатах труда на предприятиях, усилилось растаскивание их ресурсов по личным подворьям. Эти факторы способствовали ещё большему ослаблению предприятий и в конечном итоге оскудению ЛПХ.

Стал иным по сравнению с 1980-ми и началом 1990-х годов и бюджет времени селян: вместо простаивания в очередях и поездок в областной центр за продуктами они больше заняты выращиванием овощей и картофеля, уходом за своей скотиной, ремонтом одежды, обуви, бытовой техники и жилища. Труд их стал как будто более универсальным, но остался малопродуктивным и всё более ограничивался рамками ЛПХ.

ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН ЛЕКЦИЙ И СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Лекция 1. Великий незнакомец

1. Крестьяноведение. Предмет и методы научного исследования.
2. Источники и историография проблемы.
3. Судьбы крестьянства в русской истории.

Семинар 1. Земледелие и землепользование в Древней Руси

1. Славяне-пахари.
2. Формы древнейшего земледелия.
3. Земля в славянской мифологии.

Лекция 2. Сельское население Киевской Руси IX – XIII веков

1. Землевладение и землепользование.
2. Категории сельского населения.
3. Культура и быт сельского населения.

Семинар 2. Община в Киевской Руси

1. Сельская вервь.
2. Функции и значение древнерусской общины.
3. Русская Правда как источник изучения русской деревни.

Лекция 3. Крестьянство в период XIII – середины XVI веков

1. Сельская колонизация и агротехнологии.
2. Вотчинное хозяйство. Крестьянские повинности.

Семинар 3. Правовое положение сельского населения в XV–XVI веках

1. Судебник 1497 года.
2. Царский судебник 1550 года.

Лекция 4. Формирование крепостного права (конец XVI–XVII век)

1. Хозяйственное состояние села.
2. Крестьяне и холопы.
3. Соборное уложение 1649 года.

Семинар 4. Народные движения XVII–XVIII веков

1. Русская деревня в Смутное время.
2. Крестьянское восстание под руководством С. Разина.
3. Пугачёвщина.

Лекция 5. Крестьянство России XVIII века

1. Социально-экономическое положение русского села.
2. Государственные и владельческие крестьяне.
3. Законодательство о крестьянах эпохи абсолютизма.

Семинар 5. Культура и быт русской деревни

1. Формы эпического народного творчества.
2. Крестьянские промыслы.
3. Обрядовая культура.

Лекция 6. Сельское население империи в первой половине XIX века

1. Крестьянский вопрос в правления Александра I и Николая I.
2. Демографическая ситуация в русской деревне.
3. Крестьянский менталитет: его черты и особенности.

Семинар 6. Деревня и армия в первой половине XIX века

1. Отечественная война 1812 года и русское крестьянство.
2. Военные поселения.

Лекция 7. Реформы 60 – 70-х годов XIX века и российское крестьянство

1. Отмена крепостного права в русской деревне.
2. Влияние буржуазных реформ на развитие русского села.

Семинар 7. Крестьянская община в пореформенный период

1. Функции и самоуправление сельской общины.
2. Перемены в принципах общинной жизни.

Лекция 8. Обычное право русской деревни

1. Роль обычного права в жизни села.
2. Нормы обычного права в повседневности крестьянского двора.
3. Сельское правосудие.

Семинар 8. Российская деревня на путях модернизации

1. Социальная мобильность сельского населения.
2. Процесс урбанизации и его последствия.
3. Изменения в быту.

Лекция 9. Аграрная реформа начала XX века

1. Социально-экономическое развитие села в начале XX века.
2. Крестьянское движение за землю.
3. Столыпинская аграрная реформа.

Семинар 9. Российское крестьянство в первое десятилетие XX века

1. Столыпинское землеустройство.

2. Организация и формы агрономической помощи.
3. Кооперативное движение в деревне.

Лекция 10. Российское крестьянство в революции 1917 года

1. Аграрное законодательство Временного правительства.
2. «Чёрный передел» 1917 года.
3. Декрет о земле.
4. Зелёное движение в Гражданской войне.

Семинар 10. Аграрная политика большевизма периода «военного коммунизма»

1. Продовольственная диктатура.
2. «Антоновщина».

Лекция 11. Нэп и советское крестьянство

1. Земельный кодекс 1922 года.
2. Кооперативное движение.
3. Трудности хлебозаготовок 1928 года. «Чрезвычайщина».

Семинар 11. Культурная революция в деревне

1. Ликвидация неграмотности. Система политического просвещения.
2. Формы сельского культпросвета. Борьба с религией.
3. Новая советская обрядность.

Лекция 12. Коллективизация сельского хозяйства в СССР

1. Переход к сплошной коллективизации. Политика раскулачивания.
2. Колхозное строительство. Голод 1932–1933 годов.

Семинар 12. Жизнь советского села в годы ВОВ

1. Тыл – фронту.
2. На оккупированной территории.

Лекция 13. Советская деревня конца 40 – 50-х годов XX века

1. Трудности послевоенного восстановления.
2. Аграрные реформы. Целинная эпопея.

Семинар 13. Реформы села Н.С. Хрущёва

1. Аграрная политика КПСС в 1960-е годы.
2. Социально-экономическое и культурное состояние деревни.

Лекция 14. Мероприятия власти в области развития села в 1970 – 80-е годы

1. Противоречия и трудности развития советской деревни.
2. Продовольственная программа: иллюзии и реальность.

Семинар 14. Аграрный кризис второй половины 1980-х годов

1. Состояние и перспективы развития АПК.
2. Культура и быт села. Проблемы сельской миграции.

Лекция 15. Российское крестьянство в реформах 90-х годов XX века

1. Политика деколлективизации деревни.
2. Фермерское движение.
3. Итоги десятилетия.

Семинар 15. Деревня конца XX века на путях реформ

1. Экономическое положение села.
2. Демографическая ситуация.
3. Отношение селян к власти.

Лекция 16. Современное положение российского села

1. Организационно-правовые формы землепользования.
2. Нужна ли частная собственность на землю?
3. Экономические результаты аграрного производства.

Семинар 16. Состояние и перспективы развития российского села в начале XXI века

1. Национальный проект «Развитие АПК»: замысел и воплощение.
2. Трудовые ресурсы современной деревни.
3. Уровень образования и культуры сельских жителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская деревня до начала XX века оставалась носителем традиционной культуры. Производство было аграрным, социальная структура – крестьянской, регулирование отношений – обычно-правовым. Основу духовной жизни села составляло православие. Ревностное соблюдение традиций, настороженное отношение к новому отвечали потребностям самосохранения и воспроизводства традиционной системы отношений.

Трудовая повседневность составляла основу жизнедеятельности русского крестьянства. Традиции земледельческой культуры являлись результатом многовекового опыта взаимодействия крестьянина с окружающей средой, приспособления пахаря к погодным условиям и качеству почв. Выбор возделываемых культур зависел от природно-климатических условий и хозяйственных потребностей крестьянского двора.

Используемые крестьянами орудия труда и приёмы обработки земли позволяли придерживаться наиболее оптимальной модели хозяйственного поведения, возможной в условиях экстенсивного производства. Хозяйственный консерватизм русского села – следствие «моральной экономики как этики выживания крестьянства». Мотивация трудовой деятельности крестьянства выражалась в обеспечении потребностей хозяйствующей семьи. Традиции повседневного труда земледельца были направлены на минимизацию производственного риска.

Носителем крестьянских традиций выступала община. Её деятельность основывалась на совместной хозяйственной деятельности. Сельский сход как традиционный институт крестьянского самоуправления определял и регулировал различные стороны повседневной жизни жителей русской деревни. Разнообразные общинные формы социальной защиты и помощи выступали наглядным проявлением общественных идеалов русского крестьянства. Имущественное расслоение деревни, конфликт интересов затрудняли, но не исключали возможности принятия солидарных решений. Всякое давление на крестьянский «мир» извне неизменно вело к его консолидации. Кризисные явления, возникшие в общине под влиянием процесса модернизации, выступали лишь зримым проявлением её адаптации при сохранении традиционных устоев.

Поземельные отношения русской деревни основывались и регулировались обычным правом. Правовая особенность имущества крестьянского двора была обусловлена семейным характером производства и традициями податного обложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. / В.А. Александров. – М. : Наука, 1984. – 254 с.
2. Анфимов, А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904 / А.М. Анфимов. – М. : Наука, 1980. – 238 с.
3. Анфимов, А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны / А.М. Анфимов. – М. : Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1962. – 383 с.
4. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2004. – 304 с.
5. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Т. Шанин. – М. : Прогресс, 1992. – 432 с.
6. Вронский, О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв. : структура, управление, поземельные отношения / О.Г. Вронский. – М. : МПГУ, 1999. – 153 с.
7. Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII ве-ка : в 2-х т. / Б.Д. Греков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АН СССР, 1952 – 1954 г. – Т. 1. – 536 с.; Т. 2. – 472 с.
8. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 446 с.
9. Громыко, М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко. – М. : Наука, 1986. – 278 с.
10. Давыдов, М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства) / М.А. Давыдов. – М. : РГГУ, 2003. – 586 с.
11. Данилов, В.П. Судьба сельского хозяйства в России 1861 – 2001 г. / В.П. Данилов // URL: <http://ladim.org/st006.php>.
12. Данилова, Л.В. Сельская община в средневековой Руси / Л.В. Данилова. – М. : Наука, 1994. – 318 с.
13. Дружинин, Н.М. Русская деревня на переломе 1861 – 1880 / Н.М. Дружинин. – М. : Наука, 1978. – 287 с.
14. Дубровский, С.М. Столыпинская аграрная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства в начале XX века / С.М. Дубровский. – М. : АН СССР, 1963. – 600 с.
15. Есиков, С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.) / С.А. Есиков. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 1998. – 108 с.
16. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856 – 1861 / Л.Г. Захарова. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
17. Зырянов, П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907 – 1914 гг. / П.Н. Зырянов. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
18. Кабанов, В.В. Крестьянская община и кооперация / В.В. Кабанов. – М. : ИРИ РАН, 1997. – 156 с.
19. Кабытов, П.С. Русское крестьянство в начале XX века / П.С. Кабытов. – Куйбышев, 1990. – 145 с.
20. Кабытов, П.С. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения / П.С. Кабытов, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак. – М. : Мысль, 1988. – 237 с.
21. Китанина, Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / Т.М. Китанина. – Л. : Наука, 384 с.
22. Ковальченко, И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. / И.Д. Ковальченко. – М. : МГУ, 1967. – 400 с.

23. Ковальченко, И.Д. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1977. – 413 с.
24. Козлов, С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России / С.А. Козлов. – М. : РОССПЭН, 2002. – 560 с.
25. Кознова, И.Е. XX век в социальной памяти крестьянства / И.Е. Кознова. – М. : ИФ РАН, 2000. – 207 с.
26. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 518 с.
27. Литвак, Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Чернозёмный центр 1861 – 1895 гг. / Б.Г. Литвак. – М. : Наука, 1972. – 348 с.
28. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса / Л.В. Милов. – М. : РОССПЭН, 2001. – 576 с.
29. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000. – Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 568 с.
30. Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М. : Современник, 1987. – 510 с.
31. Платонов, О.А. Русский труд / О.А. Платонов. – М. : Современник, 1991. – 335 с.
32. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М. : Наука, 2001. – 363 с.
33. Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред А.П. Корелина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 368 с.
34. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.
35. Тюкавкин, В.Г. Крестьянство России в период трёх революций / В.Г. Тюкавкин, Э.М. Шагин. – М. : Просвещение, 1987. – 207 с.
36. Шанин, Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1907 гг. – 1917 – 1922 гг. / Т. Шанин. – М. : Весь мир, 1997. – 560 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Сельское население Древней Руси	4
2. Русская деревня XIII – начала XVI веков	11
3. Русское крестьянство в XVI–XVII веках	17
4. Крестьянство России в XVIII веке	23
5. Российская деревня в первой половине XIX века	28
6. Отмена крепостного права в России	34
7. Российское село в начале XX века	42
8. Революция 1917 года в деревне	49
9. Крестьянство в Гражданской войне	53
10. Советское крестьянство в годы нэпа	58
11. Коллективизация сельского хозяйства в СССР	63
12. Советская деревня в годы ВОВ	72
13. Сельское хозяйство в послевоенный период 1945 – 1953 годов	77
14. Аграрная политика Н.С. Хрущёва. 1953 – 1964 годы	82
15. Аграрная политика КПСС в 1970 – 1980-е годы	90
16. Деколлективизация российской деревни	94
Примерный план лекций и семинарских занятий	100
Заключение	104
Список литературы	105